

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

Томъ XIV, выпускъ 2.

ВОТЯКИ
СОСНОВСКАГО КРАЯ.

Гр. Верещагина.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1886.

Slav 3118.30.5

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Второй выпускъ XIV тома Записокъ Импер. Русск. Геогр. Общества по отдѣленію Этнографіи изданъ подъ наблюденіемъ дѣйствительнаго члена П. А. Сороковскаго.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣкоторыя изъ свѣдѣній, составляющихъ содержаніе предлагаемаго выпуска, были уже напечатаны въ XX томѣ Извѣстій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Но въ виду того, что всѣ свѣдѣнія о Вотякахъ, доставленныя авторомъ, составляютъ одно цѣлое, пришлось по необходимости перепечатать здѣсь и ранѣе опубликованный матеріалъ.

Неодновременное поступленіе дополнительныхъ свѣдѣній во время печатанія послужило препятствіемъ къ строго послѣдовательному расположенію ихъ по отдѣламъ этнографической программы Географическаго Общества.

П. Соголовскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Замѣчанія о Сосновскомъ краѣ	1
Общая характеристика жителей	3
Строенія и жилища	8
Одежда	10
Пища и питье; кушанья, напитки	12
Содержаніе семьи	17
Занятія жителей; охота на птицъ и звѣрей	18
Сватовство и свадебные обряды; кукло́нь (кража невѣсть)	23
Обряды при рожденіи дѣтей	28
Обряды надъ умершими	29
Религія жителей	—
Праздники и жертвоприношенія	34
Повѣрья и преданія	65
Различные обряды и примѣты	108
Разказы	113
Сказки	131
Пѣсни	170
Байки	176
Загадки и отгадки	179
Игры и занятія взрослыхъ и дѣтей	181
Дѣтскія игрушки	187
Игры мальчиковъ и дѣвочекъ съ движеніями	193
Фокусы	194

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ 197

Лѣтоисчисленіе (197); семейныя печати (198); женскія грамотки (199);
вновь открытыя божества и ругія именческія лица (200); привидѣніе, повѣрья
(201); секты (202); различные способы гаданія (205); жертва старикамъ (207),
умершимъ (208); жертва за убитого звѣря (209); расходы жениха (209); обряды
при рожденіи дѣтей; обряды при потеряхъ (210); сожженіе Воршуда (212);
слопы-матки (214); обряды при началѣ жатвы, сѣнокосѣ, при пожарахъ (215);
снятіе татки съ молодыхъ (217).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Таблица съ изображеніемъ игръ.

ВОТЯКИ СОСНОВСКАГО КРАЯ.

Сосновскій край, населенный вотяками, составляет одну из восточныхъ частей Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. Центръ края—село Сосновка стоитъ въ 100 верстахъ отъ уѣзднаго города Сарапула и въ 64 отъ р. Камы. Въ этомъ краѣ самое густое вотское населеніе. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, сохранились и остатки язычества. Есть здѣсь также и русскія селенія, но они основаны уже послѣ обращенія вотяковъ въ христіанство переселенцами изъ Вятской стороны. Причиной переселенія русскихъ въ вотякамъ было безлѣсье и плохой грунтъ земли въ родной странѣ, а здѣшній край славился плодородіемъ и лѣсами. И нынѣ еще русскіе, слыша такую же славу о здѣшнемъ краѣ, охотно переселяются сюда чуть не каждый годъ, расходуя на это значительную сумму денегъ. Расходы по перечисленію на лучшее мѣсто простираются иногда до тысячи рублей, именно: вотякамъ того селенія, въ которое перечисляется новожилъ, приходится заплатить подчасъ рублей шестьсотъ; на угощеніе водкой каждаго селенія, входящаго въ составъ сельскаго общества, уходитъ рублей по двадцати; въ подарокъ волостному писарю за составленіе пріемнаго приговора нужно бываетъ дать рублей сто; старшинѣ за подпись—рублей пятьдесятъ; засѣдателю, старостѣ и т. д. рублей по пяти и по десяти. И безъ этого никто и не думай о перечисленіи на хорошее мѣсто. Иной новожилъ, т. е. новый членъ вотскаго общества, какъ ободранная до гола липка, переѣхавши на новое мѣсто со всѣмъ семействомъ и скарбомъ, купить на послѣдніе рубли какую нибудь

грязную вотскую избенку, помѣститъ въ нее свою семью, а самъ идетъ на заработки куда-нибудь въ окрестныя селенія или въ города; семья же его, лишенная насущнаго хлѣба, принуждена бываетъ бродить по селеньямъ съ сумой на плечахъ. Земли у такихъ новожиловъ остаются не обработанными и незасѣянными, и подати за нихъ приходится платить самимъ же вотякамъ, по милости которыхъ они обнищали. Такъ обманываетъ нѣкоторыхъ переселенцевъ вотскій край! Зато сами вотяки здѣсь состоятельны; это доказываетъ и ихъ исправный платежъ податей, и скирды хлѣба на поляхъ, остающіяся нетронутыми на мѣстахъ двадцать и болѣе лѣтъ и, наконецъ, денежныя вклады, находящіеся въ разныхъ банкахъ. Прежде старики-вотяки зарывали деньги въ землю и оттуда обратно ихъ не вырывали, такъ какъ по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ мѣста вкладовъ старики забывали, а молодое поколѣніе о нихъ не знало.

Откуда и когда пришли сами вотяки въ этотъ край? Отвѣчать на это трудно, такъ какъ никакихъ письменныхъ документовъ объ этомъ нѣтъ; впрочемъ, о мѣстѣ прежняго ихъ жительства въ народѣ еще живо преданіе. По сказу престарѣлаго вотяка села Сосновки Захара Кондратьева, вотяки пришли сюда изъ-за рѣки Камы еще во время состоянія ихъ въ язычествѣ; объ этомъ старикъ Кондратьевъ говорилъ такъ: закамское начальство получило указъ о заготовкѣ листовничнаго лѣса для сплава по рѣкѣ Камѣ; лѣсъ этотъ, говорили, нуженъ на постройку кораблей. Вслѣдствіе такого указа, начальство начало гнать вотяковъ въ закамскіе лѣса для рубки бревенъ и перевозки ихъ на берегъ рѣки Камы. Вотяки отправились; ихъ начали тамъ обременять работами, такъ что мало было времени и отдохнуть, а равно и заниматься своимъ дѣломъ; къ тому же приставленные къ нимъ смотрители обращались съ ними жестоко. Выведенные изъ терпѣнія, они рѣшились во что бы ни стало бѣжать и вотъ, улучивъ время, переправились съ семействами и рухлядью за рѣку Каму, скрылись въ непроходимыхъ лѣсахъ, покрывавшихъ въ то время Сосновскій край, и въ лѣсахъ этихъ построили юрты въ родѣ шалашей и землянокъ изъ линовыхъ дубьевъ, хворосту и проч. Занимались они здѣсь звѣроловствомъ, употребляя при этомъ деревянныя стрѣлы съ желѣзными наконечниками и расчищали мѣста подъ посѣвъ хлѣбныхъ

растений. Обыкновенными орудіями земледѣлія были: вмѣсто сохи — копыль, вмѣсто бороны — грабли....

Общая характеристика жителей.

Ростъ жителей-мужчинъ среднимъ числомъ 2 арш. 4 вершк., а женщины еще малорослѣе мужчинъ; станъ сложенъ худо; ноги короткія и искривленныя; грудь плоская; цвѣтъ тѣла смуглый; щеки впалыя, носъ небольшой, прямой, островоконечный и нѣсколько впалый; глаза небольшіе, сѣрые, поставлены горизонтально, но въ орбитахъ лежать глубоко, выглядывая оттуда вяло и угрюмо; ротъ полуоткрытъ; губы тонкія и углы ихъ направлены нѣсколько къ низу; волосы свѣтлорусые, часто рыжіе; борода небольшая, клинообразная; волосы подстригаютъ кругомъ, вровень съ нижними концами ушей; расчесывать волосы обыкновенія не имѣютъ; усы стригутъ, не давая имъ расти болѣе мѣсяца времени.

Признаками мужской и женской красоты считаютъ: чистое лицо, носъ прямой, густыя брови, открытые глаза, тонкія губы, русые волосы; имѣющихъ такую красоту называютъ таза! чеберъ! Безобразіемъ считаютъ толстыя губы, большой носъ съ открытыми ноздрями, лицо шадровитое, отсутствіе бровей; имѣющихъ такое безобразіе называютъ: шэтэмъ!

Рѣдкій вотякъ поднимаетъ тяжесть въ пять пудовъ, а нести три пуда для вотяка составляетъ уже большой трудъ.

Въ движеніяхъ, занятіяхъ и ѣдѣ вотяки тихи; вялы, неповоротливы; на дѣло, на которое нужно употребить два часа, они употребляютъ три и четыре часа и притомъ любятъ все дѣлать съ отдыхомъ и куреньемъ табаку; ходятъ тихо, наклонившись нѣсколько впередъ, смотрятъ въ землю, какъ будто ищутъ потерянное и оглядываются подобно зайцу, напуганному шорохомъ въ лѣсу.

Живутъ вотяки грязно: въ избахъ у нихъ нечистота, неопрятность, дурной тяжелый воздухъ; въ зимнее время тутъ же и телата, ягвята и птицы; изъ какой посуды кормятъ животныхъ, изъ той же ѣдятъ и сами, не умывши рукъ. Рѣдкій вотякъ здѣшняго края не имѣетъ на тѣлѣ коросты (гизлò) и чирьевъ (поськы), отчего у нихъ

*

является страшный зудъ (лихорадка), отнимающийъ потребный для здоровья сонъ; страдая чесоткою, они парятся въ банѣ чуть не каждый день; въ этомъ состоитъ у нихъ все лечение отъ чесотки. Страдаютъ еще болѣзнями глазъ (синъ висенъ) и сифилисомъ (уродъ висенъ); но главная боль, господствующая въ краѣ,—горячка, по мѣстному названію, радынъ висенъ киль.

Отъ болѣзней лечатъ обыкновенно земскіе фельдшера, но лечатъ не мало и тайными нашептываніями особыя лекарки-старухи (пельтыси, пельясы-кыси). Способъ леченія нашептываніями таковъ: возьметъ лекарка чашку съ кумынкой (водкой), водой, пивомъ или другимъ напиткомъ и шепчетъ надъ ней какія то слова, а въ концѣ дунетъ и плюнетъ—и лекарство готово; лекарство это велитъ больнымъ принимать внутрь благословясь, т.е. передъ принятіемъ должны говорить: оств, инмарѣ! (Господи благослови!) Поятъ также разными травами, нарванными въ ночь на Ивановъ день (24 іюня), или брызжутъ три раза нашептанной водой въ лицо больному, говоря при этомъ: оств инмарѣ шу! «скажи: Господи благослови!» Слова заговоровъ и нашептываній составляютъ секретъ лекарокъ; по понятіямъ ихъ, если прочитатъ кому либо эти заговоры, или научить кого имъ, то они болѣе не будутъ имѣть цѣлительной силы. Заговорамъ учатся молодые люди отъ тѣхъ старухъ, которыя по старости лѣтъ уже не могутъ сами заниматься нашептываніями; только въ такомъ-де случаѣ вся сила заговоровъ переходитъ къ ученику. Говорятъ, что въ началѣ ученія заговорамъ и нашептываніямъ учащихся ломается черная немочь. Въ случаѣ наружныхъ болѣзней, напримѣръ: переломовъ, нарывовъ, вывиховъ и проч. обращаются къ земскимъ фельдшерамъ.

Въ частной жизни жители тихи, терпѣливы; ссоръ, дракъ между собой не заводятъ, зломъ за зло другъ другу не платятъ; въ обществѣ у нихъ царствуютъ миръ и согласіе, а въ семействахъ—уживчивость; любятъ жить большими семьями, въ которыхъ бываетъ двадцать и болѣе человѣкъ при одномъ хозяинѣ; вотаки вообще не любятъ раздѣловъ, говорятъ, что раздробленіе рабочихъ рукъ подрываетъ основаніе благосостоянія, что отъ раздѣловъ бываютъ неудовольствія, ссоры, злоба и проч. Живя тихо и замкнуто, они въ бѣдѣ другъ другу помогаютъ мало; тотъ, кого постигло несчастье, помощи отъ другаго не ждетъ и не проситъ, хотя и есть

ближній родственникъ, и живетъ, какъ и прежде, молчаливо покаясь судьбѣ; собирать по міру идетъ онъ только въ случаѣ крайней нужды, когда уже не можетъ достать себѣ насущный хлѣбъ; поэтому нищаго вотяка приходится видѣть очень рѣдко. Денегъ, особенно серебра, любятъ беречь, но, когда нужно, не жалѣютъ денегъ. Мужья со своими женами живутъ согласно, обращаются съ ними ласково и мужъ, не испросивъ согласія жены, не предпринимаетъ ничего. Женщины-вотьяки цѣломудреннѣе сосѣднихъ русскихъ женщинъ, а мужчины трезвѣе. Вотякъ, хотя и выпьетъ, но до безчувствія не напивается. Зайдя въ кабакъ, онъ больше ставана водки не выпьетъ и когда зашумитъ въ головѣ, ходитъ между своими единоплеменниками съ трубкой во рту, слегка покачиваясь и извиняясь: кудзі, кудзі! энъ лекатэ! (распьянѣлъ, распьянѣлъ! не судите!). Если вотякъ увидитъ ссорящихся собратьевъ, то обыкновенно говоритъ: пинальёсъ! энъ тышъ-касьё, урчѣ улон! (ребята, не ругайтесь, не ссорьтесь! надо жить мирно). Счастье полагаютъ только въ дѣтахъ, особенно въ сыновьяхъ; поэтому, у кого есть дѣти, тотъ считаетъ, вправѣ назвать себя счастливымъ, довольнымъ судьбой. Воспитаніе сына лежитъ на обязанности отца, а дочери—на обязанности матери. Находясь при работахъ и занятіяхъ родителей съ малолѣтства, дѣти ихъ скоро и легко привыкаютъ къ работѣ; сынъ находится постоянно при отцѣ, а дочь—при матери. Съ семи лѣтъ сыновья уже боронятъ, ѣздятъ за дровами, за сѣномъ и т. п., а съ десяти владѣютъ сохой и съ этого времени вотскій мальчикъ уже замѣняетъ большаго работника во всѣхъ полевыхъ работахъ. Дѣвочки тоже съ семилѣтняго возраста много помогаютъ матерямъ въ трудахъ ихъ.

✓ Вотяки народъ миролюбивый, сповойный; всѣ ихъ пирушки, сколько дней бы онѣ не продолжались—проходятъ безъ шума, безъ ссоръ. Чтобы познакомиться съ семейной жизнью ихъ, войдите въ жилище вотяка зимой и всмотритесь въ жизнь его въ кругу семьи. Вошедши днемъ, на лавкахъ у оконъ увидите мужиковъ, сидящихъ въ шапкахъ и зипунахъ или же въ шубахъ, а не рѣдко и въ рукавицахъ, какъ будто готовы они броситься къ мѣсту пожара по первому удару набатнаго звона. Въ сторонѣ отъ нихъ увидите бабъ, прядущихъ коноплю или ленъ для холста. Ночью тѣхъ же мужиковъ увидите въ однихъ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ безъ шапокъ и каждый изъ нихъ на из-

бранномъ мѣстѣ занять какимъ нибудь дѣломъ: кто плететъ лапти, кто вьетъ веревки, а кто поправляетъ ветхую сбрую и т. п. и все это дѣлается тихо, вло, какъ будто нехотя, въ глубокомъ сосредоточенномъ молчаніи. Стариковъ обыкновенно увидите сидящими безъ дѣла съ трубками во рту; но мы не говоримъ, что они вовсе ничего не дѣлаютъ: и они занимаются тоже какимъ нибудь дѣломъ, но мало. Посмотрите въ задній уголъ—и вы непременно увидите хозяина дома лежащимъ съ трубкою во рту. Такую позу при куреніи трубки онъ принимаетъ какъ хозяинъ, сознающій въ себѣ достоинства предъ прочими. Въ комнатѣ безмятежная тишина; слышно только жужжанье веретенъ, трескъ горячей въ свѣтцѣ лучины, шуршаніе мочала, напоминающее шелестъ травы во время вѣтра; изрѣдка услышите и короткія безсодержательныя слова, касающіяся какихъ нибудь житейскихъ вещей; а гдѣ есть дѣти—услышите и плачь одного изъ нихъ, обиженного другимъ какой нибудь игрушкой; но этотъ плачь продолжится не долго: стоитъ только отцу или матери сказать какое нибудь ласковое слово, напримеръ «аѣъ бѣрды гыдыкѣ!» (не плачь голубчикъ!)—и дѣти утѣшатся—и въ комнатѣ опять водворится тишина. Никакихъ ссоръ, перебранокъ не услышите. Такую же тишину замѣтите и на полевыхъ работахъ лѣтомъ. Иногда, можетъ быть, услышите и разговоръ, но разговоръ тихій, сдержанный, какъ будто секретный, чтобы слова не могли дойти до ушей постороннихъ. По вечерамъ зимой дѣвушекъ дома не увидите: всѣ онѣ на посидѣнкахъ въ баняхъ, гдѣ занимаются пряденіемъ льна или конопли. Зайдите въ это время въ баню—и вы увидите въ обществѣ дѣвушекъ холостыхъ парней, пришедшихъ туда полюбезничать съ дѣвушками гдѣ нибудь въ наружномъ углу бани и сидящихъ въ ожиданіи удобной на это минуты на лавкахъ. Вотъ одинъ изъ парней увидѣлъ у дѣвушки на рукѣ кольцо.... подсѣлъ къ ней—и давай снимать съ руки силой. Если парень изъ богатаго дома и при томъ считается красавцемъ—дѣвушка обыкновенно отбивается только для примѣра; а въ умѣ принимаетъ это укаживанье за честь для себя и конечно кольцо перейдетъ въ руки парня. Снятое парнемъ кольцо обыкновенно выкунается дѣвушкой постыдной цѣной. Напротивъ, если парень изъ бѣднаго дома и не отличается пригоже-
ствомъ, то за дерзость получаетъ иногда въ спину ударъ кулакомъ.

Въ церкви вотякъ отъ русскаго отличается, не только типомъ и одеждой, но еще и тѣмъ, что онъ, вотякъ, ставитъ свѣчку въ иконѣ идетъ съ женой и маленькими дѣтьми; самъ станеть впереди, а жена и дѣти—позади его. Присутствуйте при мірскомъ сходѣ, гдѣ съ вотяками смѣшались и русскіе—вы опять замѣтите рѣзкое отличіе между вотякомъ и русскимъ: русскій кричитъ, какъ говорится, во все горло, готовъ заглушить другаго своимъ крикомъ, а вотякъ молчитъ хладнокровно, какъ будто онъ не членъ общества и въ сужденіи не долженъ принимать участія. Мы прежде сказали, что вотяки счастье полагаютъ въ дѣтяхъ, особенно сыновьяхъ. Поэтому, если у кого нѣтъ сыновей и дочь отъ сожительства съ холостымъ парнемъ подаритъ отцу внучкомъ—отецъ это принимаетъ за счастье. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ деревень дочь зажиточнаго вотяка, не имѣющаго сыновей, подарила отцу здоровымъ мальчикомъ, и онъ, отецъ ея, подарилъ дочери «на зубокъ» 30 рублей и отпраздновалъ рожденіе внучка особенно блистательно.

Въ отношеніи предметовъ, являющихся вновь по части селскаго хозяйства, жители очень любознательны. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1882 года священникъ мѣстной церкви, отецъ Василій Богдановъ, выписалъ изъ Казани жатвенно-косильную машину. Узнавши это, вотяки приходили группами смотрѣть означенную машину и, рассматривая ее кругомъ, говорили съ удивленіемъ: Э, Инмарѣ! кинь лѣвъ окмизъ со мындѣ визызы? яламъ таѣ малпазъ дыръ немочъ! (Господи, у кого хватило столько ума? все это, должно быть, выдумка нѣмца!). Къ другимъ же предметамъ, напримѣръ, къ явленіямъ природы, вотяки остаются равнодушны. «На что намъ это знать?» говорятъ они. «Умѣлъ бы добывать хлѣбъ, былъ бы сытъ, одѣтъ — и довольно!» Если предпринимаютъ какое либо дѣло, то сначала обдумываютъ, посоветуются между собой сосѣдъ съ сосѣдомъ или мужъ съ женой и потомъ приступаютъ къ дѣлу. Если нужно ѣхать въ городъ или въ заводъ съ хлѣбомъ или съ деньгами для покупокъ, то непременно возьмутъ товарищей, а одни не поѣдутъ. Обычаевъ, перешедшихъ отъ предковъ, придерживаются упорно; особенно твердо соблюдаютъ обряды жертвоприношеній.

Выдающіяся черты въ ихъ характерѣ—необыкновенная робость, сдержанность и скрытность въ выраженіи своихъ чувствъ. Замах-

нишь на адѣшняго вотяка, ради шутки, русскій, и вотякъ въ моментъ станетъ въ тупикъ и чуть не задрожитъ. Веселье онъ или грустенъ, богатъ или бѣденъ, или имѣетъ какое либо предпріятіе—не узнаешь; онъ все молчитъ, не хвастается и на судьбу не жалуется; спроси его и онъ скажетъ: «терпѣть надо!» Только рѣдкій скажетъ: «Богъ наказалъ». Выпытывай сколько угодно о томъ, есть ли у него деньги,—онъ никогда не скажетъ; бывали случаи, что тѣ вотяки, которыхъ считали безденежными, послѣ пожаровъ на мѣстахъ пепелища вырывали сотни рублей серебряныхъ монетъ, зарытыхъ ими въ землю гдѣ нибудь въ углу подполья, или объявляли извѣстную сумму потерянныхъ или сгорѣвшихъ денегъ. За робость русскіе составили о нихъ поговорку: вотякъ трусливъ какъ заяцъ, смѣлъ какъ волкъ! Смѣлъ онъ бываетъ только въ состояніи опьяненія, когда уже довольно нагрузился кумышкой. Если обругаютъ его въ трезвомъ состояніи—онъ терпитъ; не умѣя говорить хорошо по русски, вотяки безъ возраженія переносятъ отъ русскихъ насмѣшки и презрительныя прозвища: вотская мышь! слѣпая мышь! На сходѣ человѣкъ десять русскихъ легко перекричатъ пятьдесятъ и болѣе человѣкъ вотяковъ и перевѣсъ всегда остается на сторонѣ русскихъ.

Въ послѣднее время въ вотякахъ замѣтна склонность къ грамотности, на что они оказываются способнѣе русскихъ; въ тѣхъ селеніяхъ, которыя далеки отъ земскихъ школъ, вотяки нанимаютъ частныхъ учителей, для обученія дѣтей грамотѣ, особенно письму, и уже открыты во всѣхъ селахъ, по собственному желанію ихъ, школы, въ которыхъ каждый годъ обучается около 70 мальчиковъ и до 10 дѣвочекъ.

Строенія и жилища.

Вотяки строятся безъ плана, поэтому строенія ихъ разбросаны вездѣ—и по срединѣ двора, и по задворкамъ, гдѣ попало; улицы узки, идутъ извилинами.

Строенія всѣ деревянные, бревенчатые; избы ставятся на мху, поднимаютъ ихъ обыкновенно помощю въ 15—20 человѣкъ. Послѣ основанія дома въ передній уголъ на третье бревно хозяинъ дома, перекрестившись, кладетъ серебряную монету около 20 коп., завернувши ее въ холстину; а если хозяинъ человѣкъ бѣдный—кладетъ

монету мѣдную, причемъ что то говорить про себя. Положивши монету въ уголъ и покрывши ее мхомъ, хозяйки отрѣзываютъ отъ цѣльнаго короваго небольшую горбушку и дѣлятъ между всѣми, участвующими въ водѣмѣ. У кого есть состояніе—угощаетъ водкой, если нѣтъ кумышекъ. Угощеніе помочанамъ бываетъ простое: кисель, щи, пирожки и проч.; поятъ еще кумышкой и пивомъ. Когда изба срублена, опять приглашаютъ сосѣдей на помощь бить печь изъ сѣрой глины. Предпочитаютъ обыкновенно молодыхъ людей, въ расчетѣ, что молодые немного выньютъ кумышки. Мальчишки и дѣвчонки возятъ глину, а взрослые бросаютъ ее чрезъ окна лопатами въ избу, если окна не высоки; въ противномъ же случаѣ носятъ на носилкахъ. Дѣвушки же, собравшись въ одну группу, толкутъ глину палками, при чемъ поютъ пѣсни чтобы работа шла весело; толченую глину бросаютъ мужики на деревянные своды, сдѣланные въ родѣ опрокинутого ящика и тамъ бьютъ деревянными молотами, называемыми чокмарь. Сбивши печь, садятся за общій столъ и начинаютъ обѣдъ, во время котораго женщины безпрерывно угощаютъ гостей кумышкой, а изрѣдка и пивомъ. Къ ночи въ сбитую печь забираютъ пѣтуха и выпускаютъ его около обѣда. Въ избѣ выше оконъ, вдоль стѣнъ, устраиваются полки, а ниже оконъ—лавки для сидѣнья; въ переднемъ углу—божница съ одною или нѣсколькими иконами Николая Чудотворца, Богородицы или Спасителя; больше иконъ съ изображеніемъ Николая Чудотворца, такъ какъ къ нему имѣютъ особенное усердіе и уваженіе; въ переднемъ же углу стоитъ столъ своей работы, а у стола—стулъ, на который женщины, особенно снохи, не имѣютъ права садиться; здѣсь сидитъ только хозяйка дома во время обѣдовъ и угощеній гостей. Печь стоитъ въ углу на заднемъ планѣ. По угламъ, кромѣ передняго, устраиваются пустыя нары въ родѣ ящиковъ и здѣсь лежатъ постели женатыхъ; въ нарахъ хранится разная рухлядь и кумышка, а у нѣкоторыхъ—шкатулки съ деньгами. Третью часть пространства выше оконъ и дверей вровень съ полками занимаютъ лаваты, на которыя взбираются по лѣстницѣ, устроенной у самыхъ дверей, ведущихъ въ избу; у печи сдѣлана дверь съ заборкою, изъ которой спускаются по лѣстницѣ въ подполье. На вышеу взбираются по веревкамъ, привязаннымъ къ стропиламъ крышъ.

Из надворнихъ строеній относятся слѣдующія: клѣтъ, гдѣ хранится вся одежда и лѣтомъ спятъ молодые люди; для каждаго женатаго устраиваются особыя клѣтки; рядомъ съ клѣткою стоитъ амбаръ для хлѣба и муки; дальше амбаровъ въ сторожѣ стоятъ конюшни и хлѣвы для скота, за ними—шалашъ куа, посвященный богу Воршуду; дальше всѣхъ строеній стоитъ шалашъ для варенья зимой кумыники. У конюшенъ устраиваются крыши для храненія подъ ними телѣгъ и будничной сруи. Въ срединѣ ограды стоитъ столбъ съ прибитыми къ нему гвоздями для привязыванія лошадей.

Дворы обносятъ заборами или просто пряслами; ворота дѣлаютъ простые, въ родѣ полевыхъ воротъ, а у болѣе зажиточныхъ—съ крышами.

Одежда.

Лѣтомъ въ будніе дни, мужскую одежду составляютъ: 1) штаны; 2) бѣлая, холщевая рубаша, подпоясанная подъ брюхо шерстянымъ пояскомъ, сплетеннымъ женщинами; на поясѣ носятъ небольшую кожанную сумочку—тылъ дурсъ, гдѣ хранится бремень, трутъ, огниво или спички; 3) сѣрый или бѣлый сукманъ, спитый халатомъ; сукманъ опоясываютъ ремнемъ въ вершокъ шириною съ мѣдными пряжками; на ремнѣ скобкообразное кольцо для топора, который носятъ на лѣвомъ боку, а на правомъ ножъ въ ножнахъ, сплетенныхъ изъ лыка; рядомъ съ ножнами виситъ цѣпочка или ремешокъ для коточика. На головѣ носятъ синій суконный колпакъ цилиндрической формы; колпаки эти шьютъ саміе мужики. Кромѣ колпаковъ провинія жителей носятъ бѣлыя конусообразныя съ широкими полями шляпы на подобіе шляпъ казанскихъ татаръ. Обувью служатъ лапти (кутъ) и холщевыя онучи.

Въ праздничные дни молодые люди, особенно грамотные, носятъ бѣлые сукманные пиджаки и чапаны съ борами, обшитые черной тесьмой, съ бархатнымъ или плисовымъ воротникомъ: рубашка чуть не у каждаго бываетъ ситцевая, красная; на головѣ непременно суконный картузь.

Зимою, кромѣ штановъ и рубахи, мужчины носятъ: 1) тади-дукъсъ—бѣлый зимунъ изъ овечьей шерсти; 2) пуба—дубленый полупушокъ; 3) шапка—шапка черная мерлушчатая съ суконнымъ конусообразнымъ околышемъ; 4) урь-эгъ-штырь—бѣлые суконные

онучи; 5) биняль-тонъ—суконныя подвѣтки; 6) Гинъ-сапегъ—бѣлые валенки; 7) кутъ—лапти и 8) кутторъ—шерстяные наличники, надѣваемые поверхъ онучи на ступню.

Въ праздничные дни взрослые и молодые люди опоясываются цвѣтными гарусными опоясками, и иные на руки надѣваютъ перчатки, а на шею шарфъ. Болѣе зажиточные покрываютъ полшубки чернымъ и сѣрымъ сукномъ, и это составляетъ для нихъ своего рода щегольство.

Женщины и дѣвушки носятъ лѣтомъ въ будни: 1) бѣлую холщевую рубаху съ красными кайманами; 2) сшитый изъ лоскутковъ нагрудникъ—мурезъ-азъ; 3) штаны; 4) холщевый или ситцевый фартукъ—азъ-кышетъ; 5) тонкій бѣлый сукманъ; 6) бѣлые холщевые чулки—дѣра-чуглестъ, сшитые мѣшкомъ; 7) кутторъ—надѣваемые на ступню наличники и 8) лапти. Голову покрываютъ татѣю—подурга, которая спереди спускается до половины лба, а сзади—ниже поясицы; на подургу накидываютъ ситцевый платокъ—кышетъ.

Въ праздники надѣваютъ еще 1) бѣлое холщевое, отдѣланное по подолу разными вышивками, платье съ ситцевыми рукавами; 2) конъ-домо-весь—ожерелье изъ крупныхъ серебряныхъ монетъ цѣнностью до 40 рублей; ожерелье это покрываетъ грудь до пояса; 3) угы—серьги изъ рублевыхъ монетъ по двѣ штуки у каждаго уха. Серьги эти женщины привязываютъ къ подургѣ, а дѣвушки къ татѣ. Дѣвушки съ 13 лѣтъ носятъ татѣю изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, рублей на 30. Кромѣ дѣвушекъ татѣю носятъ и молодые женщины до беременности. 4) Посъ-весь—браслеты мѣдные или бронзовые.

Дѣвушки волосы заплетаютъ въ одну косу, какъ и русскія, а женщины въ двѣ косы и эти косы завиваютъ въ кружки рядомъ съ ушами. Старухи носятъ на головѣ, поверхъ подурги—небольшой шелковый платокъ—ыръ-котыръ и ыръ-ыль-кышетъ—бѣлую холщевую повязку съ красными концами. Повязку эту надѣваютъ на темя, а концы спускаютъ по спинѣ.

Зимою женскую одежду составляютъ, кромѣ холщевой рубахи, штановъ и фартука, еще 1) дукесъ—зипунъ съ борами, бѣлый или сѣрый; 2) сукманъ—бѣлый или сѣрый съ борами. Эти два платья надѣваются одно на другое: или сукманъ на зипунъ, или зипунъ

на сукманъ. 3) Кышетъ—ситцевый платокъ; 4) бадзь-мытъ-кышетъ—шаль, надѣваемая на ситцевый платокъ; 5) урдэгъ-чуглэсъ—бѣлье суконные спитые чулки и 6) кутторъ. Въ холодное время зимой женщины носятъ коротенькіе валенки, а на руки надѣваютъ замшевыя рукавицы.

Нарядная одежда отъ простой ничѣмъ не отличается, только въ праздники надѣваютъ одежду поновѣе.

Бѣлье не стираютъ, а толкутъ деревянными пестами въ деревянной ступкѣ.

Пища и питье.

Пища жителей самая простая, однообразная: ѣдятъ обыкновенно жидкіе щи съ ячменной крупой, смѣшанной съ третьей частью простаго сѣраго гороха; у кого ведется скотина, ѣдятъ сворменные щи съ мясомъ; постовъ не соблюдаютъ. Въ праздники колютъ свиней, козъ, овецъ и быковъ, а зимой у всякаго вотяка есть птицы: гуси, утки, которыхъ колютъ по двадцати и по тридцати штукъ къ зимѣ. Если заколютъ барана, быка или свинью, то сзываютъ гостей изъ родныхъ и знакомыхъ, для которыхъ варятъ по полпуду мяса, а тѣ, въ свою очередь, считаютъ непремѣнною обязанностью отпочивать такимъ же мясомъ до сыта. Въ праздники стряпаютъ также шаньги, перепечи, блины, а къ Рождеству Христову заготавливаютъ пельмени на весь праздникъ пудовки по двѣ и по три; пельмени ѣдятъ безъ уксусу и перцу. Лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, ѣдятъ кислое молоко, толобно, завариху съ масломъ, рѣдьку и лукъ съ квасомъ. Блины считаютъ непремѣнною принадлежностью обѣдовъ при моленъяхъ, поминкахъ и жертвоприношеніяхъ.

Ѣдятъ по три раза въ день; утромъ, въ полдень и вечеромъ, а лѣтомъ ѣдятъ по четыре раза. Мужчины и дѣвушки ѣдятъ за столомъ, сидя на лавкахъ, а хозяинъ дома сидитъ на стулѣ, на который никто изъ женщинъ не имѣетъ права садиться; бабы и ребятишки ѣдятъ на лавкахъ у окошекъ; старики и старухи ѣдятъ тоже отдѣльно, изъ особой посуды. Женщины до и послѣ обѣда не молятся и не крестятся; а мужчины, помолившись немного говорятъ: я, тау, Инмаре, тау! (ну, спасибо, Господи, спасибо!).

На столѣ у нихъ постоянно лежить коровай хлѣба и ребатишки и бабы часто, подходя къ столу, отрѣзываютъ куски и ѣдятъ, такъ что у нихъ мало бываетъ такого времени, когда кто-нибудь не жевалъ бы хлѣбъ. Бабы часто стоятъ у печи, грѣясь и жуя хлѣбъ. Питьемъ служатъ квасъ, разведенный въ высокихъ кадкахъ, сдѣланныхъ изъ дуплистыхъ липъ, на подобіе пчелиныхъ ульевъ.

Употребляя въ пищу всѣхъ домашнихъ животныхъ, кромѣ кошекъ и собакъ, считаютъ чистымъ и мясо коня, но ѣдятъ мясо этого животнаго только во время жертвоприношеній въ лѣсахъ, а дома въ пищу не употребляютъ; впрочемъ, годъ отъ году болѣе и болѣе замѣчается въ молодомъ, особенно грамотномъ народѣ, отвращеніе къ мясу этого животнаго. Изъ звѣрей считаютъ чистыми: зайца, вешу, оленя, а нѣкоторые и медвѣдя; про собаку и кошку говорятъ, что ихъ можно бы ѣсть, да у собаки шерсть не чиста, а у кошки языкъ не чистъ. Изъ крупныхъ птицъ считаютъ нечистыми: ворона, сороку и ястреба, а мелкихъ птицъ ѣдятъ всѣхъ безъ разбору. Про сороку говорятъ, что ее можно бы ѣсть, да колдуны оборачиваются въ нее; журавля не убиваютъ, говоря, что умереть жена; а убить лебедя считаютъ великимъ грѣхомъ, влекущимъ за собою наказаніе Божіе, несчастіе;—говорятъ, что кто хочетъ убить лебедя, то убей лучше пару, т. е. самца и самку: это еще не большой грѣхъ; но если кто убьетъ только самца или самку, тотъ человѣкъ не избежитъ несчастія, потому что жалобы лебедей сильны передъ Создателемъ и вопіютъ объ отмщеніи. Одинъ вотякъ передалъ мнѣ слѣдующій разсказъ: однажды охотникъ увидѣлъ на рѣкѣ весной двухъ лебедей—самку и самца и вотъ, зарядивъ ружье, застрѣлилъ самку на повалъ. Видя самку убитою, самецъ закричалъ жалобнымъ тономъ и, поднявшись высоко на воздухъ, стремглавъ спустился внизъ подобно камню и, ударившись о землю, убился. Охотникъ, который убилъ лебедку, вскорѣ потомъ записалъ водкой.

Купанья.

- 1) Шыдъ—жидкіе щи съ крупой и горохомъ. 2) Быдэсъ шыдъ—щи, въ которыхъ сваренъ гусь или утка, для гостей
- 3) Джукъ—густая каша изъ ячменной крупы съ кусками вяленой го-

вадкины. 4) Нутыманъ шьдъ—щи съ горохомъ и тѣстомъ, скатаннымъ въ катышки на подобіе пивовъ. 5) Лапша—тоже, что и русская лапша изъ мелко искрошеннаго слоенаго тѣста. 6) Ело джукъ—каша на молокѣ. 7) Кисаль, и 8) керчаль—овсяный кисель. 9) Сезь пѣзь—завариха изъ толокна или ячменной муки; ѣдятъ съ масломъ. 10) Пельнянь—пельмени со свиной, но тѣсто изъ ржаной муки, безъ яицъ. 11) Перепечъ—маленькія мясныя ватрушки, т. е. шаньги. Приготавливаютъ ихъ такъ: изрубятъ въ корытѣ не такъ мелко, какъ на пельмени, жирную говядину, положить туда нѣсколько яицъ и посоливъ, разводятъ на водѣ жиже, чѣмъ на пельмени; затѣмъ дѣлаютъ изъ тѣста круглыя сочни, какіе дѣлаютъ для маленькихъ шанегъ, на подобіе крышекъ отъ банокъ изъ подѣ помады, величиной около вершка и болѣе въ поперечникѣ; сочни эти кладутъ на горячія сковороды и наполняютъ ихъ посредствомъ ложекъ изрубленной и разведенной говядиной и потомъ жарятъ на горячихъ угляхъ въ печи. Такіе же перепечи стряпаютъ и съ кровью животныхъ и съ коноплянымъ сѣменемъ. 12) Кварнянь—прѣсныя небольшіе пирожки съ изрубленной говядиной или съ кишками животныхъ. 13) Табанъ—большія овсяныя и яровыя лепешки, покрывающія всю поверхность сковороды. 14) Пичи табанъ, —маленькія лепешки изъ пшеничной муки. 15) Кеньязю пичи табанъ—такія же лепешки съ крупой. 16) Картовоентъ пичи табанъ—лепешки съ картофелемъ. 17) Мильымъ—блины яичные или пшеничные. 18) Шаньги—шанги съ картофелемъ или крупой, на кисломъ тѣстѣ. 19) Пичи шаньги—ватрушки, т. е. маленькія шанежки съ картофелемъ или крупой. 20) Шу кисаль, —калиновый кисель; варятъ на водѣ съ солодомъ. 21) Шу энъ нанъ—пирогъ съ калиной. Дѣлаютъ чашкообразныя сочни и наполняютъ ихъ калиной, смѣшанной съ равнымъ количествомъ солоду; разводятъ эту смѣсь на водѣ такъ, чтобы было густо, какъ каша; наполнивши сочни этой массой, сверху покрываютъ круглыми плоскими сочнями и края нижнихъ и верхнихъ сочней зацепываютъ пальцами такъ, чтобы изъ пирога наружу воздухъ не проходилъ. Пирогъ этотъ величиной, какъ короваи хлѣба, пекутъ въ печи съ утра до вечера, но ѣдятъ ихъ на другой день. 22) Сьилень-нянь—пирогъ съ говядиной. 23) Падзекъ-нянь—пирогъ съ рабиной. 24) Эмазень-нянь—пирогъ съ малиной. 25) Губіанъ-нянь—пирогъ съ грибами.

26) Рѣицъ пѣзъ тѣицъ—калачики, изжаренные въ маслѣ, 27) Юача—овсяный хлѣбъ, величиной съ калачъ; жо крутѣй, съ небольшою ямкой въ срединѣ, куда, во время печенья, кладутъ небольшою лу-сокъ сала. 28) Чарыгень-яицъ—пирогъ съ рыбой. 29) Коляцъ—сы-рое тѣсто изъ овсяной муки съ ягодами: съ черемухой, смородиной или рябиной. Это—десертъ. 30) Кънэмень пезытэцъ—конопляное сѣмя, сваренное въ суслѣ такъ густо, какъ икра; цвѣтомъ темно-коричневое. Это тоже десертъ.

Напитки.

1) Сюкасъ—квасъ. Приготавливать его такъ: налиютъ въ гор-шокъ или въ чугунокъ воды, всыплютъ туда мякины съ отрубями горсти двѣ три; солоду, смѣшавъ все это и поставятъ на ночь въ печь. Утромъ эту кашу перельютъ въ кадцу, разведутъ ее хо-лодной водой—и чрезъ одинъ сутки квасъ готовъ. Цвѣтомъ этотъ квасъ бѣловатъ.

2) Суръ—пиво. Способъ приготовленія таковъ же, какъ и у рус-скихъ, но часто безъ хмѣля; на вкусъ этотъ напитокъ какъ пло-хой уксусъ, смѣшанный съ водой; нѣкоторые вмѣсто хмѣля кла-дутъ древесные грибы, изъ которыхъ дѣлаютъ трутъ для добыва-нія огня.

3) Кумышка—кумышка. Это любимый охмѣляющій напитокъ у всѣхъ вообще вотяковъ; онъ мутнаго цвѣта, съ непріятнымъ си-вушинымъ запахомъ и кислотоватымъ вкусомъ. Кумышку варить каж-дая женщина для себя, лѣтомъ и зимой; лѣтомъ варятъ въ поляхъ и у лѣсовъ, гдѣ протекаетъ рѣчка; а зимой—въ палашахъ, нахо-дящихся на дворахъ позади всѣхъ строеній. На кумышку дѣлаютъ соладъ изъ охвостьевъ, отдѣляемыхъ отъ хорошаго жита при вѣяніи, поэтому и кумышка отъ такого кѣтѣба хорошо не удается. Заводъ для кумышко-курения устраивается такъ: по срединѣ палаша на подставкахъ, кадца вышиной около полуторныхъ аршина и шири-ной около аршина, а въ разстояніи трехъ четвертей аршина отъ кадцы—чугунный котелъ, выходящій ведеръ пять или болѣе жид-кости; котелъ этотъ закрывается двумя деревянными полукружiami; на одномъ изъ этихъ полукружій—гвоздь, служащій ручкой, для того, чтобы удобно было закрывать полукружіемъ котелъ и откыр-

вать въ случаѣ надобности; на другомъ полукругѣ, лежащемъ въ той сторонѣ, гдѣ стоитъ кадца, продѣлана круглое отверстіе съ четверть аршина въ поперечникѣ; отверстіе это закрывается глинянымъ горшкомъ, опрокинутымъ на края отверстія; въ срединѣ опрокинутого горшка опять небольшое круглое отверстіе; въ это отверстіе владывается деревянная трубка, другой конецъ которой соединяется съ мѣдной трубой, проведенной чрезъ отверстія кадцы наклонно. Въ котель наливаютъ приготовленный заторъ и варятъ до тѣхъ поръ, пока чрезъ горшокъ и трубы не пойдетъ одна кисловатая вода; потомъ брагу изъ котла выливаютъ и вмѣсто нея наливаютъ опять свѣжаго затору; когда кончится заторъ, тогда, вмѣсто него, наливаютъ полученную кисловатую воду и отъ этой воды первой гонки получается уже кумышка; эту кумышку еще перегоняютъ и получаютъ кумышку опять крѣпче; чѣмъ больше перегоняютъ, тѣмъ кумышка бываетъ крѣпче, но за то кумышки получается меньше. Края полукругѣй, соединяющихся съ краями котла и деревянной трубы съ горшкомъ и съ мѣдной трубой, замазываются тѣстомъ для того, чтобы воздухъ изъ котла въ наружу и изъ наружи въ котель не могъ проходить. Заторъ готовятъ такъ: горячую воду льютъ въ кадцу и разводять ее холодной водой такъ, чтобы она была не теплѣе парнаго молока; потомъ въ эту кадцу сыплютъ солоду и даютъ остынуть; въ эту массу кладутъ ковшъ два три дрожжей, называемыхъ шэмъ и чрезъ сутки заторъ готовъ. Дрожжи дѣлаютъ такъ: въ горячую воду сыплютъ солоду и даютъ остынуть; послѣ этого кладутъ туда квасную гущу и даютъ этой массѣ одинъ сутки времени на броженіе; если пѣна поднимется кверху хорошо, то значить дрожжи удались. Надъ кумышкой вотяковъ Сосновскаго края сосѣдніе вотяки Поломскаго края Глазовскаго уѣзда смѣются, говоря, что сосновская кумышка — зынь ву, зынь сюкась, т. е. вонючая вода, вонючій квась. Дѣйствительно, кумышка здѣшнихъ вотяковъ уступаетъ кумышкѣ вотяковъ Глазовскаго уѣзда. Глазовская кумышка, особенно изъ Балезинско-Поломскаго края (по Вятско-Пермскому тракту) не уступитъ и очищенной водѣ, какъ крѣпостью, такъ запахомъ и прозрачностью: они очищаютъ ее черезъ березовый уголь, сукно и песокъ, чего Сосновскіе вотяки не умѣютъ дѣлать.

4) Мумъ-сұрь—медовое. Въ бураки и другія посудины, въ во-

торыхъ былъ медъ, льютъ теплую воду, квасъ или пиво (а иные владутъ еще туда кома два воску, изъ котораго выжать медъ) и этими жидкостями ополаскиваютъ посудину и медовое готово. Хорошаго меду на это не употребляютъ.

5) Шунить кумышкѣ—теплая кумышка. Кумышку наливаютъ въ чайникъ и ставятъ въ печь или на горячую золу съ угольями; когда согрѣется кумышка, подслащиваютъ ее медомъ или сахаромъ и напитокъ готовъ. Такой кумышкой потчуютъ только болѣе милыхъ гостей.

6) Шерь беть—простая вода, подслащенная медомъ; это, впрочемъ, не напитокъ, а кушанье, потому что его подаютъ на обѣдъ.

7) Суръ ву—березовая вода, получаемая весной изъ березъ. Чтобы получить изъ березы эту воду, дѣлаютъ на ней насѣчки, а чтобы вода бѣжала въ посудину—въ бѹракъ или ведро, подъ насѣчки придѣлываютъ небольшіе желоби.

Содержаніе семьи.

Содержаніе семьи, состоящей примѣрно изъ 10 человѣкъ, считая и дѣтей съ 7 лѣтъ, стоитъ въ годъ около 200 рублей.

Всѣ жизненныя средства жители получаютъ съ хлѣба, который, за исключеніемъ потребнаго количества на свое пропитаніе, продаютъ на мѣстахъ хлѣбнымъ торговцамъ; на прихоти и домашніе расходы выручаютъ деньги за сѣно, дрова, льняное и конопляное сѣмя, за медъ, воскъ и проч. Вышеозначенная сумма по предметамъ нужды распредѣляется такъ:

	Руб. Коп.
1) Хлѣба 60 пуд. въ годъ *)	48 —
2) Соли 5 пуд.	2 —
3) Говядины 20 пуд.	40 —
4) Желѣза (ножъ, топоръ, ральники, косы, серпы и проч.)	3 —
5) Толокна 5 пуд.	10 —
6) Гороху 8 пуд.	6 —
7) Крупы 10 пуд.	8 —
8) Одежда	10 —

*) Количество хлѣба, нужное для прокормленія 10 человѣкъ, должно быть больше указаннаго авторомъ.

9) Обувь.	5 —
10) Деготь.	— 40
11) Свѣчи и керосинъ.	1 50
12) Вино.	20 —
13) Табакъ.	1 50
14) На чай и сахаръ.	5 —
15) На уплату податей, земскихъ и мірскихъ сборовъ.	30 —

Изъ этихъ предметовъ: хлѣбъ, говядина, толокно, горохъ, крупа, одежда (кромя женскихъ платковъ, мужскихъ опоясовъ, шапокъ, рукавицъ), обувь (кромя сапоговъ) получаютъ дома, а остальное приобрѣтается за деньги въ Ижевскомъ и Воткинскомъ заводахъ и на базарахъ.

Занятія жителей.

Жители занимаются только хлѣбопашествомъ; другихъ коренныхъ занятій у нихъ нѣтъ. Сѣютъ озимую рожь и яровые хлѣба: ячмень, овесъ, пшеницу, горохъ; кромѣ того, сѣютъ еще ленъ и коноплю; если есть у кого новыя расчистки, сѣютъ рѣпу. Тридцатая часть жителей имѣетъ и пчель отъ двухъ до двадцати чурокъ и изъ каждой чурки добываютъ меду каждый годъ отъ 10 фунтовъ до 2 пудовъ; соты подрѣзываютъ два раза въ годъ: весной послѣ Благовѣщенія и осенью послѣ страды. Озимую рожь сѣютъ около 5-го августа, а яровые хлѣба послѣ Егорьева дня (23-го апрѣля); конечно и ленъ сѣютъ послѣ яровыхъ посѣвовъ, а рѣпу—еще позже.

Занятія жителей по временамъ года распредѣляются такъ:

а) Занятія весеннія и лѣтнія. Послѣ окончанія молотбы хлѣба, пока не просохнетъ земля, мужчины рубятъ въ лѣсахъ дрова, возятъ сѣно съ луговъ и полей, а женщины текутъ холсты; затѣмъ, когда просохнетъ земля, мужчины сѣютъ хлѣбъ, а женщины бѣлятъ холсты, шьютъ новое бѣлье, варятъ кумышку, а тамъ сажаютъ въ огородѣ картофель, лукъ, рѣдьку, свеклу, морковь, капусту и калугу. Дѣвушки по вечерамъ, до самаго сѣнокоса, поютъ на площадяхъ хороводныя пѣсни; туда же ходятъ и парни съ гармониками. Съ Петрова дня по Ильинъ день идетъ сѣнокосъ, а съ Ильина дня наступаетъ жатва; сначала жнутъ рожь, а потомъ—

овесъ; снопы вѣшаютъ на колья, а грудокъ и суслоновъ не кладутъ. Около 5-го августа, когда мужчины сѣютъ рожь, на полосахъ увидишь только однихъ женщинъ. Пчеловодъ въ жаркіе дни, во время сѣнокоса, караулитъ рои въ своихъ пчельникахъ и пересаживаетъ ихъ въ новыя чурки.

б) Занятія осеннія. Послѣ уборки хлѣбовъ мочатъ въ рѣчкахъ коноплю и липовые дубы на мочало; женщины снимаютъ ленъ, который стелать по воскресеньямъ во время страды; связавши его, сушатъ въ баняхъ и ломаютъ; когда ленъ готовъ, у дѣвокъ начинаются посидѣлки въ баняхъ; туда же ходятъ и парни плестъ лапти и любезничать съ дѣвушками. Мужчины взрослые въ избахъ плетутъ лапти, вяжутъ веревки, дѣлаютъ сани и проч., а днемъ ѣздятъ въ лѣсъ за дровами, возятъ навозъ, расчищаютъ новыя мѣста; нѣкоторые занимаются звѣроловствомъ въ лѣсахъ, принадлежащихъ казнѣ и заводамъ, Воткинскому и Ижевскому, въ которыхъ водятся медвѣди, волки, лисицы, рыси, олени и мелкіе звѣри: бѣлки, куницы, горностаи, выдры и проч. Женщины по вечерамъ какъ и дѣвушки; прядутъ ленъ, коноплю, сучатъ нитки.

в) Занятія зимнія. Съ наступленіемъ зимы до масляницы продолжается молотьба хлѣба, за исключеніемъ ненастныхъ дней; по вечерамъ женскій полъ прядетъ ленъ и пеньку, а мужчины плетутъ лапти, вяжутъ варежки. Днемъ кто занимается звѣроловствомъ, ставитъ капканы для зайцевъ, лисицъ, волковъ и ловушки для горностаевъ и чрезъ день, два ходитъ по сѣѣгу на длинныхъ лыжахъ смотрѣть эти ловушки, а кто возитъ дрова, снопы и проч. Произведенія своей сельской промышленности сбываютъ въ Воткинскій и Ижевскій заводы (тотъ и другой въ 40 верстахъ отъ села Сосновки).

Охота на птицъ и звѣрей.

Такъ какъ охота служить жителямъ только мѣсто развлечения, то и занимаются ею немногіе и то въ свободное время, именно осенью послѣ уборки хлѣбовъ и зимой въ воскресные дни.

Осенью стрѣляютъ изъ ружей, покупаемыхъ въ Ижевскомъ оружейномъ заводѣ, бѣлокъ, зайцевъ, рябчиковъ, тетеревей, глухарей и утокъ; для рябчиковъ, тетеревей и глухарей дѣлаютъ также волосяные силки, называемые *сы*. Силки эти ставятся на землѣ

или на коворѣ (лежащее на землѣ дерево, вырванное съ корнемъ); или же на деревѣ. Устройство силокъ на землѣ таково: расчищаютъ мѣсто около одного аршина въ длину и полтаршина въ ширину и посыпаютъ его пескомъ. Среди этого мѣста вбиваются два небольшихъ колышка, одинъ отъ другаго на разстояніи съ четверть аршина; на эти колышки сверху кладутъ перекладину, а по бокамъ колышковъ дѣлаютъ заборчики вдоль всего посыпаннаго пескомъ мѣста; пространство между колышками представляетъ маленькія ворота. Къ срединѣ перекладины привязываютъ силокъ, который, образуя петлю, снизу поддерживается слегка воткнутымъ въ землю сучкомъ длиною около одного вершка. Для глухарей и тетеревей такіе силки дѣлаютъ побольше, чѣмъ для рябчиковъ. Птицы эти любятъ порыться въ песокъ; увидя мѣсто, посыпанное пескомъ, спускаются къ нему, не замѣчая устроенной западни, сами лѣзутъ головой въ петлю и задушаются. На деревѣ или на коворѣ силки дѣлаютъ такъ: привязываютъ кисти красныхъ ягодъ (рябины или калины) въ двухъ мѣстахъ, около одного аршина одна отъ другой; между этими кистями, въ срединѣ, дѣлаютъ посредствомъ кончика ножа небольшую щель и въ эту щель втыкаютъ заостренный конецъ тоненькаго сучка, длиною съ вершокъ, верхній конецъ котораго расщепленъ ножомъ; затѣмъ надъ этимъ сучкомъ или спичкой дѣлаютъ перекладину или, вмѣсто перекладины, пользуются живой вѣткой сосѣдняго дерева; къ этой перекладинѣ или вѣткѣ привязываютъ силокъ, который и владывается нижнимъ концомъ въ расщепленный конецъ сучка такъ, чтобы силокъ только чуть могъ держаться на немъ. Голодная птица, склевавши одну кисть ягодъ, идетъ къ другой, встрѣчаетъ на пути силокъ и, сунувъ голову, задушается. Для тетеревей дѣлаютъ у лѣсовъ конусообразныя ловушки, называемыя туръ-морда; вбиваютъ въ землю нѣсколько колебѣвъ, образующихъ обращенный конусъ; круглое отверстіе вверху имѣетъ въ діаметрѣ около одного аршина, дно же воронки равняется только тремъ-четыремъ вершкамъ; отверстіе конуса покрывается овсяной соломой съ колосьями, а поверхъ ея кладутъ еще нѣсколько овсяныхъ колосьевъ. Голодная птица, увидя на соломѣ колосья съ зернами, садится на соломѣ и падаетъ внизъ и оттуда при всѣхъ усиліяхъ не можетъ подняться вверхъ; пространство между стѣнками конуса не дозво-

даетъ ей распустить крылья и она попадаетъ въ руки охотника живою.

Мелкихъ птицъ ловятъ въ особенныя силки съ пружинками, называемыя пажны. Срубятъ молодую елочку, вышиной не менѣе двухъ аршинъ, очистить ее отъ верхнихъ сучьевъ, а на нижнемъ концѣ, въ разстояніи двухъ четвертей отъ него, оставить одинъ длинный сучекъ; къ этому сучку привязываютъ волосяной силокъ, пригибаютъ сучекъ къ колышку и продѣваютъ силокъ чрезъ небольшую дырочку, проверченную шиломъ въ концѣ колышка, по другую сторону котораго образуется кольцообразная петля; со стороны петли въ дырочку втыкаютъ небольшую вѣточку такъ легко, чтобы только держалась петля до времени своего дѣйствія; а для того, чтобы птичка не могла садиться на конецъ колышка, его дѣлаютъ острымъ какъ шило. Прилетѣвши къ ловушкѣ, птичка садится на вѣточку, которая подъ тяжестью птички падаетъ и сучекъ-пружина, принимая прежнее положеніе, тянетъ силокъ и прижимаетъ ножки птички къ колышку. Птичка попадаетъ живою въ руки человѣка. Ловушки эти втыкаютъ по нѣскольку штукъ въ снѣгъ близъ лѣсовъ и гумнъ, а для приманки бросаютъ мякины и сѣмянь.

Кромѣ этихъ ловушекъ на гумнахъ ставятъ, для голубей и прочихъ птицъ, напримѣръ, курпатовъ, опять особаго рода силки. Къ небольшимъ дощечкамъ, аршинъ длиной и полтаршина шириной, прибавляютъ штукъ двадцать силковъ длиною съ четверть и, сдѣлавъ изъ нихъ петли, ставятъ ловушку на то мѣсто, гдѣ болѣе водится птицъ; а чтобы птицы не подозрѣвали покушеній, доску засыпаютъ мякиной и на верхъ сыплютъ зерна. Чтобы запутаться въ силокъ, птицѣ стоитъ только пройти одинъ разъ по доскѣ.

Для зайцевъ ставятъ капканы и дѣлаютъ, такъ называемые, кечъ-боры. Для такихъ ловушекъ выбирается въ лѣсу мѣсто, гдѣ стоитъ небольшая группа деревьевъ; между ними расчищается площадка длиною въ сажень и шириною въ полтаршина; по продольнымъ сторонамъ этой площадки кладутъ два бревна около одной сажени длиною, а между ними вбиваютъ два столбика одинъ противъ другаго, вышиною около полутора аршина; по сторонамъ бревенъ дѣлаютъ изгородь, какъ и у силковъ для глухарей; въ промежуткѣ между столбиками помѣщаютъ два длинныхъ бревна, каждое толщиною около четверти аршина въ поперечникѣ; передніе концы этихъ

бревенъ связываютъ веревкою, свитою изъ тонкихъ вѣтокъ, а задніе концы скрѣпляются съ лежащими параллельно съ ними боковыми бревнами; сверху столбики скрѣпляются перекладиной, на которую кладется палка длиною три четверти аршина; передній конецъ этой палки всовывается подъ веревку, связывающую бревна, которая при этомъ съ земли поднимаются, а къ заднему концу привязываютъ молодую ивовую вицу толщиною съ гусиное перо; другой конецъ вицы пропускается промежъ бревенъ и привязывается къ небольшому прутіку, всунутому подъ лежащія бревна, поперекъ ихъ. Ловушка эта представляетъ пасть и зѣвъ звѣря; заяцъ, бѣгая въ поискахъ за пищею, видитъ вицу, заходитъ въ пасть и перегрызаётъ вицу; подъ тяжестью бревенъ палка сбрасывается съ перекладины и пасть, закрываясь, убиваетъ зайца.

Лисицъ, куницъ и норокъ ловятъ въ обыкновенные капканы, а волковъ въ большіе. На бѣлокъ ходятъ осенью съ собаками и бьютъ ихъ изъ ружей.

Горностаевъ ловятъ въ маленькіе капканы и въ простыя, но остроумно выдуманныя, ловушки подъ названіемъ налькъ. У изгородей, гдѣ бѣгаютъ эти звѣрки, кладутъ деревянную доску шириною съ полъаршина и длиною въ аршинъ и болѣе; у одного изъ ея концовъ, по бокамъ этой доски, вколачиваютъ одинъ противъ другаго два столбика, вышиною въ три четверти аршина; на этихъ столбикахъ скрѣпляютъ перекладину, а на другомъ концѣ доски, у самой середины ея, вколачивается въ землю колы длиною въ четверть аршина. Къ этому гвоздю привязываютъ ободранное лыко шириною не менѣ одного дюйма и проводятъ его по срединѣ доски до другаго ея конца; на свободномъ концѣ лыка дѣлаютъ ножомъ нѣсколько зарубокъ; если же нѣтъ лыка, то вмѣсто него привязываютъ мочало, а вмѣсто зарубокъ дѣлаютъ узлы; къ лыку, по срединѣ его длины, привязываютъ кусокъ мяса или рыбы для приманки звѣрка; къ срединѣ верхней перекладины привязываютъ мочалку или веревочку, а къ другому концу веревочки привязываютъ небольшой клинышекъ величиною съ указательный палецъ; на нижнюю доску кладутъ другую такой же величины, но нѣсколько тяжелѣе; затѣмъ верхнюю доску поднимаютъ до половины столбиковъ и подпираютъ верхнимъ тупымъ концомъ клинышка, острый конецъ котораго задѣвается за зарубку на лыгѣ. Чуть только звѣ-

рокъ дотронется до приманки, клинъ соскакиваетъ съ зарубки, верхняя доска падаетъ на звѣрка и убиваетъ его.

На медвѣдей охотятся очень рѣдко.

Сватовство и свадебные обряды.

Когда жениху исполнится 16—17 лѣтъ, отецъ его, пригласивши кого-нибудь изъ родныхъ, ѣдетъ сватать присмотрѣнную для сына невѣсту, которую женихъ, можетъ быть, и не знаетъ, но согласія его не спрашиваютъ. Приѣхавши къ невѣстѣ, садятся на лавку, говорятъ о томъ, о семъ; какъ гостей, ихъ сажаютъ за столъ, потчуютъ кумышкой, обѣдомъ и, если есть самоваръ, то и чаемъ. Если это первые сватовщики и случится при нихъ на столѣ цѣльный коровай хлѣба, то говорятъ, что это къ счастью, и невѣсту выдаютъ за перваго жениха; если же случится не цѣльный коровай, то выдаютъ невѣсту обыкновенно лишь за третьяго жениха. Послѣ обѣда товарищъ женихова отца вынимаетъ изъ-за пазухи табакерку съ табакомъ и потчуетъ табакомъ отца и мать невѣсты, давая тѣмъ знать, по заведенному обычаю, цѣль своего приѣзда (впрочемъ, у иныхъ переговоры идутъ раньше). Родители невѣсты, по обычаю, не должны отказываться отъ понюшки табаку; нюхая табакъ, говорятъ, что отправить одну понюшку не бѣда. Попотчивавши табакомъ, товарищъ женихова отца вкладываетъ въ пазуху невѣстиной матери серебряный рубль и та, если согласна, беретъ монету, заворачиваетъ ее въ лоскутокъ кумачу и передаетъ невѣстѣ, которая отказаться уже не можетъ; затѣмъ послѣ матери, по старшинству, сватъ даетъ и прочимъ въ семействѣ кому 20 коп., кому 10, кому 5, а маленькимъ ребятишкамъ по 2 или по одной копѣйкѣ; если ребятишки недовольны подачкой, то просятъ прибавки. Кто изъ сосѣдей знаетъ, что въ домѣ идетъ сватовство, идетъ смотрѣть, за что получаетъ отъ сватовщиковъ копѣйку денегъ; потомъ сватовей сажаютъ за столъ и потчуютъ кумышкой, варятъ мясо и во время обѣда поютъ пѣсни; кумышкой сначала потчуетъ мать невѣсты, потомъ сама невѣста. Въ концѣ сидѣнія за столомъ невѣста подноситъ женихову отцу рюмку съ кумышкой и тотъ, взявши рюмку, говоритъ: я, таберѣ лу мынымъ кенъ! (ну, теперь будь мнѣ сноха!) и, выпивъ рюмку кумышки, даритъ невѣстѣ серебряный рубль; невѣста, принявши даръ

на правый рукавъ платья, влается будущему свекру въ ноги; попирававши до вечера, уѣзжаютъ.

Если женихъ и невѣста другъ друга еще не видѣли, то въ первый же праздникъ женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ въ гости и тамъ смотрятъ другъ друга; а какъ поглянутся другъ другу, невѣста даритъ жениху кисетъ своей работы (кошелекъ для денегъ). Когда жениху исполнится узаконенное для брака число лѣтъ (или раньше, если разрѣшить обвинчать по прошенію архіерей), отецъ жениха выражаетъ калымъ отъ 20 до 100 рублей, а съ невѣсты выражаютъ приданое изъ бѣлья, платья и проч. и затѣмъ вѣнчаютъ. Послѣ вѣнца никакихъ пирушекъ не бываетъ и молодые уѣзжаютъ каждый къ своимъ родителямъ, и такъ какъ, по понятіямъ ихъ, это еще не свадьба, то живутъ попрежнему, какъ чужіе; настоящая свадьба бываетъ въ Петровъ день, 29-го іюня, или на масляной недѣлѣ. Иные мало семейные сватаютъ когда жениху не болѣе пятнадцати лѣтъ и увозятъ невѣсту къ жениху до вѣнца; вѣнчаютъ, когда женихъ съ невѣстой уже успѣютъ пожить и послѣдняя забеременѣтъ.

Наканунъ Петрова дня (а если свадьба бываетъ зимой на масляной недѣлѣ, то во вторникъ), отецъ жениха приглашаетъ изъ своей родни или знакомыхъ на свадьбу человѣкъ десять поѣзжанъ, изъ коихъ половина мушьявъ и половина женщинъ; кромѣ того, приглашается въ тысяцкіе крестный отецъ жениха съ женой. Запрягаютъ самыхъ лучшихъ коней по парѣ въ каждую телѣгу, привязываютъ къ дугамъ по два колокольчика, а нѣкоторые къ уздамъ бубенчики; въ каждую телѣгу садится по два человѣка, одѣтыхъ въ лучшія платья; изъ двора на свадьбу провожаютъ сосѣди съ кумышпой и разными восклицаніями: дзечь вѣтлэ! тудо-буро! (благополучно! счастливо!); жениха съ собой не берутъ.

Свадьба къ невѣстѣ обыкновенно пріѣзжаетъ вечеромъ; въ этотъ день никакихъ угощеній, кромѣ кумышки, не бываетъ; выпрягаютъ коней и отдыхаютъ. Невѣста бываетъ одѣта просто, какъ будто она не невѣста; поѣзжане на нее и она на поѣзжанъ не обращаютъ никакого вниманія. Вечеромъ одинъ изъ старшихъ поѣзжанъ спитъ на невѣстиной постели, а другіе гдѣ попало; невѣста спитъ съ матерью или съ другими женщинами, или же съ подружками. Тотъ, кто ночевалъ на невѣстиной постели, вставши утромъ, кладетъ одну или нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ подъ по-

душки невесты. Утромъ старшихъ поѣванъ сажаютъ за столъ, кормить вавтракомъ и поятъ кумышкой; а молодые люди, составивши на полу кругъ, поютъ пѣсни изъ однихъ слоговъ: айдо шнэно и прѣч. При этомъ медленно расхаживаютъ кругомъ по солнцу; затѣмъ, когда выйдутъ изъ-за стола старшіе, сажаютъ молодыхъ; около обѣда идутъ въ баню; сначала сходятъ мужики, а потомъ—женщины.

Въ другихъ деревняхъ дѣлается такъ: когда придетъ свадьба, невеста, нарядившись въ лучший нарядъ, въ сопровожденіи своихъ подружекъ, идетъ прятаться въ поле во ржи, если свадьба бываетъ лѣтомъ, а если зимой, то на гумно; подружки ея берутъ съ собой кумышки; гдѣ спряталась невеста, указываетъ кто-нибудь изъ семейныхъ, за что получаетъ въ даръ серебряную монету въ 20 или 10 копѣекъ. Нашедши невесту, поютъ пѣсни и надѣваютъ на нее платокъ съ кистями, которыя покрываютъ все лицо невесты, и идутъ домой; пришедши въ избу, говорятъ: гербэръ сясыка шедь тымъ! (нашли Петровскій цвѣтокъ); само собою разумѣется, что это говорятъ только тогда, когда свадьба бываетъ въ Петровке.

Если кто изъ сосѣдей позоветъ въ гости, идутъ къ нему всѣ съ пѣснями; тамъ потчуютъ ихъ кумышкой и обѣдомъ.

Подъ вечеръ второго дня накрываютъ большой столъ разною стряпней и щами; въ передній уголъ сажаютъ тысяцкаго рядомъ съ невестой: ставятъ на столъ четвертную бутылъ съ кумышкой и раиныя дары передъ каждымъ: женскому полу платки и шали, а мужчинамъ сапоги, рукавицы и опояски. Получающіе подарки кладутъ на нихъ серебряныя деньги, кто сколько желаетъ, смотря по тому, каковы подарки; потомъ, взявши подарки въ руки, зовутъ къ столу отца и мать невесты и подносятъ имъ деньги на подаркахъ, а тѣ, подѣловавши деньги, берутъ ихъ въ ротъ и изо рта кладутъ на правый рукавъ, а съ рукава въ лѣвую руку; при этомъ за подарки и за деньги другъ друга благодарятъ; кромѣ подарковъ, означенныхъ выше, даютъ по полотенцу каждому мужинѣ поѣзжанину, который и опоясывается имъ. Во все время обѣда дѣвушки и женщины поютъ пѣсни, а невеста, сидя въ послѣдній разъ за столомъ родителей, воетъ во всеуслышаніе, причитывая жалобныя слова на родителей, что они отдають ее въ чужія руки; тысяцкій, крестный отецъ невесты, утѣшаетъ ее, говоря, что не вѣкъ же ей

быть въ дѣвушкахъ. Тѣмъ временемъ неучаствующіе въ обѣдъ мушны запрягаютъ коней и выносятъ сундуки и прочее приданое невѣсты; предъ выносомъ сундуковъ, братья или сестры невѣсты, садятся на нихъ и говорятъ, что они даромъ не дадутъ приданое; поѣзжане должны выкупить приданое, заплативъ копѣекъ пять или и того меньше. Когда все готово къ отъѣзду, невѣста выходитъ изъ-за стола, кланяется въ ноги отцу, матери и прочимъ въ семействѣ, прощается съ нѣкоторыми неодушевленными предметами въ избѣ и затѣмъ направляется къ двери; при этомъ отецъ, мать и прочіе плачутъ слезами, утѣшаютъ ее, говоря: не скучай милая, будемъ ѣздить къ тебѣ часто. Къ шапкамъ поѣзжанъ подружки невѣсты пришиваютъ лоскутки. Невѣсту провожаетъ столько же чело-вѣкъ, сколько пріѣзжало отъ жениха.

Наконецъ свадебный поѣздъ трогается; если на пути случится деревня, въ которой есть знакомые или родственники жениха или невѣсты, то останавливаются на дорогѣ противъ ихъ дома и хозяева выходятъ потчевать поѣзжанъ кумышкой. Поѣзжане же изъ телѣгъ своихъ до мѣста не выходятъ. Къ пріѣзду свадьбы, дома у жениха, готовится обѣдъ и разныя угощенія. Свадьбу встрѣчаютъ въ иныхъ деревняхъ съ хлѣбомъ-солью отецъ и мать жениха, а въ другихъ—выходятъ встрѣчать только съ кумышкой нарядно одѣтыя женщины.

У жениха, какъ и у невѣсты, вечеромъ въ день пріѣзда никакихъ особенныхъ угощеній не бываетъ; выпрагаютъ коней, убираютъ приданое невѣсты и послѣ разговоровъ и пѣсенъ, продолжающихся около двухъ часовъ, ложатся спать; невѣста спитъ съ провожатыми женщинами на постели свекрови своей или золовокъ, а прочіе изъ поѣзжанъ спятъ на постели невѣсты, за что кладутъ утромъ подъ подушки деньги. На другой день утромъ, послѣ завтрака, идутъ съ пѣснями по сосѣдямъ, гдѣ угощаютъ ихъ кумышкой и обѣдомъ; женихъ же до вечера бываетъ въ сторонѣ. Подъ вечеръ накрываютъ большой столъ разными яствами и раздаютъ провожатымъ подарки отъ жениха, такъ же какъ раздавались и у невѣсты. Вечеромъ укладываютъ молодыхъ спать въ клѣтъ или въ отдѣльную избу на постель, при этомъ у присутствующихъ мушны отбираютъ шапки, а у женщинъ платки или фартуки и все это бросаютъ подъ подушки молодыхъ, говоря: пусть

будетъ молодымъ спать мягко. Шапки и платки выкупаютъ на другое утро женщины съ кумышкой, каковой потчуютъ поѣзжанъ, которые укладывали молодыхъ спать. Если провожатые встанутъ утромъ прежде молодыхъ, то молодого штрафуютъ кумышкой, которой долженъ онъ выставить четверть ведра; пропировавши до вечера, запрыгаютъ провожатымъ коней и въ послѣдній разъ молодой выставляетъ имъ еще четверть водки или кумышки, за что ему даютъ денегъ кто 2 коп., кто 5 и т. д.; выпивши четверть ведра, провожатые уѣзжаютъ.

По отъѣздѣ провожатыхъ сосѣди жениха, мушны и женщины, идутъ поздравлять молодыхъ; молодуха потчуетъ ихъ, за что получаетъ денегъ отъ кого 1 коп., отъ кого 5 и т. д.; сосѣди говорятъ ей: ну теперь будь наша, не скучай! Свекоръ и свекровь даютъ ей по одному рублю. При угощеніи каждый говоритъ: курить! (горько!) и молодой долженъ поцѣловать молодуху. Всѣхъ денегъ у молодухи накопляется рублей 5—6, а у богатыхъ около 20 руб.

Когда провожатые пріѣдутъ домой, сосѣди съ женами идутъ ихъ потчивать кумышкой, говоря, что у нихъ съ похмѣлья болитъ голова; при этомъ смотрятъ подарки, полученные отъ жениха.

Куконъ (кража невѣсты).

Кое гдѣ у вотяковъ, преимущественно въ Большепургинской сторонѣ, существуетъ обычай красть невѣсты. Крадутъ невѣсты или во избѣжаніе расходовъ на свадьбу или въ случаѣ несогласія родителей выдать дочь за избраннаго ею жениха,—въ послѣднемъ случаѣ съ согласія невѣсты; часто, впрочемъ, крадутъ и за нелюбимыхъ невѣстами, но богатыхъ жениховъ, когда родители невѣсты, предвидя большой кушъ калыма, изъявляютъ полное согласіе на бракъ противъ желанія невѣсты. Кража происходитъ обыкновенно ночью и на другой же день въ мѣстной церкви совершается обрядъ вѣнчанія. Если невѣста украдена безъ согласія родителей, послѣдніе во всякомъ случаѣ вознаграждаются калымомъ щедрѣе обыкновеннаго и дѣло оканчивается миромъ; а невѣста, неизъявившая согласія на вступленіе въ бракъ и объявив-

шая объ этомъ священнику, увозится обратно къ родителямъ. Въ одной изъ деревень Большепургинскаго прихода (кажется, въ Сепозѣ) украли невісту за богатаго, но не любимаго невістой, жениха и невіста, не смотря ни на какія уговариванія со стороны жениха и родителей, на бракъ не согласилась. Женихъ же давалъ родителямъ и самой невістѣ 200 рублей.

При такихъ свадьбахъ никакихъ пирушекъ не бываетъ.

Обряды при рожденіи дѣтей.

Женщина вотачва, на четвертомъ или на пятомъ мѣсяцѣ беременности, считаетъ непремѣнною обязанностію наварить ко времени разрѣшенія своего отъ бремени, ведра три-четыре кумышки.

Чувствуя приближеніе родовъ, она посылаетъ за бабушкой, занимающейся повивальнымъ дѣломъ и велитъ топить баню; пока семейные топятъ баню, бабушка дѣлаетъ вокругъ постельки больной занавѣсъ, чтобы никто не видалъ больную, особенно новорожденного младенца, котораго, по понятіямъ жителей, всякъ можетъ сглазить.

Какъ только родится младенецъ, бабушка, исполнивъ всѣ свои обязанности, сообщаетъ отцу новорожденного; тотъ ставитъ на столъ вино или кумышку и всѣ семейные пьютъ, поздравляя новорожденного, который лежитъ въ пеленкахъ при матери. Односельцы, узнавши, что въ домѣ есть новорожденный, идутъ поздравлять его отца. Женщины идутъ со страпней кормить роженницу, а мужчины даютъ денегъ; кто копѣйку, кто двѣ, кто пять и т. д.; такимъ образомъ, набирается рублей до пяти, не болѣе. Затѣмъ начинается пирушка, которую называютъ *кабакъ*; продолжается она день и ночь непрерывно въ теченіи трехъ-четырехъ сутокъ и, во все время пирушки въ избѣ стоитъ табачный дымъ отъ куримыхъ трубокъ, во вредъ здоровью новорожденного. Если подъ конецъ не доставятъ кумышки, приходится брать уже въ питейномъ заведеніи.

Черезъ годъ или полтора, за cadaго ребенка приносятъ Воршуду рыбную жертву. Для каждой деревни родъ рыбы опредѣленъ давно, поэтому каждая деревня знаетъ свою рыбу, и, въ случаѣ нужды, платитъ за нее дорого, лишь бы найти.

Обряды надъ умершими.

Такъ какъ вотяки, особенно вотячки, вообще боятся мертвыхъ, то какъ только кто разстался съ душой, приглашаютъ сосѣдей; семейные оплакиваютъ покойника, а приглашенные дѣлаютъ гробъ, обмываютъ умершаго, надѣваютъ на него чистое бѣлье и на шею—мѣдный крестикъ. Положивъ тѣло въ гробъ, кладутъ мужикѣ шапку, рукавицы, денегъ, коточикъ и, кто курилъ табакъ, трубку и проч., приговаривая, что пусть онъ тамъ не нуждается въ этихъ вещахъ; женщинѣ кладутъ серебряныя монеты.

Когда покойникъ будетъ уже въ гробѣ, сосѣди идутъ провожать его съ кумышкой и, выпивая ее, говорятъ: дзечь улъ соязъ дунбѣнъ (хорошо живи на томъ свѣтѣ), затѣмъ отвозятъ покойника въ усыпальницу, находящуюся при церкви въ селѣ. Провожать покойника считаютъ обязанностію, говоря, что, если провожать покойника, то онъ, по смерти твоей, будетъ тебя встрѣчать на томъ свѣтѣ такъ же, какъ ты провожалъ его на землѣ, и будетъ онъ знакомить тебя съ тѣми мѣстами, гдѣ живутъ умершіе. Вѣра въ безсмертіе души, жители говорятъ, что кто жилъ на землѣ хорошо, т. е. богато, тамъ будетъ жить худо; кто жилъ худо, т. е. бѣдно, тотъ тамъ будетъ жить хорошо; грѣшниковъ будутъ мучить въ кипящей смолѣ.

Всѣ оставшіяся послѣ покойника вещи и невытую одежду бросаютъ на дубанкѣ въ лѣсъ или въ догъ.

Религія жителей.

Вотяки—христіане ¹⁾, но при смутномъ понятіи о христіанской вѣрѣ, они совершаютъ молитвы и по языческимъ обрядамъ, перешедшимъ отъ предковъ.

Не имѣя никакого понятія о Пресвятой Троицѣ, вотяки говорятъ, что есть одинъ только Богъ—Инмаръ Кылдысинъ и что все сотворено имъ: но въ своихъ языческихъ молитвахъ они упомина-

---

¹⁾ Христіанство приняли здѣшніе вотяки назадъ тому около двухъ сотъ лѣтъ.

ють и другихъ боговъ. Такихъ боговъ у нихъ считается нынѣ шестнадцатъ, именно: 1) Гудырѣмумы—богиня грома, молній и тучъ; 2) Инъ вожо—богъ полдня; онъ господствуетъ только въ полдень, съ 20 іюня по 20 іюля; ему никакой жертвы не приносятъ, а почитаютъ его только однимъ соблюденіемъ тишины въ полдни; онъ не любитъ чернаго цвѣта, шуму, работы; поэтому въ полдни не велятъ рвать цвѣты, траву, рыть землю. Если кто нибудь во время Инъ-вожо будетъ рвать траву, цвѣты, или вынесетъ изъ избы котель, чугуны и проч., будетъ черпать ими воду изъ рѣчекъ и взойдетъ послѣ этого туча, говорятъ, что онъ прогнѣвалъ Инъ вожо, показавъ черный цвѣтъ; 3) Инъ ву—богъ дождя; 4) Му кылдысинъ—богъ земли. 5) Утысь—богъ-хранитель скота; болѣзни колтунъ, состоящую въ перепутываніи гривы у лошадей, приписываютъ его продѣлкамъ; говорятъ: «любить, потому и путаетъ»; 6) Кереметь—богъ зла. 7) Шайтанъ—нечистый духъ; ему приносятъ жертву въ случаѣ болѣзней людскихъ, по совѣту ворожеевъ; 8) Акшанъ—богъ сумерекъ. Онъ не любитъ во время сумерекъ никакой работы, ни шуму, ни ѣды и проч., а требуетъ, чтобы въ эту пору только лежали; 9) Воршудъ—богъ счастья семейной жизни. 10) Нюлесь-Муртъ—богъ лѣсовъ и вѣтровъ (у русскихъ—лѣшій); его представляютъ страшнымъ великаномъ, ходящимъ въ вихрѣ; въ завѣдываніи его всѣ звѣри и птицы лѣсные; 11) Ву Муртъ—богъ озеръ, рѣкъ, прудовъ (у русскихъ—водяной дѣдушка); онъ злой; топить купающихся въ водѣ, прорываетъ мельницы, особенно когда бываетъ у водяныхъ свадьба. Чтобы умилостивить его и получить хорошій уловъ рыбы, бросаютъ ему деньги; 12) Черъ—богъ болѣзней, особенно скотскихъ; 13) Калдыкъ-Мумы—богиня покровительница вотячекъ; ей жертвъ не приносятъ, а только обращаются со словами: «Э, калдыкъ мумы!» Это значитъ, что вотячка обращается къ ней подъ покровительство; 14) Кутысь—богъ людскихъ болѣзней, преимущественно коросты; онъ находится при ключахъ и рѣчкахъ; чтобы очиститься отъ коросты, бросаютъ завязанными въ тряпкахъ жертвы: крупу, яйца, блины и проч., а иногда и живыхъ птицъ со связанными ножами; при этомъ говорятъ: ме, си таё монэ энъ си (на, ѣшь это, меня не тронь) и съ этими словами идутъ, не оглядываясь назадъ. Это бросаніе называется Куясъконъ. Какого ключа Кутысь поразилъ коростой, про то сказываетъ ворожеецъ,

тунд.—Ворожбой занимаются обыкновенно старики и старухи; поэтому въ нимъ идетъ, не стѣсняясь, всякій, съ какиминибудь двумя тремя копѣйками денегъ, а нерѣдко и съ однимъ грошомъ. Ворожатъ такъ: нальютъ въ чашку воды и смотрятъ туда пристально, какъ будто видятъ что въ водѣ или берутъ въ руки монету и смотрятъ въ нее, повертывая на всѣ стороны съ четверть часа; послѣ того ворожцы сказываютъ, гдѣ человѣка поймала боль и что надо подарить Кутысю, чтобы не было коросты. 15) Акташъ; это, по отзыву нѣкоторыхъ, мѣстопробываніе какого-то божества, которому приносятъ жертвы по совѣту ворожца. Ворожцы говорятъ: «Акташъ всяно» (надо принести жертву въ Акташъ). Вотакъ поч. Малого Казеса, Шарканскаго прихода, Степанъ Васильевъ Широбокъ объяснилъ, что Акташъ подобенъ Керемету; а Иванъ Емельяновъ, изъ села Шаркана, подтвердилъ, что Акташъ—злѣйшее изъ всѣхъ божество; если онъ наведетъ на человѣка болѣзнь—непремѣнно требуется жертва, иначе вылечить ничѣмъ нельзя. Другіе отозвались въ такомъ же смыслѣ и въ результатѣ получилось слѣдующее: Акташъ—богъ зла, напускающій болѣзни преимущественно съ захожденіемъ солнца. Кереметь же—злой духъ, могущій повредить во всякое время дня или, говоря славянскимъ языкомъ, Кереметь—бѣсъ полуденный. 16) Вожъ—богъ страха и привидѣній; ему приносятъ въ жертву кодь по случаю болѣзни ногъ и въ женскихъ болѣзняхъ, получаемыхъ отъ страха. Раза три въ вотской деревнѣ автору этого описанія привидѣлось слышать повдно вечеромъ такіа слова: «Ешкѣ малодѣ, вожосѣ ветлѣ (испугаешься, вожои ходять); такими словами предостерегали матери дѣтей, собиравшихся выйти изъ избы въ началѣ ночи.

Праздники и жертвоприношенія въ честь нѣкоторыхъ изъ этихъ боговъ совершаются каждый годъ, по два и по три раза; другимъ богамъ только по случаю какихъ нибудь несчастій, посѣтившихъ вотяковъ: Черу—во время скотскихъ болѣзней и надежей по совѣту ворожца; Шайтану—во время людскихъ болѣзней; Кутысю—когда случится сильная короста на тѣлѣ; Акшану никакихъ жертвъ не приносятъ, а угожденіемъ ему считается одно лежаніе на боку во время сумерекъ; часто случается слышать въ это время: зыбышъ уль—Акшанъ дыръ! (смирно, время Акшана)!

Кромѣ вышепоименованныхъ шестнадцати боговъ, жители имѣютъ еще другихъ ииенческихъ лицъ, напримеръ: 1) Паласъ муртъ; это—половинный человѣкъ, какъ будто разсѣченный на-двое вдоль позвоночнаго столба; у него одинъ глазъ, одна рука, одна нога; онъ въ лѣсу пугаетъ людей хуже медвѣдя, крикъ его раздается далеко въ лѣсу, въ ночное время, въ ту самую пору, когда кричитъ филинъ; кричитъ онъ: о! о! о! о!!!. Однажды привелось мнѣ слышать отъ молодыхъ ребятъ деревни Нырошура слѣдующій разсказъ: «Мы ночевали въ лѣсу на небольшой полянкѣ, у разложеннаго костра. Были сумерки. Закусили хлѣба и лежимъ, грѣмся у огня... вдругъ откуда ни возмись Паласъ муртъ съ однимъ большимъ глазомъ. Мы страшно перепугались и не знали, что и дѣлать; въ счастію, одинъ изъ насъ былъ смѣлѣе и сказалъ: Остэ, Инмаре! (благослови Господи) и вдругъ Паласъ муртъ плюнулъ и ушелъ, а обуглившіяся головешки костра разметались вѣтромъ кругомъ. Мы всю ночь не спали». 2) Бабасыръ—лѣсной путъ, чудакъ. Онъ вдругъ засмѣется, захохочетъ въ лѣсу и опять замолкнетъ. 3) Бустурганъ—домовой, сусѣдо. Онъ во время сна давить людей ради шутки; кого любить, у того перепутываетъ волосы и бороду. Если случается кошмаръ, говорятъ, что давить Бустурганъ. 4) Кузыппине-муртъ,—длиннозубый. Онъ живетъ въ лѣсахъ; онъ—дьяволъ, людоедъ. 5) Искальпыдо муртъ—людоедъ; онъ съ коровьими ногами. 6) Нульльисъ кысъ. Это сказочное существо представляется четвероногимъ животнымъ въ родѣ кота. Оно, по повѣрью жителей, есть у очень рѣдкихъ; тотъ, кого оно любитъ, не нуждается ни въ чемъ: Нульльисъ кысъ таскаетъ ему хлѣбъ изъ чужихъ амбаровъ. Говорятъ, что если оно будетъ убито кѣмънибудь, человѣкъ, пользовавшійся его помощью, долженъ умереть. 7) Куекри—баба. Это существо женскаго пола, живетъ въ лѣсахъ; соответствуетъ русской бабѣ-ягѣ.

Во время состоянія жителей въ язычествѣ, почти для каждого бога были особые храмы или моельни, называемыя куа. Въ настоящее время число моеленъ уменьшилось и въ одной моельнѣ отправляется языческое служеніе нѣсколькимъ богамъ, Такихъ моеленъ нынѣ три¹⁾. Первая и самая главная моельня: Быдзимъ куа (великій храмъ). Она бываетъ при каждой деревнѣ, въ лѣсу

¹⁾ Т. е. три въ каждой деревнѣ. Ред

или въ полѣ; если въ полѣ, то при молебнѣ востанъ долженъ быть небольшой лѣсокъ или хотъ нѣсколько елокъ. Это шалашъ, покрытый лубьями и тесомъ, безъ оконъ, съ одною дверью; въ срединѣ шалаша—очагъ, гдѣ раскладывается костеръ для варки жертвы; въ переднемъ углу небольшая старая икона съ изображеніемъ какого либо святаго. Въ храмѣ этомъ молятся богамъ: Инву, Гудыри мумы, Му Кылдышну.

Вторая молебня посвящена Керемету. Устройство ея такое же, какъ и у Быдзимъ-куа, но здѣсь иконы нѣтъ, а вмѣсто нея шкурка красной векши (а въ иныхъ ничего не бываетъ). Молебнице это находится въ болѣе скрытомъ мѣстѣ, въ лѣсу; въ срединѣ — три очага, а въ углу столики въ родѣ скамейки; на столики три берестянныхъ коробочки, чашки, ложки и проч. Вся посуда находится здѣсь со времени устройства храма. Если при какой нибудь деревнѣ нѣтъ шалаша въ честь Керемета, то замѣняетъ его избранное разъ навсегда мѣсто. Третій храмъ—бога Воршуда. Онъ есть у каждаго домохозяина вотяка на дворѣ и называется куа; здѣсь есть икона. Лѣтомъ этотъ храмъ служитъ кухней и столовой: здѣсь варятъ обѣдъ, пируютъ, угощаютъ гостей въ лѣтнее время, пока стоятъ теплая погода. Прочимъ богамъ, напримѣръ, Шайтану, Черу, Нюлэсъ мурту особыхъ храмовъ нѣтъ; имъ приносятъ жертвы вездѣ, преимущественно въ лѣсахъ; а Нюлэсъ мурту приносятъ иногда въ храмѣ Быдзимъ куа. Самые жертвоприношенія совершаются не вездѣ одинаково: здѣсь дѣлаютъ то, тамъ—другое, а въ иномъ мѣстѣ опять по своему. Въ тѣхъ храмахъ, которые находятся въ лѣсахъ, всегда хранятся деньги, собранныя на праздники на покупку жертвенныхъ животныхъ; поэтому храмы тѣ всегда бываютъ заперты на замокъ. Чтобы воришки не воспользовались деньгами, вотяки распускаютъ слухи, что если кто возьметъ деньги, находящіяся въ ихъ храмѣ, тотъ умретъ или ослѣпнетъ. Вѣря этимъ слухамъ, даже русскіе въ храмахъ ихъ не подходятъ и денегъ не крадутъ. Мѣста молебищъ, гдѣ нѣтъ храмовъ (или шалашей), бывають расчищены, выметены и утоптаны такъ, что не потеряется и игла.

Олицетвореніе болѣзни горячки и причина таково. Между повѣрьями инородцевъ не послѣднее мѣсто занимаетъ повѣрье о болѣзни-горячкѣ, именуемой *кылъ*. Олицетворяя эту болѣзнь, больные

подвергаются особеннымъ силамъ, подобнымъ силѣ магнетизма. Силы эти на больныхъ проявляются въ дѣйствіи воображенія. Больные видятъ воображаемыхъ и во снѣ, и на яву; разговариваютъ съ ними, слышатъ голосъ ихъ, какъ голосъ человѣка. Такъ, напримѣръ, по словамъ Осипа Егорова, во время болѣзни горячки на людяхъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1885 года, больнымъ являлись самыя болѣзни въ человѣческомъ образѣ и совѣтовались между собой при больныхъ о томъ, куда имъ идти для пораженія здоровыхъ? Видали ихъ даже здоровые. Причина такихъ явленій—воображеніе, которое на вѣращихъ въ разныя мнѣстическія существа дѣйствуетъ какъ магнетизеръ. Кто не вѣритъ въ разныя сказочныя существа, тому не возможны видѣнія. Это видимъ на образованномъ классѣ народа; образованные люди, отвергая существованіе такихъ лицъ, не говорятъ, что видѣли, напримѣръ, водяныхъ чертей и лѣшихъ. Напротивъ, въ некультурномъ народѣ вѣра въ такихъ лицъ на столько крѣпка, что едва ли что можетъ ее искоренить. Поживите среди некультурнаго народа, напримѣръ, въ вотякахъ, освоитесь съ языкомъ ихъ и повѣрьями въ связи съ обрядностью ихъ — и вы будете представлять себя въ какомъ то другомъ мірѣ, гдѣ лѣса переполнены нюлесь-муртами, кузпинѣмуртами; въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ живутъ разные ву-мурты; воздухъ населяютъ гудыри мумны; людей окружаютъ кереметы, черы, различные духи зла, а скотъ—утысы; даже земля въ своемъ лонѣ имѣетъ особаго бога. Словомъ,—всякое мѣсто, всякая стихія имѣютъ свои отдѣльныя божества. Не въ однихъ вотякахъ, и въ русскихъ есть вѣра въ мнѣстическихъ лицъ: одинъ говоритъ: «меня давить сусѣдко», что «онъ мохнатый какъ обезьяна»; другой увѣряетъ, что видѣлъ лѣшаго огромной величины.

Праздники и жертвоприношенія.

Праздники у вотяковъ нераздѣльны съ жертвоприношеніями: одно безъ другаго бываетъ рѣдко. Такъ, если кто сдѣлаетъ общую пирушку, то долженъ устроить и жертвоприношеніе, и наоборотъ: если есть жертвоприношеніе, то должна быть и пирушка; изъ этого исключаются только зимніе праздники, когда, по случаю стужи и снѣга, нельзя или неудобно бываетъ принести жертву. Не отставая

отъ русскихъ въ пирахъ и попойкахъ по случаю христіанскихъ праздниковъ, вотяки, отдѣльно отъ русскихъ, справляютъ и свои языческіе праздники въ честь своихъ боговъ.

Религіозные обычаи и обряды я описываю здѣсь по порядку, начиная съ весны, такъ какъ новолѣтіе вотяки считаютъ съ этого времени, когда начинаются работы по земледѣлію. Первымъ днемъ новолѣтія у нихъ считается Великій Четвертокъ; объ этомъ говорить и гаданіе ихъ въ ночь на означенный день посредствомъ выслушиваній разныхъ звуковъ, чтобы придать имъ какое нибудь значеніе относительно будущности въ новомъ лѣтѣ. Первое число января они хотя и называютъ новымъ годомъ (виль аръ), но оно у нихъ значенія новаго года не имѣетъ; называютъ же его новымъ годомъ только потому, что общественныя должности по выборамъ и вообще всякая срочная служба ограничиваются этимъ числомъ.

Гырны-потонъ—выѣздъ на пашню. Праздникъ этотъ отправляется обыкновенно на Ооминой недѣлѣ, или на недѣлѣ св. Пасхи, если рано просыхаетъ земля. Наканунъ праздника все селеніе собирается въ одну избу для общаго сужденія о предстоящемъ праздникѣ Гырны-потонъ. Сужденіе продолжается около двухъ часовъ и во все это время въ избѣ стоитъ до полу табачный дымъ отъ куримыхъ трубокъ; здѣсь въ началѣ всякій толкуетъ со своимъ сосѣдомъ о сельскохозяйственныхъ дѣлишкахъ, о всходахъ травъ и озимей на своихъ полосахъ, а въ концѣ бываетъ сужденіе общее: готовы ли всѣ домохозяева на праздникъ? Сварена ли кумышка, пиво? Выѣзжаютъ ли сосѣднія селенія? Просохла ли земля? Но въ виду Егорьева дня (23 апрѣля), до котораго никогда не выѣзжаютъ на пашню, рѣшаются выѣхать на пашню въ завтрашній день; мысль объ этомъ первоначально даютъ зажиточные старики. Пришедши домой, заставляютъ въ квашнѣ растворить хлѣбъ изъ пшеничной муки. На другой день во всѣхъ избахъ начинается стряпня перепечей, лепешекъ, блиновъ и проч. Когда поспѣетъ стряпня, женщины стелютъ на столъ скатерть и ставятъ на нее бутылки съ кумышкой и рюмки, кладутъ цѣльный коровай хлѣба; затѣмъ старшій въ семействѣ садится за столъ въ передній уголъ, въ шапкѣ; ему подноситъ женщина, его жена, рюмку съ кумышкой и пиво, и онъ, принявши рюмку, держитъ ее въ лѣвой рукѣ, а правой рукой поглаживаетъ бороду, взявши ее въ кулакъ и бор-

мочетъ свои молитвы, прося у Воршуда счастья, хлѣба, скота, мирной жизни и всякаго добра; когда кончитъ молитву, беретъ рюмку въ правую руку и, обращаясь ко всѣмъ семейнымъ, говоритъ протяжно: я, сябасъ, пинальѣсь! (ну, будьте здоровы, ребята!) затѣмъ выпиваетъ рюмку; послѣ этого подходятъ съ рюмками другія женщины; между тѣмъ, какъ молится онъ за столомъ въ шапкѣ, другіе запрягаютъ коней въ соху и борону. Окончивши этотъ обрядъ, онъ выходитъ изъ-за стола, сыплетъ въ мѣшокъ жита, беретъ лукошко и выѣзжаетъ съ ребятами въ поле, а за нимъ чрезъ четверть часа или позже таянутся со стряпней группы бабъ и дѣвокъ. Вспыхавши небольшое пространство, которое можно засѣять пудомъ жита, глава семейства останавливается и ждетъ бабъ. Пришедши со стряпней, бабы стелютъ на полосу войлоковъ, ставятъ на него бутылки съ кумышкой, бураки съ пивомъ и кладутъ всю стряпню; хозяинъ-пахарь между тѣмъ насыпаетъ въ лукошко жита, кладетъ туда яицъ числомъ около пятнадцати (окрашенныхъ или бѣлыхъ), выкапываетъ въ бороздѣ подъ сохой небольшую ямку съ четверть глубиной и затѣмъ приступаетъ къ жертвоприношенію Му Кыдысину слѣдующимъ образомъ: кладетъ на бережокъ ямеи нѣсколько пихтовыхъ сучковъ, беретъ въ лѣвую руку такой же сучекъ и становится на колѣни на приготовленные сучья, лицомъ къ ямкѣ; женщина, его жена, даетъ ему яйцо, кусокъ говядины, блинъ яичный и проч. и все это кладетъ онъ въ ямку; потомъ та же женщина подноситъ ему стаканъ пива, которое выливаетъ онъ въ ямку; потомъ получаетъ отъ нея же рюмку кумышки и также выливаетъ ее въ ямку; затѣмъ, держа въ лѣвой рукѣ сучокъ, а правой поглаживая бороду, взявши ее въ кулакъ, бормочетъ свои молитвы, смотря на сучекъ и откашливаясь черезъ каждыя 5—10 секундъ. Молитва его такая: Господи благослови! Дай, Господи, хорошій урожай въ полѣ, чтобы на каждомъ корнѣ было 30 колосковъ, чтобы хлѣбъ былъ высокъ и густъ—могли бы бѣгать по хлѣбу векша, рябчикъ; зерно бы было, какъ куриное яйцо; лѣтомъ не было бы червя, грозы и проч. Окончивши молитву, онъ проситъ рюмку съ кумышкой; ему подаетъ жена его; взявши рюмку, онъ обращается ко всѣмъ предстоящимъ кругомъ и говоритъ протяжно: сябасъ пинальѣсь! (будьте здоровы, ребята!) и, выпивъ рюмку, встаетъ. Тѣмъ и оканчивается его жертвоприношеніе. Потомъ беретъ лукошко съ житомъ и на-

чинаетъ сѣять. Сначала онъ бросаетъ яйца своимъ ребятишкамъ, а потомъ и чужимъ, собравшимся съ сосѣднихъ полостей; видя его жертвоприношеніе, дѣти собираются на полосу заранѣе и ждутъ раздачи яицъ. Разбросавъ горсти двѣ-три жита, онъ бросаетъ яйцо; разбросавъ опять двѣ-три, бросаетъ другое и т. д.; собравшіеся ребятишки хватаютъ яйца, перебѣгая съ одного мѣста на другое съ шумомъ и крикомъ, а кто побойчѣе—отнимаетъ яйцо у другаго, пока оно еще не за пазухой нашедшаго. Сѣятель, когда выйдутъ всѣ яйца, обращается къ ребятишкамъ съ извиненіемъ, говоря имъ: я, энъ лекатѣ пиналъсь: курегъ-ѣсь со лѣсна эвалъ пузаль-ямъ! (ну, не судите, ребята: курицы больше не нанесли яицъ), а тѣ, въ свою очередь, говорятъ: тау тужъ тау! медъ дзечъ потѣзъ (спасибо, большое спасибо! пусть хорошо растетъ). Засѣявши вспаханное мѣсто, взбораниваютъ, выпрагаютъ лошадей и начинается пирушка; пирующие переходятъ съ полосы на полосу группами, пьютъ кумышку, пиво, закусывая перепечами, лепешками и проч. Попировавши съ полчаса времени, уходятъ домой. Взрослые—старики и бабы ходятъ изъ избы въ избу, а молодежь (парни и дѣвушки) отправляется кататься на верховыхъ лошадяхъ по деревнѣ съ пѣснями; заѣзжаютъ во дворъ чуть не къ каждому домохозяину и тамъ хозяева, вышедши съ кумышкой изъ избы, потчуютъ ихъ. Вечеромъ собираются въ поле, въ которое выѣзжали пахать: варятъ тамъ кашу, пируютъ съ пѣснями; попъ ¹⁾ молится съ сучею въ лѣвой рукѣ, стоя въ шапѣ; женщины потчуютъ его кумышкой. Попировавши часа два и съѣвши кашу, уходятъ домой. Это сборище и обѣдъ называютъ *Геры-шидъ*—обѣдъ въ честь сохи.

На другой день Герны-потона собираются въ полѣ и составляютъ тамъ пирушку *Гуждоръ*—«край, начало лѣта». На этомъ праздниѣ я самъ имѣлъ случай присутствовать. 27 апрѣля 1882 года я случайно получаю отъ знакомаго мнѣ крестьянина-вотьяка деревни Кайсыгурта, Назара Васильевича, записку, въ которой, между прочимъ, читаю слѣдующее: «пріѣзжайте на нашъ вотскій праздниѣ Гуждоръ!» Прочитавши записку, я началъ собираться въ ту-же минуту; подвода была послана за мной готовая и къ тому же ямщикъ, привезшій записку, торопилъ меня, увѣряя,

---

¹⁾ Вотьяки зовутъ попами и своихъ языческихъ жрецовъ.

что на Гуждоръ уже собираются. Медлить я не сталъ,—сѣлъ и поѣхалъ съ женой. Въ дорогѣ, отъ нечего дѣлать, я вошелъ въ разговоръ съ ямщикомъ-вотаконъ.

— Весело должно быть у васъ на Гуждорѣ?—спросилъ я его.

— Какъ не весело: дѣвки одѣты хорошо, потчуютъ кумышкой, а кумышка все съ медомъ,—отвѣтилъ онъ.

— А меня будутъ потчивать?

— Какъ же! для того и праздникъ, чтобы дѣвки потчивали; только дай имъ немного денегъ.

— Денегъ? а зачѣмъ это?

— У насъ обычай такой; поэтому на Гуждоръ безъ денегъ никто не ходитъ.

— Ну, братъ, я этого не зналъ, поэтому и денегъ съ собой не взялъ.

— Попросишь у когонибудь,—дадутъ.

— Ужели надо дать каждой? Ихъ тамъ, можетъ быть, пятьдесятъ человѣкъ и болѣе?

— Зачѣмъ каждой! Только дай копѣекъ пять или десять и—довольно! благодарны будутъ.

— Кто же беретъ деньги?

— Попъ; ему даютъ въ руки, а онъ дѣлитъ послѣ праздника, кому сколько причтется.

— А много ли причтется каждой дѣвкѣ въ праздникъ?

— Въ который годъ причтется десять копѣекъ, въ который пятнадцать... вѣдь не равно: какъ будутъ давать и сколько будетъ дѣвокъ.

— Много ли выходитъ у каждой дѣвки кумышекъ?

— Тѣже не равно: когда выйдетъ четверть, когда—больше, а когда и меньше: какъ будутъ пить и сколько будетъ народу.

— Такъ; но вѣдь попъ можетъ утаить дѣвичьи деньги?

— Зачѣмъ таить? у насъ дѣвки выбираютъ честныхъ и зажиточныхъ.

— Вотъ что, пона у васъ выбираютъ дѣвки!

— Дѣвки: тутъ ни мужики, ни бабы не касаются, потому что праздникъ дѣвичій.

— А если праздникъ дѣвичій, то зачѣмъ ходятъ туда мужики и бабы?

— А кто будетъ пить кумышку? вѣдь дѣвки не будутъ пить сами, межъ собой; у насъ такое заведеніе, чтобы дѣвки потчивали, а мужики—пили; а бабы ходятъ потчивать вмѣсто дѣвокъ, которыхъ у нихъ нѣтъ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы доѣхали до деревни Кайсыгурта, вѣхали во дворъ, зашли въ избу, помолились, поздоровались и сѣли. Въ избѣ было пусто, безлюдно, только одна дряхлая старушка—мать Назара Васильевича, сидѣла на лавкѣ, изрѣдка покашливая сухимъ старушечьимъ кашлемъ. Намъ недолго привелось сидѣть молча въ ожиданіи хозяина: чрезъ нѣсколько минутъ онъ явился и, поздоровавшись съ нами, пригласилъ насъ въ другую комнату, называемую горницей. За хозяиномъ вошла и его жена неся на рукахъ сильно шумящій самоваръ и принялась хлопотать около него. Зная сколько должно пройти времени за чаемъ, я обратился къ хозяину со словами:

— А вѣдь такъ, Назаръ Васильевичъ, времени пролетитъ немало и мы не увидимъ Гуждоръ.

— Ничего, отвѣтилъ онъ,—на Гуждоръ собираются только сейчасъ.

— А зачѣмъ ямщикъ намъ сказалъ, что Гуждоръ начался еще тогда, когда онъ отправлялся за нами?

— «Вреть», отвѣтилъ онъ улыбаясь: «онъ думалъ, что отстанетъ отъ дѣвокъ, поэтому и торопилъ васъ». Въ самомъ дѣлѣ, взглянувши въ окно, я увидѣлъ группы разряженныхъ вотячешъ идущихъ, вѣроятно, на Гуждоръ. Напившись чаю, мы всей компаніей отправились на празднѣе. Во всѣхъ избахъ, видимо, было пусто, лишь изрѣдка въ окна нѣкоторыхъ выглядывали дряхлые старики и старушки, которымъ силы уже не позволяли плестись на Гуждоръ. Въ деревнѣ царствовала тишина; только по временамъ нарушалъ эту тишь кашель старыхъ людей, сидящихъ у растворенныхъ оконъ. По деревнѣ мы шли не долго и чрезъ четверть часа были уже въ широкомъ полѣ, покрытомъ холмами. Гдѣ же Гуждоръ? спросилъ я своего спутника.—А вотъ на горѣ, сказалъ онъ, указывая пальцемъ на возвышенное мѣсто, гдѣ, какъ видно, росли елочки, верескъ и пихта, а на краю возвышалась видная ель со сложенной вѣтромъ вершиной. Дѣйствительно, взглянувши на указанное Назаромъ Васильевичемъ мѣсто, я увидѣлъ подъ елью

синій дымокъ, а около него—толпу пестраго народа. Дорожка, по которой мы шли, повернула прочь отъ Гуждора, потому мы свернули съ нея и направились къ Гуждору на прямикъ черезъ бархатистое зеленое поле озими, надъ которымъ щебеталъ жаворонокъ. Мы еще шли, а до насъ уже доходили унылые звуки пѣсни вотскаго попа. Когда мы наконецъ дошли до Гуждора, глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина: передъ елью, обратившись къ ней лицомъ, стоятъ два попа въ бѣлыхъ сукманахъ и въ бѣлыхъ же шляпахъ на подобіе татарскихъ; каждый изъ нихъ держитъ въ лѣвой рукѣ небольшой пихтовый сучекъ, а правой рукой поглаживаетъ бороду, взявши ее въ кулакъ, и читаетъ на распѣвъ свои вотскія молитвы, откашливаясь чрезъ каждыя 10—15 секундъ и кланяясь слегка ели. Передъ ними, у подножія ели, постлана бѣлая скатерть, а на ней лежатъ: блины, перепечи, лепешки, караваи хлѣба съ воткнутыми въ средину пихтовыми сучками; тутъ же стоятъ бураки съ какою-то жидкостью (вѣроятно съ пивомъ) и деревянное блюдо; шагахъ въ двухъ отъ поповъ стоитъ неподвижный столикъ, въ родѣ палатки изъ еловыхъ сучьевъ, положенныхъ на перекладины, которыя держатся на четырехъ колышкахъ, вбитыхъ въ землю; это трапеза для предложенія жертвенныхъ яствъ; у этого столика стоитъ низенькая скамейка съ сажень длиной; это бревно, котораго сучья служатъ ножками; неподалеку отъ скамейки надъ костромъ въ котлѣ варится жертвенное мясо утки. Попамъ подносятъ женщины и дѣвушки рюмки съ кумышкой и тѣ, взявши въ правыя руки рюмки, читаютъ надъ ними молитвы, подходятъ къ костру отливаютъ по нѣсколько капель этой кумышки на огонь, тоже что-то бормоча про себя; имъ опять доливаютъ, а они выпиваютъ, оставляя нѣсколько капель на днѣ; эти остатки вливаютъ обратно въ бутылку. Къ нимъ подходятъ мужчины и даютъ денегъ, кто копѣйку, кто двѣ и т. д., деньги попы принимаютъ на правый рукавъ сукмана, цѣлуютъ ихъ и кладутъ въ деревянную чашку, которая стоитъ на скатерти подъ елью; потомъ говорятъ дающимъ: а тау, тужъ тау! тырѣсь медъ людѣзъ уксеэдъ (ну, спасибо, большое спасибо! пусть будетъ много денегъ у тебя). Послѣ этого опять подносятъ имъ рюмки съ кумышкой; а они, взявши рюмки, говорятъ давшимъ денегъ: а сябасъ (ну, будь здоровъ) и обернувшись лицомъ къ елѣ, кланяются опять, читая на распѣвъ свои молитвы;

въ это время женщины и дѣвушки подносятъ жертвователямъ за здравныя рюмки. Черезъ нѣсколько минутъ попы даютъ имъ частички крупяныхъ лепешекъ; взявши эти частички, тѣ держатъ ихъ въ рукахъ, пока помы не кончатъ объ нихъ молитвы; а когда кончатъ, опять выпьютъ по рюмкѣ кумышки и говорятъ имъ: сябась! только послѣ этого жертвователи ѣдятъ частички лепешекъ и пьютъ кумышку отъ каждой дѣвки и женщины; затѣмъ подходятъ другіе, третьи и т. д. и во все время предъ попами стоятъ женщины или дѣвушки по очереди съ кумышкой. Чтобы понять нѣсколько словъ попа, я подошелъ къ костру и сталъ у него. Вдругъ подходитъ ко мнѣ низенькій вотячекъ съ трубкой во рту и, не вынимая трубки, говоритъ: клади деньги! даромъ не пей кумышку! Но денегъ я при себѣ не имѣлъ, надо было занять у когонибудь; въ счастью, тутъ же рядомъ со мною стоялъ знакомый вотякъ; я занялъ у него десять копѣекъ, и подошедши къ елкѣ, бросилъ на скатерть два пятака и отошелъ... Кто-то изъ стоящихъ замѣтилъ мнѣ: «не ладно даешь, надо дать попу на руки»; другой же, рядомъ съ нимъ, на это сказалъ опять: «ладно, все равно, онъ вѣдь не знаетъ». Пожертвовавши въ дѣвичью кружку десять копѣекъ, я опять сталъ у костра. Не прошло и минуты времени, какъ я былъ окруженъ группою дѣвушекъ, подносящихъ мнѣ кумышку; дѣлать было нечего, надо было уважить ихъ,—я взялъ у одной, хлебнулъ... отдаю обратно, но она не принимаетъ, говоритъ: ю, ойдо ю (пей, пей-же); за ней подходитъ другая, третья, четвертая и т. д., такъ что въ теченіи минуты я отвѣдалъ понемногу отъ пятнадцати дѣвушекъ. Когда дѣвушки съ бутылками отошли, я все вниманіе обратилъ на поповъ, стоящихъ подъ елью. Одинъ изъ нихъ уже довольно нагрузился кумышковой; другой попъ былъ еще въ силахъ владѣть собой, и я понялъ у него слѣдующія слова: пудбѣнъ животѣнъ, ю энъ нянѣнъ тыръ медъ лудсны! «скотиной животикой, житомъ, хлѣбомъ были бы довольны». Теперь посмотримъ что дѣлается въ сторонѣ: ближе къ попамъ мужики, раздѣлившіеся на группы; въ каждой группѣ чѣмънибудь да заняты: кто сидитъ и рассказываетъ сказки, кто стоитъ и слушаетъ рассказывающихъ, кто борется, кто курить трубки. Подальше отъ поповъ играютъ и поютъ хороводными пѣсни дѣвушки, одѣтыя въ свои лучшіе наряды; а недалеко отъ нихъ стоятъ старухи, смотря на нихъ и

слушая ихъ пѣсни—импровизаціи въ родѣ: ой дой шуомы, аламе гинэнэ! Задній планъ вышитъ молодыми парнями и мальчишками: имъ бросаютъ «на драку» крендели и деньги. Насмотрѣвшись на эту кутерьму, я отошелъ въ сторону и сѣлъ къ сидѣвшему тамъ, повидимому, русскому мужику.

— Вотъ мыши что дѣлаютъ! сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ.

— Зачѣмъ мыши? возразилъ я.

— А посмотри: кому кланяются?—елеѣ.

Моленіе, видимо, приходило къ концу. Попы уже не бормотали своихъ молитвъ, а можетъ и не кланялись ели. Въ это время одинъ изъ стоящихъ съ ними мужиковъ, вѣроятно ихъ помощникъ, взялъ со скатерти чашку, вынулъ изъ котла мясо утки и, положивъ въ чашку, поставилъ на столъ. Тогда попу собралъ со скатерти блины лепешки, короваи хлѣба, положилъ все это на столъ и искрошилъ мясо; мужчины начали обѣдать, не снимая шляпъ; тутъ же сѣлъ и Назаръ Васильевичъ. Отвѣдавъ мяса, всякій благодарилъ поповъ и отходилъ въ сторону. Я спросилъ у одного вояка: «зачѣмъ утку ѣдятъ только мужики? «У насъ обычай такой», отвѣтилъ онъ,— «тутъ ни у дѣвокъ, ни у бабъ дѣла нѣтъ; колятъ утку, чистятъ, стряпаютъ, потчуютъ мужиковъ—одни попы». «А когда съѣдятъ утку, что тогда будутъ дѣлать?» спросилъ я опять.—«Тогда уйдутъ домой», сказалъ онъ,—«попы съ дѣвками, мужики съ мужиками, а бабы съ бабами. Дѣвки непременно должны проводить поповъ до дому, а ничуть не оставлять».

Въ третій день Гырнѣ-потона совершается обрядъ благодаренія за начало лѣта подъ названіемъ *Тау-кароуэ*. Этотъ обрядъ тѣсно связанъ съ Гуждоромъ, бывшимъ маканунѣ, поэтому попами служатъ тѣже, которые были на Гуждорѣ. Дѣвушки, бывшія на Гуждорѣ, собираются съ кумышкой у одного изъ поповъ, который старше прочихъ лѣтами; туда же приглашаются и прочіе попы, если ихъ нѣсколько человѣкъ. Угостивши поповъ кумышкой, дѣвушки приглашаютъ ихъ съ собой въ другіе дома. Если который нибудь изъ поповъ еще не доволенъ угощеніемъ дѣвушекъ, то говоритъ имъ, почесывая затылокъ: «имръ висе, гыдыскы!» (голова болить, милоу!) и дѣвушки опять угощаютъ того попа кумышкой; изъ за него достается угощеніе и прочимъ. Затѣмъ выходятъ изъ избы и идутъ на конецъ деревни съ пѣснями; попы обыкновенно

идутъ впереди дѣвушекъ. Зашедши въ избу, поны не снимая шапокъ, садятся за столъ, на которомъ лежитъ положенный заранѣе цѣлый коровай хлѣба. Жена хозяина или снохи его чрезъ нѣсколько времени, когда соберется довольное число гостей изъ другихъ домовъ, накрываютъ столъ разномъ стряпней; потомъ тѣ же хозяйскія женщины подносятъ понамъ по рюмѣ кумышки. Поны, взявши рюмки въ правыя руки, а лѣвыми поглаживая свои клинообразныя бородки, взявши ихъ въ кулаки, читаютъ на распѣвъ свои молитвы—импровизаціи, между которыми заключаются такіа слова: «Оста, Инмарѣ—Калдысинѣ, Утымсѣ-Вордысѣ! Ачидъ калыктѣ возма; ю-нѣнъ дзыбѣтъ медъ потѣзъ,—медъ людзъ куамынъ куроенъ, дастъ-кыкѣ ѣзенъ, авесъ шененъ зарнѣ тысячъ. Оста-исыкѣ Инмарѣ! Сябасъ, бускельсѣ! сябасъ!» (благослови, Господь—Вседержитель, Хранитель—Питатель! Самъ людей своихъ храни; пусть хлѣбъ растетъ хорошо;—было бы на одномъ корешѣ тридцать стебельковъ, каждый стебелекъ въ двѣнадцать колѣнъ; колосокъ былъ бы серебряный, зерно-золотое. Ну такъ благослови, Господи! Будьте здоровы, сосѣди! будьте здоровы!). Во время молитвы поповъ дѣвушки поютъ пѣсни, угощаютъ кумышкой и прочихъ мужиковъ но только старшихъ, въ виду того, что бутылки кумышки не хватитъ на всѣхъ. Хозяйскія же женщины обязаны угощать всѣхъ вообще. Предъ окончаніемъ молитвы одинъ изъ поповъ отрѣзываетъ отъ коровай горбушку и дѣлитъ между всѣми, находящимися въ избѣ въ знакъ мира и согласія. Окончивши молитву, поны приглашаютъ дѣвушекъ садиться за столъ. Отобѣдавши, они выходятъ, а послѣ нихъ садятся другіе. Затѣмъ идутъ въ другіе дома.

Послѣ пашни, оканчивающейся посѣвомъ льна, слѣдуетъ жертвоприношеніе въ шалашѣ Быдзимъ-куамъ подъ названіемъ *Туамсъ куалипыронтъ* (весенній входъ въ куладу). Собравшись всей деревней мужчины и женщины, выбираютъ изъ среды мужиковъ двухъ *парчасевъ* *) и двухъ поповъ. Первые колютъ приведенныхъ животныхъ: одного барана да одну овцу (а въ нѣкоторыхъ деревняхъ гуса да

---

*) Парчасъ—помощникъ попа; должность его—зарѣзать животныхъ и варить. Вообще, на немъ лежитъ обязанность приготоленія обѣда. *Аст.*

утку), потрошатъ ихъ и, и зрѣвши въ куски, варятъ въ особыхъ котлахъ; другіе же, т. е. попы, взявши въ лѣвныя руки по древесной вѣткѣ, становятся въ передній уголъ, лицомъ къ иконѣ, за которой находится коробка съ монетой, означающей символъ бога Ину. Передъ попами на столики или на скамейки, накрытой скатертью, лежатъ яичные блины, короваи хлѣба и проч. Тутъ же стоитъ и коробка *мушъ куды*, предназначенная для кумышекъ изъ всѣхъ бутылокъ. Женщины непрерывно подносятъ попамъ рюмки съ кумышкой и попы, взявши таковыя въ руки, читаютъ свои молитвы, содержаніе которыхъ уже извѣстно изъ Тау карона; но здѣсь просятъ, между прочимъ, и о томъ, чтобы семейства сосѣдей во время страды были здоровы; работали бы съ охотой, прилежаніемъ. По истеченіи примѣрно двухъ минутъ попы отливаютъ по нѣскольکو капель отъ каждой женщины въ коробку мушъ-куды, а остальную допиваютъ сами; потомъ даютъ мужчинамъ по частичкѣ яичнаго блина въ знакъ молитвы за семейства ихъ и частички эти принявшими съѣдаются, а нѣкоторые предъ принятіемъ ихъ говорятъ: «Я исхѣ остѣ, Инмаре!» (ну такъ благослови, Господи!). По окончаніи молитвы попы садятся за столъ и приглашаютъ сѣсть прочихъ. Кумышку изъ коробки мушъ-куды попы выпиваютъ сами, оставляя на днѣ только нѣсколько капель. Во время яденія жертвы соблюдается тишина. По понятіямъ ихъ самихъ, тишина при аденіи жертвы отзывается на страдномъ времени т. е. если при этомъ соблюдалась тишина, лѣто будетъ тихое, и, наоборотъ, если при яденіи шумѣли—лѣто будетъ бурливое. Обглоданныя попами кости зарываются ими же въ землю, а прочими бросаются въ огонь. По окончаніи жертвоприношенія, собравшись домой, попы закрываютъ лица руками и, поклонившись слегка куалѣ, говорятъ: «остѣ, Кылдысинэ! дзѣбѣч утѣ—ворды» (благослови, Кылдысинэ! Храни, питай). Это же дѣлаютъ и прочіе мужчины.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Тулысъ куала пырома приносится жертва подѣ названіемъ *Самзынды* (общіе жертвы, которую приносятъ уже осенью). Для исполненія этого жертвоприношенія собираются въ полѣ одни мужики—домохозяева. Мѣстомъ для жертвоприношенія служитъ давно избранное для этого мѣсто подѣ елью. Приводятъ туда купленнаго на собранныя деньги барана и избираютъ изъ своей среды одного парчаса и одного попа. Кладутъ подѣ

елью костеръ, зажигаютъ его и устраиваютъ неподвижные столики, скамейки и проч. Между тѣмъ, какъ парчасъ исполняетъ свои обязанности, пощъ дѣлаетъ изъ древесной коры коробку мушъ-куды, устраиваетъ на ели полочку и ставитъ на нее коробку. Подъ дерево стелать скатерть и кладутъ на нее корованъ—хлѣба, блины, бутылки съ кумышкой и проч. Вотъ и костеръ запылалъ; надъ нимъ на перекладинѣ виситъ котелъ съ изрѣзанными кусками мяса. Пошъ беретъ въ лѣвую руку еловую вѣтку и встаетъ, не снимая шапки, подъ ель, обернувшись къ ней лицомъ. Мужикъ подноситъ ему рюмку съ кумышкой и онъ, отливши нѣсколько капель въ коробку мушъ-куды, читаетъ свои молитвы, подобные молитвамъ на Тау-каронѣ, но здѣсь прибавляетъ нѣсколько словъ о томъ, чтобы деревня съ живущими въ ней избавилась отъ всякаго несчастія, отъ шайтана и прочихъ духовъ зла; потомъ, сказавши протяжно: «я, сябасъ, бускельёсы!» (ну, будьте здоровы сосѣди!), остальную кумышку допиваетъ самъ и даетъ угостившему кумышкой мужику частичку блина. Затѣмъ подходятъ другіе, третьи и т. д. Когда сварится жертва, парчасъ отрѣзываетъ отъ грудины небольшой кусокъ, беретъ ложку и, почерпнувъ въ нее бульёну, подаетъ вмѣстѣ съ кускомъ попу. Принявши это, пошъ съѣдаетъ и садится за столъ, приглашая садиться и прочихъ. Во время ѣды соблюдается тишина. Пошъ обглоданныя имъ кости зарываетъ въ землю, а прочіе бросаетъ въ огонь.

Уходя съ мѣста жертвоприношенія, пошъ въ послѣдній разъ, закрывъ лицо руками, кланяется ели, говоря: «остъ иськѣ Кылды—синэ! дзѣчъ уть—ворды» (ну такъ благослови, Кылдысинэ! храни, питай). Его примѣру слѣдуютъ и прочіе. Такіе поклоны напоминаютъ поклоны Магометанъ, и должно замѣтить, что во время жертвоприношенія крестное знаменіе вовсе неупотребительно; хотя въ молитвахъ изрѣдка и поминаютъ Бога, но обряды—чисто языческіе. По отзывамъ самихъ поповъ, каждая молитва требуетъ жертвоприношенія, и чѣмъ больше съѣдается жертвы и выпивается кумышки, тѣмъ пріятнѣе воображаемымъ божествамъ молитва. Впрочемъ, есть молитвы и безъ жертвы, которую замѣняетъ личный блинъ и кумышка, но такія молитвы значенія жертвоприношеній не имѣютъ, а служатъ только какъ бы памятованіемъ о божествахъ въ предотвращеніе гнѣва за забытіе. Будь у нихъ много свободного вре-

мени и больше состоянія, они по дѣтамъ сѣдали бы по нѣскольку десятковъ скота. Болѣзнь ли на людяхъ или на скотѣ, начало ли или конецъ полевыхъ работамъ—требуется жертвоприношеніе, и это жертвоприношеніе не можетъ быть и не бываетъ безъ аичнаго блина и кумышка; блинъ и кумышка—необходимыя принадлежности жертвоприношеній. Придавая жертвоприношеніямъ спасительную силу, во время скотскихъ падежей сѣдаютъ по нѣскольку головъ скота. Такъ напримѣръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1885 года вотяки деревни Кывы Сосновскаго прихода, по случаю скотскаго падежа, по словамъ одного изъ жителей этой деревни, сѣли мяса на 50 рублей.

Тулыс-сур—весеннее пиво. Праздникъ этотъ бываетъ послѣ весеннихъ посѣвовъ и исправленія полевыхъ изгородей. Предъ праздникомъ выбираютъ двухъ-трехъ человѣкъ сборщиковъ для сбора денегъ съ каждой наличной души мужскаго пола, или вмѣсто денегъ—муки, которую потомъ и продаютъ; если собираютъ муку, то ходятъ сборщики по домамъ съ мѣшками и безмѣнами, на которыхъ и вѣсятъ муку, сколько положено обществомъ собрать на праздникъ. На собранныя или вырученныя за собранную муку деньги покупаютъ для жертвы животныхъ, которыхъ и колютъ на мѣстѣ моельни. Женщины пекутъ блины, лепешки, перепечи и проч., стряпню эту кладутъ въ лукошко или въ пестерь и отправляются на мѣсто моельни съ ребятешками, которые, если могутъ, несутъ бураки съ пивомъ, а дѣвушки берутъ бутылки съ кумышкой; мужчины же уводятъ или увозятъ купленныхъ животныхъ: овцу черную или сѣрую, чернаго быка, — въ жертву Инмару, гуся — въ жертву Инву; кромѣ этихъ животныхъ колютъ еще утку — въ жертву умершимъ старикамъ. Пришедши на мѣсто моельни, мужчины кладутъ костеръ, колютъ животныхъ, потрошатъ ихъ, кладутъ мясо въ котлы и варятъ съ крупой и солью. Попъ беретъ въ лѣвую руку сучекъ и молится въ шалѣ, обратившись лицомъ къ елкѣ, а если въ шалапѣ, то къ углу; передъ нимъ на полу или на столѣ вся бабья стряпня: перепечи, блины, лепешки, короваи хлѣба; женщины потчуютъ попа кумышкой, какъ и на Гуждорѣ, съ пѣснями, чтобы было весело. Попъ въ молитвѣ говорить: «Господи благослови! Вотъ мы теперь обѣялись, кончили папню, исправили, какъ слѣдуетъ, изгороди,—старый хлѣбъ сѣдаемъ, оканчиваемъ,—пусть новый родится хорошо. Дай, Господи,

дожда, хорошую погоду! избави отъ червя, града, засухи! Жили бы мы богато, счастливо, весело; пили, ѣли бы съ сосѣдами такъ же, какъ и теперь»... Поминная уѣршихъ стариковъ, говорятъ: «не сердитесь на насъ, старики! ничего противъ нашего желанія не дѣлайте». Другіе, сидящіе въ сторонѣ, ведутъ между собой разговоры, курятъ трубки, а молодежь играетъ, не обращая вниманія на взрослыхъ. Жѣнщины постоянно потчуютъ кумышкой, говорятъ, юя! (пей, ну пей!) Когда сварится жертвенное мясо, вынимаютъ его въ чаши и попъ беретъ по небольшой частичкѣ отъ сердца, печени и легкихъ каждаго и бросаетъ на огонь, говоря: тыльяскъ пельяскъ! (очищаю посредствомъ огня и дуновенія). Затѣмъ начинаютъ всѣ ѣсть. Что останется—несутъ домой и тамъ доѣдаютъ, давая и тѣмъ, кто не былъ на молебнѣ; кости животныхъ бросаютъ въ огонь чтобы не нашла собака или лѣсной звѣрь и хищная птица. Пируютъ три-четыре дня, расхаживая по улицамъ деревни группами, мужики съ мужиками, бабы съ бабами, а молодые съ молодыми; заходятъ въ избы, гдѣ ихъ угощаютъ кумышкой и пивомъ. Ребятишки на улицахъ играютъ въ городки и бабки, а парни около двадцати лѣтъ трутся около дѣвушекъ или играютъ въ карты, собравшись въ избы.

Третій праздникъ — *Бусы вась* (напольная жертва). Это тоже, что и Тулысь-сурь; но подъ словомъ Тулысь-сурь должно разумѣть вообще деревенскую пирушку, сопряженную съ жертвоприношеніемъ въ полѣ. Бусы вась же собственно значить только напольное жертвоприношеніе. Это жертвоприношеніе во многихъ селеніяхъ совершается по-своему, а причиной этому—племенная разница вотяковъ, которые, какъ и русскіе, раздѣляются на разные племена, и каждому племени съ давнихъ временъ присвоено особое названіе; такъ напримѣръ въ Сосновскомъ краѣ, по отзывамъ самихъ жителей, есть нѣсколько племенъ и племена эти имѣютъ такіа названія: бэня, пупъя, пургя, ворча, венья и проч. У каждаго племени божество Воршудъ особое; поэтому каждое племя въ молитвахъ обращается къ божеству своего племени. Нѣкоторые племена, говорятъ, размножаются быстро, а нѣкоторые могутъ произвести только опредѣленное число; если же приростъ перейдетъ извѣстное число, племя начинаетъ вымирать. Такимъ образомъ, народъ такого племени не можетъ размножиться никогда.

И такъ, опишемъ это напольное жертвоприношеніе, которое отправ-

ляется съ большимъ торжествомъ. Старый и малый обоого пола собираются въ полѣ подъ священной старой елью; гдѣ прежде отправлялись такіа жертвоприношенія съ основаніи деревни. Приводятъ туда двухъ жеребятъ, двухъ телятъ и двухъ барановъ и поручаютъ ихъ четверемъ выбраннымъ парчасямъ. Между тѣмъ какъ парчасы колютъ и потрошатъ животныхъ, другіе устраиваютъ на колышкахъ неподвижные столики и скамейки, кладутъ костры. Женщины кладутъ подъ ель короваи хлѣба съ воткнутыми въ средину ихъ древесными вѣтками, яичные блины, перенечи и проч. Попы дѣлаютъ три берестяныхъ коробки мушъ-куды и ставятъ ихъ на прибитые къ дереву гвозди. Вотъ костры запылали, — мясо въ котлахъ варится. Попы берутъ въ лѣвыя руки по древесной вѣткѣ и, не снимая шапокъ, становятся предъ елью, обратившись къ ней лицомъ. Началась молитва. Со всѣхъ сторонъ подходятъ къ нимъ съ бутылками женщины и угощаютъ ихъ. Взявши рюмки въ руки, попы нѣсколько капель отливаютъ въ коробки мушъ-куды, а остальную выпиваютъ сами; затѣмъ опять читаютъ нараспѣвъ свои молитвы, напоминаящія унылые звуки монотонной пѣсни татарскаго муллы. Пѣсня попа въ переводѣ на русскій языкъ приблизительно такова: «Благослови, Господи, Хранитель-Питатель! Самъ своихъ людей храни, питай; избавь отъ всякаго зла, несчастія, бѣдствія. Вотъ мы теперь обѣялись, исправили изгороди; старый хлѣбъ съѣдаемъ, пусть новый уродится хорошо. Что Тебѣ приносимъ въ жертву, пусть то будетъ пріятно. Хлѣбъ бы былъ съ тридцатью стебельками на одномъ корнѣ, съ двѣнадцатю-колѣнной соломой, съ серебрянымъ колоскомъ, съ золотымъ зерномъ; могли бы по нови бѣгать векша, рябчикъ... Дай, Господи, дождя, хорошую погоду; избави нивы отъ града, червя, ржавчины и проч. Жили бы мы весело, богато, мирно, согласно; были бы довольны хлѣбомъ, скотиной, дѣтьми. Благослови, Господи, благослови!» Окончивши молитву, предъ поднесеніемъ кумышки, обращаются ко всѣмъ участвующимъ въ празднествѣ, говоря: «ну, будьте здоровы, сосѣди со всѣми домочадцами!» Молитва попа часто прерывается подходящими къ нему мужиками, которые даютъ имъ денегъ—кто копѣйку, кто двѣ и т. д. Принимая короваи хлѣба и зашедши въ избу отдаетъ женѣ новаго десятиника. Старый и новый десятиникъ садятся за столъ и новый молится о благополучномъ отправленіи должности.

деньги на правый рукавъ платя, попъ благодарить дающаго и бросаетъ монету въ чашку, которая стоитъ у ногъ его на скатерти. Тѣмъ, которые жертвуютъ денегъ, попъ даетъ по частичкѣ блина, которыя принявшими и сѣѣдаются благословясь. Деньги идутъ въ пользу тѣхъ, кто отдалъ животныхъ на жертву. Во время молитвы женщины поютъ пѣсни, не имѣющія никакого значенія; другія ведутъ между собой разговоры или угощаютъ прочихъ мужиковъ кумышкой; въ сторонѣ отъ поповъ и взрослыхъ играютъ ребятишки и дѣвченки. Когда сварится мясо, парчасы отрѣзываютъ отъ грудины каждаго животнаго по кусочку, берутъ по ложкѣ и, почерпнувши бульону, даютъ попамъ; а попы, отливая, по нѣскольку капель на огонь, говорятъ: «тылъ яськѣ, пельяськѣ» (очищая посредствомъ огня и дуновенія); а предъ принятіемъ мяса говорятъ: «ѡстѣ Инмарѣ-Кылдысинѣ!» (благослови Инмаръ-Кылдысинъ!) Затѣмъ попы садятся за столъ, приглашая сѣсть и прочихъ. Пѣсни смолкли — и всякъ старается занять мѣсто удобнѣе для себя. Мужчины садятся съ мужчинами, женщины — съ женщинами. Вынувши изъ котловъ мясо, парчасы сыплютъ въ бульонъ крупы столько, чтобы изъ этой крупы и бульону сдѣлалась каша. Изъ коробовъ мушъ куды кумышку пьютъ попы съ парчасами и самыя коробки съ нѣсколькими каплями кумышки оставляютъ на гвоздяхъ, прибитыхъ къ ели. Послѣ мяса ѣдятъ кашу. Обглоданныя попами кости зарываются въ землю, а другими бросаются въ огонь. Оставляя мѣсто молебни, попы и мужики въ послѣдній разъ говорятъ, поклонившись слегка ели: «ѡстѣ иськѣ, Кылдысинѣ! дзыечъ уть-вѣрды».

Такъ какъ праздникъ Тулысь суръ продолжается не менѣе четырехъ дней, то нѣкоторыя деревни жертву приносятъ въ каждый изъ четырехъ дней отдѣльно по божествамъ; напримѣръ, въ Шарканскомъ приходѣ, по отзыву крестьянина Павла Михайлова, въ *первый* день приносится жертва въ Быдзимъ куалѣ божеству *Инау*; въ тотъ же день еще приносится въ *Лудъ кенѣръ* Нюлэсъ мурту, чтобы не было сильныхъ вѣтровъ; во *второй* день приносится въ полѣ *Инмару* и *Гудырѣ муму*, чтобы не было граду; въ *третій* день приносится опять Нюлэсъ мурту и въ *четвертый* день — *Инмаръ-Кылдысину*.

На другой день Бусы вся отправляется *Тау-карднз* (благода-

ренъе) такимъ же образомъ, какъ отправлялось на другой день Гуждора.

Кромѣ этихъ жертвоприношеній ходять всей деревней мужики и бабы съ блинами и кумышвой въ шалашъ Быдзизь-куаль въ слѣдующіе дни: въ *Петровъ день*, *при началѣ страды*. Обряды такіе же, какіе соблюдаются въ другихъ случаяхъ.

Геръ-беръ—Петровка (29 іюня). Праздникъ этотъ продолжается четыре дня. Такъ какъ свадьбы у вотяковъ преимущественно бывають въ этотъ праздникъ, то отправляютъ его весело и шумно. Мужики и бабы ходять изъ избы въ избу, пьютъ кумышку и пиво; молодые парни и дѣвушки ходять на рѣву купаться, гулять; мальчишки на улицахъ играютъ въ бабки, городки и мячики. Пьютъ и ѣдятъ въ шалашахъ, гдѣ хозяева молятся Воршуду, прося у него счастья и мирной жизни; попомъ бываетъ самъ хозяинъ, которому во все время моленія женщины подносятъ кумышку, съ пѣснями, чтобы было весело. Пропировавши дня четыре-пять, въ шестой вяжутъ вѣнки, а вечеромъ выходятъ на сѣнокосъ — кладутъ начало полевой страдѣ. Когда во время праздника вотяковъ стоитъ хорошая погода, тогда русскіе косятъ траву и убираютъ сѣно въ скирды заблаговременно, а какъ только начнутъ косить вотяки — пойдутъ дожди и сѣно вотяковъ гниетъ подъ дождемъ.

Первый зимній праздникъ *Толъ-суръ*—зимнее пиво. Этотъ праздникъ продолжается съ Рождества Христова до Нового года. Днемъ взрослые (мужчины и женщины) ходять группами изъ избы въ избу, пьютъ кумышку, пиво, а гдѣ и обѣдаютъ, если случится при нихъ обѣдъ съ гостями. Въ избахъ въ это время стоитъ табачный дымъ, запахъ кумышки и молосныхъ щей, каковыя варятся у нихъ, во время праздника, съ утра до вечера въ котлахъ надъ горячими угольями горна. Женщины, составляя свое общество, сидятъ въ углу у печи и потчуютъ другъ друга кумышкой, пивомъ и варенымъ коноплянымъ сѣменемъ; мужчины сидятъ около стола въ шапкахъ или стоятъ съ трубками во рту, покачиваемые слегка кумышкой; имъ подносятъ рюмки съ кумышвой по двѣ и по три; говорятъ они, благодарятъ хозяевъ и опять идутъ въ другую избу за такимъ же угощеніемъ. Дѣвушки, раздѣлившись на группы, ходять обнявшись изъ избы въ избу и угощаютъ другъ друга пи-

вотъ, а гдѣ и кумышкой. Холостые парни трутся около дѣвушекъ, уговариваютъ ихъ приниками, или, собравшись въ одну избу, проводятъ время въ картежной игрѣ на деньги, а мальчишки отъ 10 до 12 лѣтъ играютъ въ лодыжки, бѣгаютъ изъ избы въ избу или ходятъ тоже за дѣвушками вмѣстѣ съ совершеннолѣтними парнями; маленькія дѣвочки играютъ въ куклы (по вотски мынѣ).

По ночамъ взрослые изъ избы не ходятъ; зато парни и дѣвушки главнымъ образомъ играютъ по ночамъ. Какъ только зажгутся огни во всѣхъ избахъ, всѣ дѣвушки собираются въ одну избу гдѣ нибудь въ концѣ селенія, туда же идутъ и холостые парни, а кто музыкантъ—несетъ свою музыку—балалайку, гармонику, кречъ (гусли о 14 струнахъ). Какъ только соберутся всѣ, начинается шумъ, говоръ, смѣхъ, пляски, пѣсни и музыка; когда одинъ изъ лучшихъ игроковъ закричитъ на шумящихъ мальчишекъ: «энъ мѣдѣ! зъйбыть» (не играйте! смирно), водворяется тишина, всѣ садятся на лавки и игрокъ начинаетъ играть на своемъ инструментѣ плавную игру въ родѣ «барыни», дѣвушки выходятъ плясать на средину избы и пляшутъ, ходя зигзагами другъ противъ друга, причѣмъ похлопываютъ въ ладоши. Другаго рода плясокъ у нихъ нѣтъ. Съ дѣвушками иногда пляшутъ и парни, когда послѣднихъ пригласятъ сами дѣвушки; другіе или смотрятъ на пляшущихъ, или любезничаютъ гдѣ нибудь въ углу или въ сѣняхъ, а мальчишки играютъ въ лодыжки. Поигравши съ полчаса или больше, идутъ съ пѣснями въ другую избу, обнявшись парни съ дѣвушками, но заходятъ только въ тѣ избы, гдѣ есть взрослая молодежь; когда обойдутъ всѣ дома, дѣвушки расходятся по своимъ домамъ, до которыхъ провожаютъ ихъ парни. Эту ночную игру называютъ: уйбыть ветловъ, уйбыть юонъ (ночное хожденіе, ночная пирушка).

Второй зимній праздникъ *Вэй маслѣнцѣ*, т. е. масленица, начинается обыкновенно съ четверга и продолжается до чистаго понедѣльника. Во время этой пирушки ходятъ группами изъ избы въ избу, ѣздятъ по гостямъ, катаются на саняхъ по улицамъ; ребяташки катаются съ горъ на салазкахъ и корытахъ, полныхъ снизу водой; а въ нѣкоторыхъ деревняхъ на горахъ устраиваютъ шесты, на подобіе рельсовъ желѣзныхъ дорогъ; шесты эти кладутъ на полѣнья въ разстояніи одинъ отъ другаго одного аршина и соединяютъ посредствомъ зарубокъ; внизу, на одномъ концѣ ихъ

*

стелютъ, или просто бросаютъ соломѣ, для того, чтобы катающіеся не могли ушибиться въ случаѣ паденія; а чтобы шесты были гладки поутрамъ поливаютъ ихъ водой. Катанье производится только по вечерамъ и утрамъ слѣдующимъ образомъ: два человѣка (обыкновенно парень съ дѣвушкой) становятся на верхніе концы этихъ шестовъ одинъ противъ другаго и взявши другъ друга за руки, катятся внизъ. Взрослые мужчины и бабы ходятъ изъ избы въ избу пить кумышку.

Третій праздникъ *Будэйма мундла*—Великій день, т. е. Пасха. Въ этотъ праздникъ пируютъ три дня. Наканунъ праздника, вечеромъ, идутъ въ село; переодѣвшись на квартирѣ у духовныхъ, молодежь собирается въ церковь слушать чтеніе дѣяній апостольскихъ, хотя и не понимаетъ буквально ничего. Лавки у мелкихъ торговцевъ не запираются на Пасху всю ночь и бываютъ наполнены молодымъ народомъ, парнями и дѣвушками; первые угощаютъ послѣднихъ пряниками и конфетами. Послѣ обѣдни группы лицъ обоюго пола гуляютъ по улицамъ, ходятъ изъ избы въ избу пить кумышку, пиво; молодые парни звонятъ на колокольнѣ. Мужчины привѣтствуютъ другъ друга словами: Крепостъ воскресе (Христосъ воскресе) и цѣлуются другъ съ другомъ, снявши шапки, троекратно; женщины же не имѣютъ обыкновенія привѣтствовать другъ друга и цѣловаться, считая это за стыдъ. Мальчишки ходятъ по духовнымъ, прося яицъ на праздникъ.

Кромѣ этихъ восьми праздниковъ отправляютъ пирушки по одному дню и въ слѣдующіе праздники: въ Новый годъ, въ Крещеніе, въ Троицынъ день, въ Спасовъ день; а гдѣ есть часовни или церкви, посвященныя имени какого либо святого, пируютъ по три и по четыре дня.

Жертаа Илмару приносится въ случаѣ засухи. Съ этою цѣлью собираются нѣсколько селеній на край поля, если нѣтъ шалаша; колютъ одного бычка, одну телку, утку, двухъ гусей и двухъ жеребятъ. Попъ дѣлаетъ три небольшія берестяныя коробочки, кладетъ ихъ подъ елку и, взявъ въ лѣвую руку сучекъ, молится въ шапкѣ, обратившись лицомъ къ елѣ; женщины подносятъ ему рюмки съ кумышкой и онъ, отливши по нѣскольке капель отъ каждой женщины въ коробочки, остальную выпиваетъ самъ; угостивши сначала попа, женщины потчуютъ кумышкой прочихъ мужиковъ;

другіе между тѣмъ варятъ мясо животныхъ въ особыхъ котлахъ. Первую струйку крови каждого животного попь цѣдятъ въ ложку и льютъ на огонь. Во время молитвы онъ даетъ каждому мужику по частичкѣ блина, въ знакъ того, что молится за всѣхъ. Когда сварится мясо, попь беретъ по частичкѣ отъ печени и сердца каждого животного и бросаетъ въ огонь, говоря: тылъ ясьео, пельясьео, и затѣмъ начинается обѣдъ. Коробочки съ кумышкой оставляются на суку елки. Жертвоприношеніе это продолжается иногда три дня и каждый день сѣдають по нѣскольку штукъ вышеозначенныхъ животныхъ.

Жертва Нюлэс Мурту. Этому богу приносятъ жертву два раза въ годъ весной и осенью. Опишемъ вкратцѣ весеннее жертвоприношеніе. Избравши изъ своей среды попа, идуть съ женщинами въ лѣсъ, кладутъ костеръ, колютъ сѣраго барана и сѣраго гуся. Попъ дѣлаетъ коробочки и, взявши въ лѣвую руку сучекъ, молится въ шапкѣ, обратившись лицомъ къ елкѣ; а другіе варятъ мясо заколотыхъ животныхъ въ особыхъ котлахъ. Женщины всю стряпню кладутъ къ ногамъ попа подѣ елку и потчуютъ его кумышкой; отъ каждой женщины попь по нѣскольку капель отливаетъ въ коробочки, а остальную кумышку допиваетъ самъ; угостивши попа, женщины потчуютъ кумышкой прочихъ мужчинъ. Въ молитвѣ попь просить, чтобы лѣтомъ не было сильныхъ вѣтровъ. Послѣ обѣда кости бросаютъ въ огонь и попь дѣлаетъ на сучьяхъ елки полочку, кладетъ туда перья гуся и ставитъ коробки съ кумышкой. Это—общее жертвоприношеніе; такое же жертвоприношеніе бываетъ и осенью, когда просятъ у Нюлэс Мурта зайцевъ, бѣлокъ, рябчиковъ и проч., но бываютъ и частныя жертвоприношенія, когда приносятъ жертву Нюлэс Мурту охотники, прося звѣрей и птицъ.

Жертва Керемету. Ему приносятъ жертву три раза въ годъ: весной послѣ пашни, около Пѣтрова дня (29 іюня) и осенью послѣ страды. Обрядъ жертвоприношенія таковъ же, какъ прочіе обряды, но съ тѣмъ только различіемъ, что попь и прочіе стоятъ безъ шапокъ; адѣсь женщины не допускаются. Попъ молится на еловыхъ сучьяхъ съ еловымъ въ рукѣ сучкомъ и просить, чтобы участвующие въ жертвоприношеніи избавились отъ всякаго зла. Колютъ жеребенка, козу и утку и варятъ ихъ въ отдѣльныхъ котлахъ.

Жертва Черу. Этому богу светскихъ болѣзней приносятъ жертву только въ случаѣ болѣзней лошадей. Время жертвоприношенія избирають около 8 ноября, когда еще бываетъ немного снѣга. Выбравши изъ своей среды попа, надѣваютъ на худую, старую лошадь ветхую сбрую и запрягаютъ въ худыя сани; въ пестери кладутъ хлѣба, блиновъ и прочее, нужное для жертвоприношенія, берутъ котель и отправляются въ лѣсъ, гдѣ такое жертвоприношеніе обыкновенно уже прежде бывало. Приѣхавши на мѣсто, выпрягаютъ лошадь, колютъ ее и потрошатъ; между тѣмъ попъ беретъ въ лѣвую руку сучекъ и, обратившись лицомъ къ елѣ, молится, прося у Черы избавленія отъ болѣзней скота. Когда поспѣють щи, тогда искрошатъ мясо коня и ѣдятъ. Послѣ ѣды, втыкають между оглоблями саней, подъ елкой, четыре кола, нѣшаютъ на эти колья шкуру принесенной въ жертву лошади и оставляють на произволъ судьбы. Окончивши жертвоприношеніе, на которомъ могутъ присутствовать одни только мужики, домой идутъ цѣпшеомъ.

Жертва Шайтану. Ему приносятъ въ жертву черныхъ птицъ и утокъ только отдѣльныя семьи, въ случаѣ болѣзней кого либо изъ семейныхъ, по совѣту ворожцовъ.

Въ *первый день снѣжника*, по приходѣ съ луговъ, около четырехъ часовъ вечера, каждая семья ѣдетъ въ шалапѣ Воршудѣ, *заваривъ* съ масломъ. Это тоже своего рода жертва Воршуду, какъ покровителю семейства и виновнику счастья. До начала ѣды хозяинъ дома, принимая на себя роль жреца, обращается къ воображаемому божеству Воршуду съ просительной молитвой, стоя предъ стѣной, гдѣ находится короба съ монетой. Во время молитвы онъ держитъ въ рукѣ рюмку съ кумышкой, а по окончаніи таковой говоритъ своимъ домочадцамъ, во вслушаніе: «я, сейчасъ, динать ѣсъ!» (ну, будьте здоровы, ребята!)

Къ Воршуду, какъ особенно чтимому божеству, покровителю семейнаго счастья, хозяинъ дома обращается до *шестидесяти* разъ въ годъ, именно:

- 1) въ каждый *воскресный* день;
- 2) въ *Новый* годъ;
- 3) въ одинъ изъ дней *масляницы*;
- 4) утромъ до восхода солнца въ *великій Четвертокъ* и
- 5) въ *Пасху*.

По воскресеньямъ ходить съ тремя лепешками или табанями на деревянной тарелкѣ, а въ Новый годъ, Масляницу, Великій Четвертокъ и Пасху — съ блинами; въ Великій Четвертокъ въ блинамъ присовокупляется еще кумышка. По приходѣ изъ шалаша лепешки или блины ѣдятъ всѣ, такъ равно и кумышку пробуетъ каждый.

Осенью послѣ страды всей деревней совершается въ шалашѣ Быдзимъ-куалѣ жертвоприношеніе *Сизыль куала-пырднэ*. Въ жертву приносятъ тѣхъ животныхъ, которыхъ обѣщали на Сизыконѣ послѣ пашни. Въ молитвѣ просятъ счастія, мира, денегъ для исправнаго платежа податей. Обрядъ жертвоприношенія такой же, какъ и обряды при другихъ жертвоприношеніяхъ.

Чтобы не утомить читателя однообразнымъ содержаніемъ описаній обрядовъ жертвоприношеній, я буду стараться по возможности сокращать такіа описанія.

Ульчанумѣ вэсѣлэ (жертва на концѣ улицы или деревни). Жертва приносится осенью, преимущественно въ октябрѣ, въ предотвращеніе болѣзней людскихъ и скотскихъ; но кому приносится жертва—я, при всемъ своемъ стараніи, еще не могъ узнать, такъ какъ самое воображаемое божество, которому приносится жертва, стараются скрыть, тѣмъ менѣе объяснять что нибудь объ немъ. Самое жертвоприношеніе совершается въ концѣ деревни, ночью. Приносятся въ жертву черный баранъ или черная утка. При жертвоприношеніи участвуютъ мужчины и женщины, а гдѣ только мужчины.

Зегудэ вэлэ чезэ вэсѣлэ (жертва на озимѣ). Осенью послѣ всхода на поляхъ озимей, ночью, хозяинъ дома, взявши въ пестерѣ,*) хлѣба, блинъ, кумышки и живую утку, идетъ съ сыновьями въ поле; кладетъ тамъ небольшой костеръ, закалываетъ утку и варитъ ее въ принесенномъ котелкѣ. Во время варки жертвы становится на колѣни и молится, прося у воображаемаго божества хорошаго урожая въ полѣ.

Вукд-азѣ чезэ-вэсѣлэ (жертвоприношеніе предъ мельницей); это—случайное жертвоприношеніе по случаю прорыва плотины отъ напора воды. Запрудивши воду, пайщики идутъ на плотину съ хлѣбомъ, кумышкой и проч.; избираютъ изъ своей среды пона, ко-

*) Плетется изъ лыкъ сумка на подобіе солдатскаго ранца.

торый и закалывает принесенную утку и, выпотрошивши ее, изрѣзываетъ въ куски; прочіе же кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ утку въ котлѣ на перекладнѣ, утвержденной на колышвахъ по краямъ костра. Когда варится жертва, всякъ толкуетъ между собой о предметахъ, касающихся сельскаго хозяйства, а это курить трубки. Черезъ нѣсколько времени, въ продолженіи котораго должна свариться утка, попъ стелетъ къ углу мельницы скатерть, кладетъ на нее блинъ и короваи хлѣба; затѣмъ онъ беретъ въ правую руку кусокъ мяса а въ лѣвую древесную вѣтку и становится, не снимая шапки, къ блину и короваямъ хлѣба. Мужики-пайщики, заинтересованные въ дѣлѣ пользованія мельницей, подносятъ ему рюмки съ кумышкой и онъ молится, прося у воображаемаго божества милости не прорывать больше плотины, не разрушать мельницы. Хотя въ молитвѣ, между прочимъ, и говоритъ: «Утьѣсь-Вордѣсь», но, должно полагать, что жертва приносится Ву-Мурту, такъ какъ бульонъ выливается въ прудъ, куда бросаются и кости. Жертву и блинъ ѣдятъ всѣ участвующіе въ жертвоприношеніи. Отошедши отъ мельницы послѣ жертвоприношенія, каждый закрываетъ лицо руками и говоритъ, поклонившись слегка въ сторону мельницы: «я, таберѣ медазъ вуко-мѣсь кыръ» (ну, пусть теперь не прорываетъ плотину).

Куриськѣлз (прошеніе счастья). Черезъ каждые два мѣсяца, а гдѣ черезъ недѣлю, всей деревней мужчины и женщины собираются въ домъ зажиточнаго вотяка и варятъ тамъ кашу. Выбранный попъ сидитъ за столомъ въ шапкѣ; его угощаютъ женщины кумышкой, причемъ поютъ пѣсни. Попъ проситъ счастья, мира и всѣхъ благъ земныхъ. Кашу ѣдятъ съ масломъ, сначала мужчины, потомъ—женщины. Это — общій куриськѣлзъ, но есть еще частные куриськѣлзы въ каждой семьѣ отдѣльно.

Чорѣмъ мѣмз (рыбная жертва). За страдающихъ глазной болѣзнію и поносомъ дѣтей приносится въ шалашъ Воршуда, въ кругъ семьи, рыбная жертва. Приглашенный особый жрецъ, или самъ хозяинъ проситъ у представляемаго въ умѣ божества здорovia больному, причемъ и упоминаетъ имя больного. Рыбу, блинъ ѣдятъ всѣ семейные.

Въ глазныхъ болѣзняхъ взрослыхъ приносится особымъ жрецомъ въ шалашъ Быдзимъ-вуалѣ жертва изъ птицъ—глухаря или тете-

рева. За каждого родившагося живаго или уже умершаго до восьми-лѣтнаго возраста приносится въ жертву въ каждой семьѣ баранъ.

Быдэйма-нуидъ шидъ (Пасхальные щи). Послѣ полудня извѣщаются всѣ односельцы мужчины и женщины о сборѣ къ одному изъ служившихъ попомъ на пасхальный обѣдъ. При видѣ собирающихся гостей, жена хозяина или снохи его стелютъ на столъ чистую скатерть и кладутъ на нее цѣлый коровай хлѣба; по сборѣ же гостей попъ-хозяинъ садится за столъ въ шапкѣ и молится о счастіи и благоденствіи и вообще о мирной жизни. Ему подносятъ женщины изъ его семьи въ рюмкахъ кумышки и онъ, отвѣдавши отъ каждой, обращается ко всѣмъ предстоящимъ со словами: «я, сябъсь, пиналъ ёсть!... бускельёсть!» (ну, будьте здоровы, ребята!.. сосѣди!) и выпиваетъ кумышку. Помолившись съ полчаса, онъ отрѣзываетъ отъ коровай горбушку и даетъ одному изъ мужчинъ, а тотъ обноситъ прочихъ мужчинъ, которые, отщипывая по крошкѣ, пробуютъ этого хлѣба въ знакъ мира и согласія. Послѣ молитвы, женщины накрываютъ столъ разною стряпней, ставятъ на столъ чашку со щами или кашей и хозяинъ приглашаетъ гостей садиться. Послѣ мужчинъ садятся женщины. Послѣ обѣда, за тѣмъ же угощеніемъ идутъ въ другіе дома. На такіе обѣды, сопровождаемые молитвой, собираются и въ слѣдующіе праздники:

- 1) въ *Петровъ день* (Герберъ-шидъ);
- 2) въ *Рождество Христова* (Толъ суръ шидъ);
- 3) въ *Масляницу* (масленчъ шидъ) и
- 4) въ *храмовые праздники*.

Корка-пырдъ (новоселье). Родственники и знакомые, когда вздумается и дозволить удобное время, но только въ томъ же году, въ которомъ хозяинъ перешелъ на житье въ новый домъ, ѣдутъ на новоселье; причемъ, по заведенному обычаю, везутъ съ собой какіе нибудь подарки изъ посуды, мебели, животныхъ и стряпни. Для пріѣзжихъ гостей готовится разное угощеніе, состоящее изъ шей, говядины и стряпни. Къ гостямъ присоединяются и сосѣди. По сборѣ гостей, хозяинъ дома садится за столъ и проситъ у Бога благословенія на жизнь въ новомъ домѣ. Его угощаютъ снохи кумышкой, а послѣ нихъ—другія женщины, пришедшія со своей кумышкой. На столѣ передъ хозяиномъ—яичный блинъ, корвай хлѣба, солонка съ солью. По окончаніи молитвы, женщины покрываютъ

столъ разною стряпней и приглашаютъ садиться прїѣзжихъ гостей и сосѣдей, но послѣдніе обыкновенно довольствуются однимъ угощеніемъ кумышкой. Въ комнатахъ говоръ, пѣсни, толкотня, а воздухъ наполненъ дымомъ отъ куримыхъ трубковъ и запахомъ молочныхъ щей, жаркихъ и проч. Кто имѣетъ самоваръ — до обѣда угощаютъ чаемъ. Хозяина всякій поздравляетъ съ новосельемъ, желаетъ ему счастья, умноженія семейства. Болѣе почетные гости вбиваютъ въ столъ или въ матицу (перекладина на потолокъ) мѣдныя монеты съ лоскутками краснаго ситцу или же даютъ въ руки хозяйкѣ, которая, принявши монету на правый рукавъ платья, благодаритъ дающаго, желая ему богатства. Подарившій монету получаетъ особенное угощеніе кумышкой. Такъ равно вбиваютъ монеты съ лоскутками въ знакъ памяти и въ ворота, и въ клѣткахъ, особенно новобранцы, прощаясь съ родными и знакомыми. Угощеніе хозяина новаго дома кумышкой чужими женщинами называется *корка сектана* (угощеніе новаго дома). На угощеніе гостей по случаю новоселья выходитъ хозяйской кумышки не болѣе ведра.

Послѣ новоселья или до него хозяинъ съ женой заходятъ въ подполье съ однимъ блиномъ и кумышкой, берутъ съ собой, молоденькую ёлочку съ аршинъ вышиной и начинаютъ обрядъ «общанія» — *Гулбечъ сизькодн*. Хозяинъ втыкаетъ ёлочку въ передній уголъ и отламываетъ отъ нея небольшую вѣтку или просто сучёкъ и становится на колѣни передъ ёлочкой; жена его стелетъ предъ нимъ скатерть и кладетъ на нее блинъ; затѣмъ она беретъ бутылку съ кумышкой, наливаетъ въ рюмку и подаетъ мужу, а тотъ, взявши въ правую руку рюмку, а въ лѣвой держа вѣтку, читаетъ свои молитвы, между которыми заключаются такія слова: «остѣ, ицмаре макѣ, корка сѣтъидъ, медъ дзѣчь уло; татынъ медъ пересъмо, медъ було» (благослови, Господи! какую избу даль, пусть въ ней буду жить хорошо; пусть въ ней состарѣю и умру). Чтобы Бустурганъ не наводилъ на живущихъ въ домѣ страхъ, общаетъ принести въ жертву чернаго барана или другихъ четвероногихъ животныхъ. По окончаніи молитвы пьетъ кумышку и закусываетъ блинкомъ.

Общанную жертву приносятъ чрезъ нѣсколько лѣтъ или въ изобѣ или тутъ же въ подпольѣ. Пока варится жертва, хозяинъ молится на колѣняхъ, прося счастья въ домѣ, богатства и всѣхъ благъ земныхъ, и говоря, что общанную жертву уже приносятъ;

кости животного зарываетъ въ землю. Это жертвоприношеніе называется *Гулбейдъ такъдъ асиль* (жертвоприношеніе въ подпольѣ).

Чумъ пиронъ (вхожденіе въ клѣть). Здѣсь особенныхъ церемоній нѣтъ. Хозяинъ стоитъ предъ иконой, которая имѣется въ клѣти каждаго вотяка, и проситъ въ молитвѣ счастья въ новой клѣти. Во время молитвы жена угощаетъ его кумышкой, а по окончаніи таковой ѣдятъ блины.

Куалъ пиронъ (вхожденіе въ новую куалу Воршуда). Прежде, чѣмъ сказать кое что объ обрядахъ по случаю вхожденія въ новую куалу, нужно познакомить читателя съ мѣстомъ боготворимой коробки, символомъ Воршуда. Въ срединѣ передней стѣны ставится четырехугольный столбъ вышиной въ четыре аршина; на верху этого столба устраиваются двѣ или три полочки. Въ самый день вхожденія въ куалу хозяинъ ставитъ на верхнюю полочку небольшую икону, съ изображеніемъ святителя Николая или Богородицы, а за икону ставитъ берестяную коробку съ серебряной монетой; это, какъ мы сказали выше, — символъ Воршуда. На нижнія полочки кладутъ липовыя вѣтки. Зашедши съ блиномъ въ куалу, хозяинъ становится предъ иконой и, обратившись лицомъ къ ней, а мысленно — къ Воршуду, читаетъ свои молитвы, прося у воображаемаго божества счастья въ новой куалѣ. Во время молитвы находятъся въ куалѣ всѣ семейные; жена его угощаетъ кумышкой; помолившись, отрѣзываетъ отъ принесеннаго дѣльнаго короваго небольшую дорбушку, отрываетъ отъ блина частичку и бросаетъ ихъ въ огонь, тоже что-то говоря.

Вирдъ (жертва съ кровію). Это жертвоприношеніе основано на томъ повѣріи, что умершіе старики могутъ насылать болѣзни на лошадей и рогатый скотъ; поэтому самая жертва приносится имъ въ новой конюшнѣ. Заколовши овцу, варятъ ее въ конюшнѣ же. Хозяинъ беретъ въ лѣвую руку древесную вѣтку и, не снимая шапки, становится въ передній уголъ. Предъ нимъ на скатерти или просто въ рукѣ его личный блинъ. Жена его подноситъ ему рюмку съ кумышкой и, между прочимъ, говоритъ: «старики (умершіе)! жертву свою берите въ руки и ноги; лошадей не давите, коровъ не мучьте». Послѣ молитвы дѣлитъ между всѣми блинъ, а съѣвши мясо, кости зарываютъ въ передній уголъ.

Жертва умершему. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти взро-

слаго приносится въ жертву жеребчикъ въ избѣ или въ лѣсу, чаще въ избѣ. Въ послѣднемъ случаѣ жертва приносится такимъ образомъ: когда сварится въ котлѣ надъ горячими угольями горна конина, тогда хозяинъ зажигаетъ предъ иконой восковую свѣчу и вся семья становится предъ иконой на молитву; молясь за упокой души умершаго, представляя ее присутствующей при молитвѣ, говорятъ: «я, таберѣ азадъ медъ усѣзъ; дзѣчъ мѣста—адъ умой уль» (ну, теперь пусть жертва будетъ пріятна тебѣ; на хорошемъ мѣстѣ живи счастливо). Помолившись и положивши по три земныхъ поклона, вся семья садится за столъ. Женщины приносятъ въ чашѣхъ съ кусками грудины щи подъ названіемъ «мѣля-лымъ» и начинаютъ ѣсть. Кто питаетъ отвращеніе къ мясу коня, тотъ уходитъ въ сторону. Выхлѣбавши щи, опять выходятъ изъ за-стола и встаютъ на молитву; затѣмъ приносятъ остальное мясо; во время яденія соблюдается строжайшая тишина. Послѣ ѣды кости собираются въ одно мѣсто, а въ головной черепъ кладется копѣйка. Жертвоприношеніе это совершается около полуночи скрытно; входъ въ избу для постороннихъ въ это время бываетъ недоступенъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ ѣды двое изъ мужиковъ уносятъ кости въ пестеряхъ въ лѣсъ; берутъ еще съ собой рюмку съ кумышкой и оставляютъ ее вмѣстѣ съ костями въ лѣсу подъ ёлкой.

Мѣста, гдѣ бросаютъ кости жертвы, служатъ для вотскихъ дѣтей предметами страха и на этомъ страхѣ основаны разные повѣрья и рассказы. Вотъ одинъ изъ такихъ рассказовъ, слышанный отъ вотскаго мальчика дер. Урдогурта.

— Когда мы лѣтомъ искали лошадей, рассказывалъ мальчикъ, привелось проходить мимо того мѣста, куда бросаютъ кости умершимъ старикамъ. Вдругъ изъ-подъ ёлки кто-то началъ бросать въ насъ костями. Мы страшно перепугались—и давай бѣжать въ сторону деревни; такъ бѣжали, что одинъ изъ насъ и узду чуть не потерялъ, а о лошадяхъ и думать забылъ; людей же тамъ не было.

Поминки—поминовеніе умершихъ. Усопшихъ отцовъ и братьевъ жители поминаютъ два раза въ году: въ радоницу послѣ Пасхи вмѣстѣ съ русскими, служа въ церкви панихиды, и осенью послѣ страды. Последнія поминки они считаютъ главными, поэтому сзываютъ родню, стряпаютъ разные пирожки, перепечи, шаньги и проч., и пьютъ, и ѣдятъ за столомъ съ пѣснями и разговорами.

Обѣду предшествуютъ земные и поясные поклоны предъ иконами, въ чемъ участвуютъ всѣ хозяева и гости, а потомъ хозяинъ, взявши рюмку съ кумышкой въ руки, произноситъ вслухъ протяжно: я, сябась, старики! ѣсть! двечъ улѣ со азъ дуны-ынъ (ну, будьте здоровы, старики! хорошо живите на томъ свѣтѣ); послѣ этого просить гостей сѣсть за столъ. Кромѣ главныхъ доминокъ нѣкоторыя семьи отправляютъ между собой въ зимнее время и частныя поминки безъ всякихъ пирушекъ и попоекъ за ужиномъ, состоящимъ изъ щей или каши, въ которыхъ сварено мясо утки или другой птицы; а иные дѣлаютъ поминки по случаю болѣзни кого-либо изъ семейныхъ, думая тѣмъ сдѣлать облегченіе больному; они вѣрятъ, что умершіе послѣ смерти могутъ имѣть вредное вліяніе на живыхъ, если послѣдніе забудутъ ихъ и не станутъ поминать).

Урвесь—обрядъ изгнанія шайтановъ и болѣзней. Этотъ обычай основанъ на повѣріи, что болѣзнь ходитъ въ человѣческомъ образѣ изъ деревни въ деревню, напуская на людей разную хворость. Болѣзни служатъ спутниками шайтана—духа зла, витающаго около людей. Урвесь, по отзыву вотяка поч. Малаго Казеса Шарканскаго прихода, Степана Широкова, отправляется два раза въ году—въ послѣднихъ дняхъ декабря и іюня—въ предотвращеніе горячки, а самый обрядъ совершается такимъ образомъ: несовершеннолѣтніе ребята въ сопровожденіи одного взрослого отправляются на возвышенное мѣсто въ полѣ, взявши съ собой говядины, крупы, яицъ и кумышки. На избранномъ мѣстѣ подъ елью кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ надъ нимъ въ принесенномъ котелкѣ кашу и яйца. Взрослый стоитъ подъ елью, читая молитвы, въ которыхъ проситъ здоровья и проч. Каждый мальчикъ подноситъ ему кумышки и онъ, принявши рюмку, нѣсколько капель отливаетъ на огонь, а остальную выпиваетъ самъ. Съѣвши кашу и прочее, берутъ по сухой хворостинѣ (обыкновенно пихтовой съ сухими легко воспламеняющимися хвоями) и оставляютъ мѣсто, гдѣ ѣли кашу. Отопедши нѣсколько сажений отъ ѣлки, останавливаются всѣ и смотря въ сторону еще дымящагося костра, кричатъ хоромъ о! о! о!!! и этотъ крикъ отдается по окрестностямъ продолжительнымъ эхомъ. Это повторяется до трехъ разъ, думая, что болѣзнь—горячка и сопутствующіе ей шайтаны, движимые страхомъ, удалятся отъ

окрестностей деревни по удаляющемуся звуку. Пришедши въ деревню, заходятъ въ первую избу и, если нѣтъ опасности, зажигаютъ хворостины въ избу; потомъ выходятъ изъ избы съ шумомъ и визгомъ, заходятъ въ другія, но только въ тѣ, изъ которыхъ ходили мальчики на Урвесь и имѣють въ рукахъ хворостины; ударяють хворостинами по лѣстницамъ, стѣнамъ и проч. чтобы произвести шумъ, а для большаго эффекта кричать: «Урвесь вуйзъ! Урвесь вуйзъ! (Урвесь поспѣлъ! Урвесь поспѣлъ!). Обошедши такимъ образомъ дома, идутъ къ рѣчкѣ, бросаютъ въ нее хворостины и кричатъ до трехъ разъ о! о! о!!!! И послѣ этого крика говорятъ: «куда голосъ и хворостинный идутъ, туда удалятся и шайтаны». Въ полѣднихъ числахъ декабря Урвесь отправляется въ лѣсу, а хворостины бросаются въ логъ, на конецъ деревни.

Въ Сосновской сторонѣ обрядъ изгнанія шайтановъ и болѣзней, подобный Урвесю, совершается иначе, и называется *Чокмъръ*.

Слово «Чокмъръ» происходитъ отъ слова «молотокъ», который употребляется при этомъ обрядѣ.

На третій день Рождества Христова ребята ходятъ по домамъ съ флягой или боченкомъ, собирая кумышку для отправленія Чокмъра. Обошедши дома, выбираютъ изъ своей среды попа; дѣлаетъ каждый для себя небольшой деревянный молотокъ; берутъ нѣсколько кусковъ мяса, языкъ коровій, хвостъ (тоже коровій), крупы и идутъ за деревню, гдѣ есть хвойныя деревья. Пришедши на мѣсто, кладутъ костеръ, зажигаютъ его и варятъ въ принесенномъ котелѣ кашу. Избранный попъ беретъ въ лѣвую руку древесную вѣтку и, обратившись лицомъ къ ели, бормочетъ свои молитвы, между которыми заключаются такія слова: «я иськѣ шайтанъ есъ медъ кошкѣзы ннѣй» (ну такъ пусть уже шайтаны уходятъ отъ насъ). Во время молитвы товарищи попа потчуютъ кумышкой, а другіе варятъ кашу; кто изъ ребятъ не будетъ угощать попа, того ударяють легонько по головѣ молоткомъ. Кашу ѣдятъ все безъ шума. Оставшуюся кумышку послѣ обѣда допиваютъ и напившись, подъ вліяніемъ кумышки, поднимаютъ крикъ, визгъ, смѣхъ и проч. и съ такимъ шумомъ идутъ въ деревню. Заходятъ въ первую избу и просятъ кумышки; кто по скупости не удовлетворитъ ихъ требованію, у того производятъ имѣющимися въ рукахъ молотками страшнѣйшую стукотню—и хозяинъ поневолѣ долженъ подать по рюмѣ, а

выгнать непрощенных гостей, по заведенному обычаю, не может; если же кто, недовольный поступком ихъ, какимъ нибудь образомъ пригрозить имъ, тому показываютъ разные загадочные знаки. Выпивши по рюмѣ, шумная ватага выходитъ изъ избы и хозяинъ, зажегши лучину, бросаетъ ее въ слѣдъ уходящимъ со словами: «шайтанъ ёсты серады медъ кошкёзы» (пусть шайтаны ваши идутъ за вами). Когда такимъ образомъ обойдутъ всѣ дома, молотки бросаютъ за деревню.

Шортъ-моськона—мытье мотовъ. Когда женщина нарядитъ нѣсколько мотовъ пряхи, сзываютъ родню, кумовей, сватовъ съ молодыми людьми; настрапаютъ разныхъ шанегъ, перепечей, блиновъ, пирожковъ и проч., запрягутъ въ сани по одной лошади и провожаютъ гостей на рѣку мыть моты, смоченные предварительно въ щелобу съ золой. Приѣхавши съ рѣки, моты развѣшиваютъ на шестахъ, сами переодѣваются въ лучшіе наряды и начинаютъ пирушку. Всю страпню ставятъ на столъ, садятъ гостей и потчуютъ говоря имъ: «я, сучьке, сіе» (ну доставайте, ѣшьте); передъ гостями стоятъ женщины съ бутылками кумышки; а чтобы гости не скучалп, поютъ пѣсни; въ сторонѣ у печи сидятъ бабы-старухи, тоже угощая другъ друга кумышкой и разговаривая между собой; непрощенные гости, т. е. пришедшіе поглядѣть на пирующихъ или попить готовой кумышки, сидятъ на лавкахъ или стоятъ, куры трубки; если хмѣль войдетъ въ голову, то и они вторятъ пѣснямъ женщинъ, кто какъ можетъ, и говорятъ женщинамъ: «я, кырзалэ, кырзалэ (ну, пойте, пойте!); ребяташки тоже трутся около мужиковъ. Пирушка продолжается до вечера; расходятся по домамъ не всѣ вдругъ, а одинъ за другимъ. Праздникъ этотъ обыкновенно бываетъ на масляной недѣлѣ или великимъ постомъ.

Десятникъ—Шыдъ (десятичическій обѣдъ). Вечеромъ 30 числа декабря, по заведенному обычаю, всей деревней (мужчины и женщины) собираются у стараго десятника отпраздновать исполненіе имъ годичной службы десятника. Каждая женщина беретъ съ собой бутылку кумышки, а мужчина—домохозяинъ—денегъ, кто копѣйку, кто двѣ и т. д, а болѣе зажиточные—по серебряной монетѣ копѣекъ въ двадцать. Для собравшихся гостей жена хозяина варитъ кашу съ зайчиной. Изба кипитъ собравшимися и разговаривающими гостями, а воздухъ пропитанъ табачнымъ дымомъ отъ куриныхъ,

трубокъ. Когда поспѣютъ щи—хозяинъ (старый десятникъ) садится за столъ. Жена его приноситъ въ чашкѣ на столъ кашу и зайчины; въ чашку хозяинъ кладетъ масла, а по краямъ каши—куски зайчины; потомъ отрѣзываетъ отъ пѣльного корова горбушку и молится, держа ее въ рукѣ. Въ молитвѣ проситъ счастья новому десятнику, благодаритъ Бога за исправное отправленіе должности, желаетъ здоровья и всѣхъ благъ односельцамъ. По окончаніи молитвы горбушку даетъ одному изъ своихъ односельцевъ и тотъ обноситъ ею другихъ, и каждый отламываетъ для себя небольшой кусокъ и съѣдаетъ; затѣмъ онъ беретъ въ ложкѣ каши и опять начинаетъ свою молитву; жена его подноситъ ему кумышки въ рюмкѣ. Послѣ хозяйки подходятъ къ нему другія женщины и угощаютъ его своей кумышкой. Принимая рюмку, онъ молится за другое семейство; нѣсколько капель кумышки изъ рюмки отливаетъ въ бутылку женщины, а остальную допиваетъ самъ; послѣ этой женщины идутъ другія, третьи и т. д. Исполнивши весь обрядъ моленья, выходитъ изъ-за стола и проситъ мужчинъ садиться за столъ. Когда мужчины садутся за столъ, хозяйка дома ставитъ на столѣ для гостей четвертную бутылку съ кумышкой, и къ бутылкѣ каждый сидящій за столомъ кладетъ принесенную съ собой монету. Одинъ изъ гостей, который сидитъ въ переднемъ углу, принимая на себя, по обычаю, роль хозяина, наливаетъ въ рюмку кумышки и подноситъ хозяину и тотъ, взявши въ руку рюмку, обращается ко всѣмъ со словами: «ну, будьте здоровы, милые гости—сосѣди! дай Богъ вамъ счастья, мира; какъ я исправно отправилъ свою должность, такъ желаю отправить и другимъ». Выпивши до капли, опрокидываетъ рюмку и, показывая ее гостямъ, говоритъ: «ну, такъ пейте всѣ». Гости благодарятъ его за это. Принявшій роль хозяина угощаетъ кумышкой сидящихъ за столомъ и всѣхъ вообще мужчинъ. Женщины тоже угощаютъ хозяина своей кумышкой и поютъ пѣсни, подошедши къ столу. Гости пьютъ, ѣдятъ, разговариваютъ за столомъ. Наѣвшись выходятъ изъ-за стола; послѣ нихъ садятся женщины. Къ 12 часамъ 1 Января старый десятникъ идетъ съ своей женой къ новому съ пadoжкомъ, служащимъ знакомъ десятнической должности и рубежами, на которыхъ значатся числа выставленныхъ домохозяевами подводъ. Жена его беретъ съ собой бутылку кумышки, пѣльный коро-

вай хлѣба и, зашедши въ избу, отдастъ жемъ новаго десятины. Старый и новый десятины садятся за столъ и новый молится о благополучномъ отправленіи должности.

Такія же поздравленія и обѣды отправляются въ честь вступающихъ въ разныя по выборамъ должности и прослужившихъ таковыя; но для уволенныхъ по распоряженію начальства за какую-нибудь вину и не прослужившихъ положеннаго срока этой чести нѣтъ.

Повѣрья и преданія.

Ночь на Великій Четвертокъ. Въ ночь на Великій Четвертокъ, по повѣрью жителей, дана воля всѣмъ колдунамъ, чертамъ и всякой нечистой силѣ ходить вездѣ, напуская болѣзнь на людей. Чтобы обезпечить свое жилище отъ нечистой силы и колдуновъ, приносятъ вечеромъ въ Великую Среду изъ ближайшихъ лѣсовъ различныя растенія, которымъ приписывается сила отгонять нечистыхъ духовъ и колдуновъ, особенно верескъ и шипицу, и втыкаютъ ихъ около оконъ и дверей: верескъ у каждого окна около ставень, а шипицу—подъ дверь. Кромѣ этихъ растеній нѣкоторые владутъ на всякъ дверей траву *чулымъ-бояжъ* «жеребичій хвостъ» противъ Чера (Черъ божество болѣзней). Кто занимается колдовствомъ, тотъ въ эту ночь, въ самую полночь, когда въ домѣ спятъ всѣ семейные, оборачивается въ сороку и вылетаетъ чрезъ трубу и, вылетѣвъ, напускаетъ болѣзнь на всѣхъ, кто ляжетъ спать не благословясь или до кого Богъ допуститъ за грѣхи. Поэтому, какъ только наступятъ сумерки, никто изъ избы одинъ не выходитъ на дворъ, кромѣ стариковъ и безстрашныхъ: всѣмъ въ это время что-то чудится. Колдуны, говорятъ, оборачиваются въ свиней, сорокъ и кошекъ, а шайтаны (бѣсы) ходятъ въ образѣ ободранныхъ коровъ и прочихъ животныхъ.

Послѣ сумерекъ (а иные и въ самую полночь), если благоприятствуетъ хорошая погода, вооружившись топорами, ножами и заряженными ружьями, идутъ за деревню въ поле, ничего не говоря между собой, чтобы не услышали колдуны и бѣсы. Остановившись на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ, одинъ изъ мужиковъ, по-старше прочихъ лѣтами, очерчиваетъ товарищей своихъ три раза

топорами, ножами и ружьями, чтобы никакая нечистая сила и колдуны не могли перейти за черту; затѣмъ слушаютъ, кто что услышитъ. Если услышать въ полѣ скрипъ телѣтъ съ тяжелымъ грузомъ, то, значитъ, въ этомъ году будетъ урожай хлѣбовъ; если слышать стукъ и скрипъ пустыхъ телѣтъ, то будетъ годъ не урожайный; при этомъ каждому шороху, каждому звуку, пѣнію птицъ, даже направленію вѣтра даютъ какое нибудь значеніе. Оставшіеся дома, тоже вооруженные топорами, ножами и заряженными ружьями, взбираются на крыши домовъ и прочихъ зданій и сидятъ тамъ всю ночь какъ статуи, не шевелясь и не говоря ничего другъ съ другомъ; изрѣдка они стрѣляютъ изъ заряженныхъ ружей, думая тѣмъ навести страхъ на колдуновъ и на нечистую силу. Въ эту ночь до утренняго пѣтлоглашенія ходить по вотской деревни, не сказываясь сидящимъ на строеніяхъ или не распѣвая пѣсенки, весьма опасно, такъ какъ одно появленіе на улицѣ человѣка, если фигура и черты его въ темнотѣ не будутъ разсмотрѣны, можетъ вызвать выстрѣлъ изъ ружья въ проходящаго, который будетъ принятъ за колдуна или шайтана. Были случаи, что выстрѣломъ изъ ружья неосторожнаго человѣка убивали на повалѣ. Кто слылъ въ деревнѣ колдуномъ и утромъ въ Четверговъ случайно заболѣвалъ, то болѣзнь приписывалась дробинкѣ, попавшей въ него изъ ружья въ то время, когда онъ, колдунъ, какъ полагали, бродилъ ночью въ образѣ какого нибудь животнаго, не успѣвши или позабывши заговориться отъ дрови. Въ промежуткахъ между выстрѣлами изъ ружей, всякій старается выслушать что нибудь, какъ и тѣ, которые слушаютъ на перекресткѣ дорогъ въ полѣ. Если услышать въ чьемъ либодомѣ плачь взрослыхъ или звукъ вколачиванія въ доски гвоздей и проч., то, значитъ, будетъ въ домѣ покойникъ; если гдѣ нибудь будутъ пѣть свадебныя пѣсни, то тамъ будетъ свадьба; въ чьемъ домѣ будетъ плакать новорожденный, тамъ будетъ прибыль въ семьѣ; если у кого на гумнѣ будутъ молотить, тотъ будетъ богатъ хлѣбомъ словомъ, каждому звуку и шороху придаютъ значеніе. Женщины, оставшіеся дома, подметають соръ подъ лавками, подъ столомъ и въ переднемъ углу подъ божницей, гдѣ стоятъ иконы; стелють на столъ чистую скатерть, ставятъ на нее бутылку съ кумышкой, рюмку, солонку съ солью; кладутъ цѣлый коровай хлѣба и все это оставляютъ на столѣ до утра. Утромъ рано, какъ только начнетъ

заниматься заря, старый и малый встают съ постелей, умываются (а иные кладутъ въ умывальницу серебро, чтобы лицо было чисто какъ серебро) и ищутъ подъ столомъ и подъ лавкой въ переднемъ углу хлѣбныя зерна, которыхъ съ вечера не было тамъ. Если найдутъ зерна какихъ нибудь хлѣбовъ, то значить, что въ этомъ году будетъ урожай такихъ хлѣбовъ: какихъ зеренъ будетъ больше, такихъ хлѣбовъ будетъ довольно, а какихъ будетъ меньше, такихъ будетъ мало. Дѣвицы, между тѣмъ, затопляютъ баню, варятъ тамъ кашу и когда она сварится—ѣдятъ ее съ масломъ, подчуя и тѣхъ, кто придетъ къ нимъ за угощеніемъ. Когда закроютъ баню и не будетъ въ ней дыму, тогда идутъ съ вѣниками мужики; остановившись предъ баней, они зажигаютъ приготовленную тутъ солому и, перескакивая чрезъ огонь по три раза, говорятъ: медѣмъ та арѣмъ висъ, медъ табыръ капчи людъ (чтобы въ этомъ году не хворалось, чтобы не болѣла поясница); затѣмъ заходятъ въ баню и парятся. Женщины дѣлаютъ тоже, что и мужчины. Послѣ бани мужчины и женщины пьютъ кумышу изъ той бутылки, которая всю ночь простояла на столѣ и закусываютъ хлѣбомъ-солью, чтобы въ этомъ году были довольны кумышкой и хлѣбомъ съ солью. Соль эту называютъ: четверикъ сылалъ (четверговая соль) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣзней лечатъ ею, вѣря въ цѣлительную силу ея. Страдающіе чесоткой бросаютъ вѣникъ, которымъ парились въ банѣ, по выходѣ изъ послѣдней, на рѣку (вотачеія бани строятся обыкновенно по берегамъ рѣкъ), приговаривая: «пусть чесотка пойдетъ по водѣ и въ новомъ лѣтѣ тѣло будетъ чистое». Скажемъ нѣсколько подробнѣе объ упомянутыхъ выше зернахъ.

Таинственные зерна. Извѣстно, что гаданье относительно того, каковъ будетъ новый годъ, т. е. урожайный или неурожайный и вообще счастливый ли, совершается въ ночь на Великій Четвертокъ, посредствомъ выслушиваній разныхъ звуковъ на крышахъ строеній. Гаданье же о томъ, какого хлѣба будетъ мало и какого довольно, производится утромъ до восхода солнца по найденнымъ подъ столомъ и подъ лавками въ переднемъ углу зернамъ хлѣбныхъ растений, которыхъ, говорятъ, тамъ не бываетъ съ вечера; напротивъ, чтобы не было сору и вообще было бы прилично ко времени появленія таинственныхъ зеренъ, въ избѣ, особенно подъ столомъ и подъ лавками въ переднемъ углу, подметають дочиста.

*

При такомъ гаданіи пишущій эти строки присутствовалъ однажды самъ и крайне былъ удивленъ, увидѣвъ появившіеся подъ столомъ хлѣбныя зерна, которыхъ, по увѣренію гадающихъ и даже божѣ ихъ, съ вечера не было. Дѣло было такъ: проснувшись утромъ до восхода солнца, я съ преднамѣренною цѣлью посмотрѣть на гаданье, зашелъ въ хозяйскую половину дома (я квартировалъ въ другой половинѣ) и засталъ ребятшекъ подъ столомъ, подъ руководствомъ старшихъ искавшихъ въ переднемъ углу *таинственныхъ зеренъ* съ зажженными въ рукахъ лучинками.

— Чего это они ищутъ тамъ, спросилъ я хозяина квартиры, смотря на гомозящихся около стола и подъ лавками ребятшекъ.

— Хлѣбныхъ зеренъ ищутъ—отвѣтилъ хозяинъ.

— Какихъ?

— А какія попадутъ.

Затѣмъ зерна должны быть тутъ и на что ихъ, спросилъ я. Тутъ хозяинъ рассказалъ мнѣ подробно о томъ, какъ появляются подъ столомъ зерна хлѣбныхъ растений, какъ гадаютъ по нимъ объ урожаяхъ хлѣбовъ.... Въ то время, какъ мы разговаривали съ хозяиномъ, ребятшки, при каждомъ нахожденіи, вѣроятно, зеренъ вскрикивали радостно: «нашелъ!.. опять нашелъ!..» и проч. Это исканіе таинственныхъ зеренъ длилось при мнѣ около пяти минутъ и когда оно прекратилось, всякій передавалъ хозяину найденныя зерна различныхъ родовъ, и хозяинъ, смотря на нихъ, съ какимъ-то непонятнымъ для меня благоговѣніемъ, говорилъ: «вотъ этого хлѣба Богъ дастъ! Этого будетъ мало» и проч. Первые слова провозносились на большее число зеренъ, а послѣднія—на самое меньшее.

— Какъ онѣ очутились тамъ? Обратился я опять къ хозяину.

— Ихъ послалъ Богъ (Кылдысинъ); по нимъ можно узнать впередъ, какого хлѣба будетъ много и какого мало.

— Куда же теперь ихъ положите? Хранить будете?

— Унесемъ въ амбаръ и положимъ зерна ржи въ сусѣкъ съ рожью, зерна овса—въ овесъ и т. д.

— Однако я не вѣрю, что онѣ тутъ очутились сами; ихъ, должно быть, набросалъ туда вечеромъ кто нибудь изъ семейныхъ. Такими словами я выражалъ недовѣріе къ таинственному появленію зеренъ и хозяинъ мой на это возразилъ:

— О нѣтъ! затѣмъ бросать! Вечеромъ у насъ нарочно метутъ въ избѣ подѣ столомъ и подѣ лавками чисто.

Противъ этого говорить не считалъ я удобнымъ, такъ какъ это могло вызвать пренебреженіе ко мнѣ самому, какъ невѣрующему, по понятію ихъ, въ дѣла Божіи.

Когда я занялъ съ нимъ при исканіи дѣтьми таинственныхъ зеренъ, никого спящимъ на постели не засталъ,—всякій былъ занятъ уже какимъ нибудь дѣломъ или страпней. По повѣрью, если въ это утро до солнца не встанешь—будешь весь годъ лѣниться; вотъ поэтому каждый, не желая слыть лѣнтяемъ, оставаться въ лежачемъ положеніи считалъ дѣломъ непохвальнымъ. Кто былъ старше, вставалъ прежде и будилъ молодыхъ.

Ночь на Вербное Воскресенье. Когда зажгутся во всѣхъ избахъ огни, парни и дѣвушки, собравшись у кого нибудь въ концѣ деревни, берутъ въ руки по новому прутіку, идутъ съ шумомъ, визгомъ и гиканьемъ на другой конецъ деревни и заходятъ въ послѣднюю избу; зашедши, хлещутъ имѣющимися въ рукахъ прутіками или вицами стѣны, лавки, полъ, углы и людей, особенно лежащихъ на постеляхъ, говоря при этомъ: нервачъ! нервачъ! Если кто спитъ съ молодушкой, бросаютъ въ нихъ комьями снѣга, говоря тоже: нервачъ! нервачъ! Затѣмъ хозяинъ дома зажигаетъ лучину и выходитъ съ ней на дворъ, за нимъ идетъ и вся толпа молодежи; сошедши съ лѣстницы, хозяинъ бросаетъ лучину на землю и мгновенно вся толпа обступаетъ ее; одинъ изъ толпы беретъ ее въ руки и бросаетъ ею въ товарища, а тотъ опять бросаетъ въ другаго, такъ что пока искрится на ней огонекъ, всѣ бросаютъ ею другъ въ друга, а въ промежуткахъ между бросаніемъ прочіе, если успѣваютъ, стегаютъ ее на землѣ вицами, говоря: нервачъ! нервачъ! «стегай! стегай» (шайтана)! Затѣмъ, когда не будетъ на лучинѣ никакихъ признаковъ огня, говорятъ хозяину: «ну, ступай въ избу: шайтана выгнали». Хозяинъ входитъ въ избу, а нервачники, взявши огарокъ лучины съ собой, идутъ въ другую избу и дѣлаютъ тоже, что дѣлали въ первой избѣ, и отъ каждаго хозяина берутъ по огарку лучины, которою бросали другъ въ друга. Когда обойдутъ всѣ дома—идутъ съ огарками за деревню и жгутъ тамъ остатки своихъ прутьевъ и вицъ. Окончивши эту церемонію, идутъ по домамъ.

Ночь на Иванаов день .(24 июня). Вечеромъ на закатѣ солнца женщины-лекарки ходятъ на лужокъ за Ивановской травой; рвутъ ее только въ трехъ мѣстахъ. Травы эти, между которыми могутъ быть и ядовитыя, по мнѣнію лекарокъ, вылечиваютъ человѣка отъ многихъ болѣзней; настаиваютъ ими кумышку, водку или просто воду и подаютъ больнымъ, говоря имъ: остэ шу! Въ другихъ деревняхъ вечеромъ топятъ баню и вяжутъ вѣники изъ желтыхъ цвѣтовъ купальницы и березовыхъ вѣтогъ; вѣниками этими парятся въ банѣ, и выпарившись, бросаютъ вѣники на крышу бани. Черезъ три дня идутъ смотрѣть эти вѣники; если чей нибудь вѣникъ пожелтѣлъ, человѣкъ, который парился имъ въ банѣ, въ этомъ году умереть или, если не умереть, то будетъ страдать болѣзню—желтухой; если чей вѣникъ не пожелтѣлъ, тотъ будетъ живъ и здоровъ. Одержимый болѣзню въ эту ночь выходитъ за околицу, ложится на траву и перевертывается на ней, подобно бревну, три раза. Этимъ онъ, по повѣрью избавляется отъ болѣзни.

Повѣрья животныя и растенія и друг. предметовъ Медвѣдь прои-
зошелъ отъ человѣка, поэтому онъ слова человѣка понимаетъ такъ же,
какъ понимаетъ человѣкъ человѣка, но только говорить не можетъ.
При внезапной встрѣчѣ съ медвѣдемъ слѣдуетъ только сказать ему: у
тебя, большой человѣкъ, своя дорога, а у меня своя; иди ты своей до-
рогой, меня не тронь—и медвѣдь уйдетъ, не тронувъ человѣка. Гово-
рять, что медвѣди крали женщинъ и, уводя ихъ съ собой въ бер-
логу, приживали съ ними дѣтей. Медвѣдь, если увидитъ слѣдокъ мо-
лодушки, съ радости пляшетъ какъ подъ музыку, а если увидитъ бе-
ременную женщину съ мальчикомъ, который долженъ быть звѣро-
ловомъ, ту женщину живой не оставитъ. Если медвѣдь будетъ да-
вить чью нибудь скотину и увидитъ это хозяинъ скотины, — мед-
вѣдь уйдетъ; а если увидитъ чужой—медвѣдь опасенъ.

Надъ убитымъ медвѣдемъ смѣяться не должно: Нюлэсъ—муртъ
разсердится. Въ подтвержденіе этого приводятъ такой случай:
однажды молодые охотники убили медвѣдя и, содравши съ него
кожу, взобрались на ёлку, чтобы посмѣяться надъ нимъ; а они
знали, что смѣяться не надо. Вотъ они говорятъ медвѣдю сверху:
«что, каково? будешь ли еще задирать скотину, воровать медъ изъ
чурокъ и пугать людей?» Вдругъ медвѣдь одѣлся опять въ свою
кожу, заревѣлъ и началъ взбираться на ёлку. Охотники со страху

чуть не упали. Что дѣлать? Вотъ одинъ изъ нихъ пришелъ въ себя и посулилъ Нюлэсъ — мурту черную утку, — и медвѣдь опять легъ, и опять съ него сползла кожа. Послѣ этого охотники никогда не смѣялись. Медвѣдь ложится въ свою берлогу въ ночь на Воздвиженіе (14 сентября), поэтому называютъ этотъ праздникъ гондыръ кэлонъ (засыпаніе медвѣдя); а встаетъ онъ въ Благовѣщеніе. Но бывають иногда и бродячіе медвѣди (это рѣдкость); медвѣди эти въ чемъ нибудь виноваты предъ Нюлэсъ муртомъ, поэтому и мѣста не получили.

Перепелка (бэденѣ). Перепелка — птица жирная; сварилъ ее въ ведрѣ воды — бульонъ будетъ отличный. Кто первый разъ лѣтомъ услышитъ крикъ этой птицы, у того лошади будутъ жирны.

Коростель (куажы). Если услышишь крикъ этой птицы прежде перепелки — лошади будутъ тощи, а самъ худъ.

Кукушка (винны). Кукушка пользуется славой предвѣстницы несчастья; такъ, на примѣръ, если весной въ первый разъ кукованіе ея услышишь во время испражненія, то кто нибудь въ семьѣ твоей или близкой роднѣ умретъ.

Метла (чужонъ). Если знающій колдовство броситъ худую метлу вверхъ, т. е. въ воздухъ, то она оборотится въ сороку и сядетъ на чей нибудь домъ. Въ томъ домѣ будутъ умирать.

Скворецъ (юбѣръ). На правомъ крылѣ этой птицы сидятъ ангелы, а на лѣвомъ — бѣсы (Я. Г.).

Журавль и *Синица* (туръ и пежа). Синица встрѣтилась съ журавлемъ и говоритъ ему: «вѣй ты долгоногій, мясистый! Какъ подходитъ зима — улетаешь въ теплую страну, а придетъ весна — опять прилетаешь. Такая огромная птица, а не можешь стужи терпѣть! Посмотри-ко на меня, какова я ростомъ! А терплю большіе морозы лучше всякой птицы».

Муха и *пчела* (кутъ и мушъ). Муха сказала пчелѣ: «ты работаешь, работаешь — трудишься все лѣто, а сама сладко не ѣшь». Пчела отвѣчаетъ: «эхъ ты дрянъ! Тебя кто не увидитъ — все поровить убить, а меня не убивають — еще хранять».

Человѣкъ и *муравей* (адамы и кузили). Однажды человѣкъ вступилъ въ разговоръ съ муравьемъ, а человѣкъ этотъ былъ первый на свѣтѣ.

— Кто изъ насъ проворнѣе, муравей? Ты или я, спрашиваетъ человѣкъ.

— Я могу нести желѣзо величиной съ себя, а ты можешь ли нести? Попробуйка, отвѣчаетъ муравей.

Ласточка и комаръ (ваббыжъ и нымъ) *). Во время оно былъ на землѣ страшный змѣй, который питался кровію животныхъ. Однажды змѣй этотъ послалъ по свѣту комара пробовать у животныхъ кровь, а должно замѣтить, что у комара языкъ въ то время былъ длиннѣе чѣмъ нынѣ; комаръ, постранствовавши по свѣту, прилетѣлъ къ змѣю.

— Ну комаръ, чья кровь слаще, спрашиваетъ змѣй.

— Кровь лошади слаще, отвѣчаетъ комаръ.

— Ступай еще, пробуй кровь у всѣхъ животныхъ—говорить змѣй.

Комаръ улетѣлъ.

Черезъ нѣсколько времени прилетаетъ комаръ и говоритъ змѣю, что человѣческая кровь слаще крови всѣхъ животныхъ на землѣ...

Комаръ не докончилъ рѣчи; въ это время прилетѣла ласточка и оторвала комару языкъ, чтобы онъ не говорилъ на человѣка. Комаръ полетѣлъ и запинькалъ; змѣй разсердился на ласточку и схватилъ ее за хвостъ; ласточка вырвалась изъ рукъ змѣя и оставила въ рукахъ его средину хвоста. И остался у ласточки хвостъ навсегда въ такомъ видѣ, въ какомъ нынѣ есть.

Ласточка у инородцевъ пользуется большимъ уваженіемъ, какъ приносящая съ собой счастье; поэтому подъ крышами куалы устраиваютъ гнѣзда изъ берестяныхъ ящичковъ, чтобы привлечь этимъ пернатыхъ къ своему жилищу. Понятно, что такое повѣрье воспринимаетъ ихъ убивать подъ страхомъ несчастья. Говорятъ, что ласточка въ куалѣ поетъ:

Кичивачи кичивачи кабачи
Камъ сутари Василей!
Кузонэ ветгли, Ваткае ветгли,—
Кусо вай, сюрло шетьтъ й.

Первые два стиха не имѣютъ никакого смысла, и послѣдніе два въ переводѣ гласятъ такъ:

Въ Казань ходила, въ Вятку ходила,—
Косу принесла, серпъ нашла.

---

*) По Глазовскому нарѣчію *Чибинь*.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ нами слышана такая пѣсенка ласточки:

Кичивачи каратурымъ,
Билямасынъ—кирякмасынъ...
Вятскихъ не тронь....

Эта пѣсенка сложена только для звукоподражанія пѣнію ласточки; она сложилась изъ нѣсколькихъ нарѣчій: татарскаго, русскаго и другихъ. На послѣднемъ словѣ «не тронь» дѣлается удареніе.

Ворона и голубь (куака и дыдыкъ). Ворона сказала голубю: «Экой ты дармоѣдъ! Только пшеницу ѣшь: сладко любишь». Голубь отвѣтилъ: «какъ мнѣ не ѣсть пшеницу? Сначала землю я нашелъ... *) Меня никто не убиваетъ, еще держать при домахъ, а тебя стрѣляютъ, всякій норовитъ убить: ты и цыплятъ таскаешь и посябанный хлѣбъ разрываешь».

Заяцъ и лягушка (лудъ-кечъ и эбѣкъ). Заяцъ жаловался на свою участь, говоря: «судьба моя—всякаго бояться! Кто меня не ѣстъ? Кто меня не гонитъ, не преслѣдуетъ? Нѣтъ, невыносимо! Лучше я убью самъ себя». Рѣшившись на самоубійство, онъ поскакалъ къ рѣкѣ, чтобы утопиться; а на берегу этой рѣки былъ огорождъ. Перескочилъ заяцъ чрезъ огорождъ и въ это время лягушка, испугавшись его, бросилась въ воду. «Э, да и меня бояться! сказалъ заяцъ, увидѣвши испугавшуюся лягушку, а я думалъ, что хуже моей участи не имѣетъ никакой звѣрь. Лучше буду жить, какъ живутъ другіе». И живетъ заяцъ на свѣтѣ, терпя всякія напасти.

Извѣждъ—время съ 20 іюня по 20 іюля. Кто не соблюдаетъ нитъ-вожо, у того градомъ бьетъ хлѣбъ на поляхъ; вообще, съ нимъ случаются какія нибудь несчастія.

Сказочная рыба. Во время оно была огромнѣйшей величины рыба. Однажды легла она поперекъ рѣки Камы въ три ряда и потопила городъ. Какъ быть? Люди думали, думали—рѣшили поставить на берегъ Камы бочку съ порохомъ; поставили ее и зажгли свѣчу; бочку закрыли шубой и ушли. Рыба думала, что на берегу

---

*(См. «Ноевъ ковчегъ».)

лежить животное и проглотила бочку. Когда огонь дошелъ до пороха—порохъ вспыхнулъ и рыбу разорвало. Такъ и спаслись люди отъ такого чудовища (Я. Г.).

Койка—баснословное животное. Былъ сильный звѣрь койкѣ (нынѣ ужъ нѣтъ его), и деревья толщиною въ поперечникѣ ломалъ онъ пинками какъ кусты. Въ одно время койкѣ былъ съ медвѣдемъ въ лѣсу и вели они рѣчь о человѣкѣ.

— Что за человѣкъ? спрашиваетъ койкѣ медвѣда.

— Человѣкъ—тоже животное да не нашего сорта, отвѣчаетъ медвѣдъ. Онъ проворенъ какъ лѣшій, хитеръ какъ чортъ.

Въ это время шелъ къ лѣсу старичекъ.

— Не онъ ли человѣкъ?

— Человѣкъ да старый.

Идетъ опять мальчикъ.

— Не онъ ли настоящій человѣкъ?

— Человѣкъ да малый.

Идетъ сопливый дуракъ лѣтъ 20.

— Не онъ ли человѣкъ?

— Человѣкъ да соплякъ.

Идетъ стрѣлокъ съ ружьемъ, топоромъ, ножомъ въ ножнахъ.

— Не онъ ли?

— Да, онъ,—говоритъ медвѣдъ; я съ нимъ борюсь.

— Тыфу! его стоитъ только пнуть—и онъ улетитъ за вершину елки, говоритъ съ презрѣніемъ койкѣ, плюнувши въ сторону человѣка и, смотря на вооруженіе его, продолжаетъ: «одно ребро длинное (т. е. ружье), другое—покороче (топоръ), третье—еще короче (ножъ). Какой онъ уродъ! Стрѣлокъ подошелъ къ койку; взялъ его за длинный хвостъ и обмоталъ имъ елку; потомъ отошелъ и разстрѣлалъ койку». Вотъ и уродъ! (Я. Г.).

Свинья и лошадь (парсъ и валъ). Свинья сказала: я человѣка погубила бы, да не могу смотрѣть кверху. Лошадь на это говоритъ: я тоже погубила бы человѣка, да зимой пропаду съ голоду. Гдѣ я найду корму безъ человѣка?

Мельница и музыка (вукъ и шудонъ). Мельницу сдѣлалъ діаволь, а музыку—ангелъ. Мельница діавола не стала дѣйствовать, а музыка ангела играетъ. Діаволу стало завидно. Вотъ діаволь говоритъ ангелу: «ангелъ! Давай ты мнѣ свою музыку, бери мель-

ницу». Ангелъ далъ ему мушкету и взялъ мельницу. У ангела мельница стала дѣйствовать (Я. Г.).

Кошка и векша. Эти животныя, во время оно, жили вмѣстѣ въ лѣсу. Однажды онѣ между собой изъ за чего-то разсорились и разодрались. Увидѣвъ это, вотякъ и говоритъ имъ: «идите жить ко мнѣ; у меня драться не будете». Векша говоритъ: «я не пойду, буду жить въ лѣсу». Вотякъ отвѣчаетъ ей: «если не пойдешь—мы будемъ стрѣлять васъ, векшъ, какъ рябчиковъ»; а кошка говоритъ, «возьми меня съ собой: здѣсь отъ звѣрей житья нѣтъ».—«Ладно», отвѣчаетъ кошке вотякъ: «я сдѣлаю тебя царемъ и судьей надъ мышами и хомяками». Кошка пошла за вотякомъ, а векша осталась въ лѣсу. Съ тѣхъ поръ вотяки векшъ стрѣляютъ какъ рябчиковъ, а кошекъ держать при себѣ. (Записано отъ крестьянина поч. Сур-совеля, Шарейнскаго прихода, Андрея Перевощикова).

Коза (кечъ). Діаволъ хотѣлъ умудриться сотворить челоуѣка и составилъ четвероногое животное съ рогами и бородой, но оно было безъ движенія: жизни въ немъ не было. Діаволъ старался, старался—животное не могъ оживить и бросилъ. Богъ дунулъ на животное и оно ожило. Вотъ съ той поры и появилась коза (Я. Г.).

Щавель или кисленица (кузьмѣ турѣнѣ). Травѣ этой нѣкоторые приписываютъ силу возбуждать въ челоуѣкѣ похоть, и поэтому иногда называютъ ее не очень скромнымъ названіемъ.

Блюцѣпта или *одноушьячная трава* (кечъ-сѣнъ «заячій глазъ»). Если кто увидитъ первый цвѣтокъ этой травки, долженъ травку съѣсть: у него во время страды не будетъ болѣть спина; но, чтобы съѣсть травку, надо сначала сказать: оств, инмаре! Медвѣзъ жаднъ кускъ (Господи, благослови! чтобы не болѣла спина); срывать же травку руками не слѣдуетъ: пользы не будетъ; а надо, откинувъ руки назадъ, кисть лѣвой руки взять въ кулакъ правой, потомъ наклониться къ землѣ, гдѣ стоитъ травка, взять ее въ зубы и съѣсть.

Желтая бабочка (чужъ бубылъ). Если увидишь въ первый разъ это наѣкомое, поймай ее, высуши, истолки въ порошокъ и скорми съ чѣмъ нибудь кобылицѣ. Кобылица принесетъ жеребенка—ниходя (юрго), за котораго въ продажѣ дадутъ большія деньги.

Косатка (зоръ поськы). Поймай эту птичку, зарѣжь ее, очисти перья, высуши и истолки. Этотъ порошокъ скорми вмѣстѣ съ ов-

самъ кобылицѣ; она принесетъ жеребенка сильнаго и быстрого въ бѣдѣ.

Шмель (мойсъ). Нѣкоторые, увидѣвши въ первый разъ шмеля, убиваютъ его и хранятъ при себѣ или въ домѣ. Это—амулетъ, предохраняющій отъ несчастя.

Земляныя пчелы (музей-мумъ). Извѣстно, что пчелы раздѣляются на земляныхъ (совершенно дикихъ) и бортевыхъ: первыя жилище устраиваютъ въ горахъ, гдѣ и дѣлаютъ соты для меду, а послѣднія—соты лѣпятъ въ бортахъ и ульяхъ. Медъ земляныхъ пчелъ вотское повѣрье воспрещаетъ ѣсть; говорятъ, что кто съѣстъ хотя небольшой кусочекъ меду земляныхъ пчелъ или разрушитъ ихъ жилище, тотъ будетъ пораженъ слѣпотой. Напротивъ, медъ бортевыхъ пчелъ служить еще отличнымъ лекарствомъ въ опасныхъ болѣзняхъ; напримѣръ, если кто сдуритъ отъ укушенія бѣшеной собаки, покорми трехлѣтнимъ медомъ и больной выздоровѣетъ.

Черные тараканы пользуются уваженіемъ какъ и ласточки. Они обыкновенно выходятъ изъ своихъ убѣжищъ ночью, днемъ же скрываются, не показываясь людямъ. «Черные тараканы живутъ въ счастливомъ домѣ», говорятъ Вотяки.

Молочайная пусеница сѣраго цвѣта. Насѣкомое залетаетъ въ комнату при свѣтѣ огня вечеромъ. Ее называютъ *кулакъ-муртъ буylim*, т. е. бабочка покойниковъ. Убивать ее воспрещается подл страхомъ наказанія, посылаемаго умершими.

Синеватое пятно на тѣлѣ. Если на тѣлѣ появится синеватое пятно около гривенника шириной, то говорятъ «кулакъ-муртъ-родня чепыльть изъ», т. е. уцѣпнулъ покойникъ-родственникъ.

Мизгирь (ченарі). Кто убьетъ мизгиря лбомъ, тому простятъ 40 грѣховъ.

Плуты домашній (атакъ). Шайтаны боятся пѣнія пѣтуха, какъ самого Бога. Въ одной деревнѣ рассказывали намъ такъ: хозяинъ съ хозяйкой уѣхали въ гости, а домовничать остались дѣти ихъ—братъ съ сестрой. Комнатъ въ домѣ было около пяти, такъ какъ домъ былъ въ нѣсколько стѣнъ. Двери въ каждую комнату были, заперты благословясь, поэтому шайтаны ихъ ужъ не могли отпереть. Было около полуночи; братъ съ сестрой сидѣли въ передней, въ ожиданіи отца и матери; вдругъ слышатъ въ дальней комнатѣ

стукъ въ дверь, какъ будто стучить человѣкъ, просаясь въ другую комнату; между тѣмъ тамъ никого не было. Братъ съ сестрой сидятъ и со страху блѣднѣютъ, какъ полотно, а стукъ не прекращается. Вотъ слышать они, что дверь кто-то грызетъ; прогрызъ, вѣроятно, дверь, пролѣзъ въ отверстіе и подошелъ къ другой комнатѣ; опять стучить. Братъ съ сестрой не молвятъ ни слова. Опять грызетъ дверь. Тутъ они вздумали о пѣтухѣ, пѣніе котораго, какъ они слышали, отгоняетъ нечистую силу, какъ солнце темноту. Взяли они сковороду; навалили ее огнемъ и поставили на нее пѣтуха, который былъ съ курицами подъ заваломъ (это было зимой). Пѣтухъ запѣлъ ку-ку-реку! и шайтанъ исчезъ. А прогрызъ было и другую дверь, подошелъ къ послѣдней.

Радуга (ву юбсь). Вѣги къ одному изъ концовъ радуги; если добѣжишь—найдешь котель съ деньгами.

Сверное сіяніе. Это явленіе природы, по повѣрью, служитъ предзнаменованіемъ кровопролитной войны.

Комета (быжо казилъ). Міръ долженъ ожидать какого нибудь несчастія. Несчастія будутъ болѣе тамъ, куда будетъ обращена комета. ❧

Внезапный свѣтъ среди ночи. Кого освѣтитъ среди ночи внезапный свѣтъ, какъ отъ молніи, тотъ долженъ просить у Бога желаемого счастья. Одинъ человѣкъ, говорятъ, сказалъ при этомъ «душъ шудъ» (счастіе въ семьѣ, т. е. просилъ онъ размноженія своей семьѣ), а Господь понялъ иначе, именно: будто Ему послышалось слово «тушъ шудъ» (счастье въ бородѣ), и Богъ отпустилъ ему бороду до колѣнъ. Нѣкоторые говорятъ, что это небо отвергается, показываетъ Богъ грѣшнымъ рай, чтобы они благочестивой жизнію готовили для души своей мѣсто въ раю.

Собака (пунъ). Собаки весьма живучи. Если убьешь собаку палкой или рычагомъ—орудіе оставь на ней; иначе она оживетъ. Охотничьей собакѣ, бѣгущей съ охотникомъ, покажи, забѣжавши впередъ, кукишъ изъ-промежъ ногъ,—и собака въ этотъ день будетъ лишена всѣхъ способностей къ открытію звѣря и вообще дичи.

Звѣзда (кизилъ). Чья овца вдругъ захворала такъ, что пришла въ состояніе пораженнаго параличемъ, то говорятъ, что на овцу упала звѣзда (кизили усъвъ).

Щука (чипей). Въ эту рыбу часто оборачиваются Бу-Муртъ, по-

этому, если ночью во время рыбачества острогой увидишь въ рѣкѣ большую щуку, лежащую головой къ берегу—не тронь ее: Ву-Муртъ пританежъ къ себѣ. О такомъ повѣрьи мы слышали слѣдующій рассказъ: осенью два рыбака рыбачили острогой на рѣкѣ и увидѣли огромную щуку, лежащую головой къ берегу; а они слышали, что такую рыбу трогать нельзя. Проплыли они рыбу и спустились книзу. Порыбачили кое гдѣ и вернулись обратно мимо той же щуки. Она все лежитъ на старомъ мѣстѣ. Одинъ изъ нихъ, держащій острогу, ударилъ въ рыбу... Вдругъ на рѣкѣ поднялись волны и острогу унесло въ воду. Рыбаки живо причалили къ берегу и вышли; взошли на берегъ и тамъ одинъ изъ нихъ снялъ съ себя сукманъ и накрылъ имъ пенъ, стоящій, къ счастію ихъ, тутъ же на берегу; отошли сколько могли дальше; обвели около себя черту и стоятъ—смотреть въ сторону сукмана. Вдругъ глазамъ ихъ представилось страшное зрѣлище: изъ воды выходитъ съ острогой въ рукахъ не то человѣкъ, не то звѣрь... Подошелъ къ пню и ударилъ въ него острогой; подъ сукманомъ очутился пенъ. «А, догадливы!» сказала чудовище и, оставивъ острогу, ушло опять въ воду.

— Кто же это былъ? спросилъ слушающій рассказчика.

— Кто, какъ не водяной (Ву-Муртъ). Счастливые еще, что знали, какъ поступить въ такомъ случаѣ, а не то водяной прокололъ бы острогой насквозь.

Утопленникъ. Если утопшій на днѣ рѣки не отыскивается долго, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ставятъ на воду горшокъ съ иконой Св. Николая съ зажженной вѣнчалной свѣчей. Горшокъ, говорятъ, останавливается надъ утопшимъ и поэтому находятъ его легко.

Человѣческая кровь (адами вѣръ). Гдѣ пролита человѣческая кровь, тамъ силится? (пѣртмаскѣ) кровь человѣческая, пролитая рукой убійцы,—вопіетъ объ отмщеніи и, обыкновенно, рано ли, поздно ли, убійца будетъ наказанъ.

Лихорадка (кезекъ-ѣнтъ). Одержимый лихорадкой въ весеннее время долженъ перейти бродомъ рѣку и, снявши съ себя рубаху, оставить ее на другомъ берегу, а самъ долженъ перейти нагпмъ, не оглядываясь назадъ. Тогда лихорадка прекращается.

Новый огонь (вильтыль). Эта стихія получается треніемъ сухаго дерева о такое же дерево и приложеніемъ къ задымившемуся

мѣсту трута. Если въ домѣ какое нибудь несчастье, наприимѣръ болѣзни, то новый огонь возстановить здоровье.

Покойника. Во время повальныхъ болѣзней, оканчивающихся смертію, надо вынести покойника, вопреки обыкновенію, головой впередъ и послѣ того болѣзнь прекратится.

Яичная скорлупа. Шайтанъ грозы боится; если взойдетъ туча онъ ищетъ мѣста вездѣ и находитъ убѣжище только въ яичной скорлупѣ, изъ которой выпита смятка чрезъ небольшое отверстіе. Поэтому яичную скорлупу слѣдуетъ разбивать по крайней мѣрѣ пополамъ, чтобы Шайтанъ не могъ отъ грозы скрываться въ ней. Яичныя скорлупы женщины бросаютъ въ рѣчку, чтобы журицы не перестали нестись.

Чортъвъ палецъ (Бу-Муртъ чиньы). Находимому въ водѣ съ-рому камню цилиндрической формы величиною съ палецъ приписываются чудесныя свойства заживлять раны; для этого камень, скобля ножомъ, обращаютъ въ порошокъ и этимъ порошкомъ посыпается порѣзанная рана.

Млечный путь (зязесъ егоресъ). Если бы не было этой дороги, то дикіе гуси, при перелетѣ съ запада на сѣверъ и съ сѣвера на западъ, могли бы заблудиться и оттого перевелись бы всѣ.

Рядовой червь (вись нумыръ). Повѣрье объ этомъ червѣ позаниствовано, вѣроятно, отъ русскихъ или, наоборотъ, русскіе позаниствовали отъ вотяковъ, такъ какъ тѣми и другими этому червю приписываются одинаковыя свойства вліять благотворно на жизнь человека.

Грозовая стрѣла (чапшемъ кэлы). Приписываютъ тоже благотворныя свойства. По повѣрью русскихъ, громовая стрѣла съ молніей уходитъ въ землю и оттуда выходитъ уже черезъ три года.

Жаба (эбёкъ)—болѣзнь въ горлѣ. Кто желаетъ избавиться отъ этой болѣзни, тотъ по три утра и вечера подходитъ къ ретирадному мѣсту и лижетъ языкомъ уголь; при этомъ говорить: «проглочу сортиръ со всѣми находящимися въ немъ нечистотами». Также иные подходятъ къ елкѣ и, вдыхая въ себя воздухъ, говорить: «проглочу елку внизъ вершиной». Этимъ, говорятъ, избавишься отъ горловой болѣзни. Нѣкоторые вырѣзываютъ изъ бересты подобіе лягушки и привязываютъ къ больному мѣсту. Говорятъ, что иные въ болѣзни этой ѣдятъ лягушку какъ лекарство.

Шершень (шеккчъ) Шершень гнѣздится въ дуплахъ старыхъ деревь. Если это насѣкомое ужалитъ человѣка, однихъ съ нимъ лѣтъ, то человѣкъ умретъ.

Изношенный лапотъ (исни-куть). Колдуны бросаютъ изношенный лапотъ въ трубу и таковой, оборотившись въ сороку, вылетаетъ чрезъ трубу и напускаетъ болѣзнь на человѣка, къ которому посылаетъ колдунъ. Вернувшись обратно, сорока оборачивается опять въ лапотъ.

Бык и корова (опшъ и скаль). Кто услышитъ отъ этихъ животныхъ звукъ, каковой онѣ издадутъ отъ находящагося въ заднепроходныхъ кишкахъ воздуха, тотъ человѣкъ, т. е. услышавшій звукъ, умретъ. Если же человѣкъ не умретъ, то животные сами околѣбуютъ. [ ]

Вихрь (тѣмъ перй). Въ вихрѣ ходитъ лѣшій. Если сказать вихрю: «чортъ, разметай крышу!»—то вѣтеръ разбросаетъ крышу, даже дѣлую избу. Такое повѣрье существуетъ и у русскихъ. Вотяки Сарапульскаго уѣзда во время бурь приносятъ Нюлесь-Мурту въ жертву утокъ. Въ Глазовскомъ уѣздѣ повѣрье говоритъ, что во время бури надо выйти во дворъ и кричать: «дѣдушка (лѣшій), не тронь меня» и буря не будетъ касаться строения.

Человѣческіе волосы. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Сарапульскаго уѣзда нами слышаны весьма странныя повѣрья о человѣческихъ волосахъ, угодныхъ, будто бы, Шайтану. Это повѣрье основано по на преданіи о кладахъ, требующихъ человѣческой головы. Нѣкоторыя вотскія деревни пользуются недоброй молвой о приносящихъ въ жертву людей, которыхъ, по повѣрью, требуетъ Шайтанъ за предлагаемые имъ клады. Но такъ какъ кровь человѣка воиетъ объ отмищеніи, то, говорятъ, иные срѣзываютъ съ человѣка только [ ] прядь волосъ [ ] и приносятъ ее въ жертву Шайтану. Человѣкъ, лишившійся своихъ [ ] волосъ, не проживетъ и трехъ дней. Объ одной изъ вотскихъ деревень намъ рассказывали такъ: срывались отъ Пугачева богатые купцы; одинъ изъ такихъ купцовъ (одни говорятъ—онъ былъ русакъ, другіе—татаринъ) и попался въ лапы Вотяковъ и они рѣшили его убить, чтобы [ ] раздѣлить между собой капиталъ. Купецъ просилъ оставить душу на покаянне, отдавалъ всѣ деньги, но они остались неумолимы. Тогда купецъ передъ смертію имъ сказалъ: «будьте вы и внуки, и правнуки ваши

и весь родъ вашъ прокляты на землѣ! Дай Богъ такимъ дѣломъ (убійствами) заниматься вашему роду вѣчно, пока будетъ существовать вашъ родъ! И сколько у меня на головѣ волосковъ, столько бы человекъ погубить вамъ». Послѣ убіенія этого купца, будто бы, они и начали убивать людей, а не убивать нельзя: нечистая сила вертитъ, крутитъ ихъ какъ нитку, требуя человека. Разсказъ этотъ конечно—басня, основанная на какомъ нибудь повѣрьи или преданіи о кладахъ, требующихъ въ жертву людей. Естественно, что если бы существовалъ подобный обычай жертвоприношенія, то рано ли, поздно ли—преступленіе было бы уже обнаружено.

Собачье ухо (пуны-нѣль). Эта часть головы служить, по повѣрью, лекарствомъ для самой же собаки. Въ предотвращеніе бѣшенства или въ началѣ таковаго, если не прошло еще время, слѣдуетъ обрѣзать ухо у собаки, изрубить его и искрошить самой собаке съ хлѣбомъ. Собака не будетъ дурѣть.

Первый громъ (гудырѣ). Если услышишь первый громъ весной, валяйся на землѣ какъ пьяный: этимъ избавишься отъ спинной боли во время страды.

Ежъ (чущь-яль). Это животное, по повѣрью, рыло показываетъ человеку только къ несчастью.

Смерть (езель). Жилъ былъ человекъ и пришла ему на умъ смерть. Смерти онъ не боялся, напротивъ, желалъ умереть, потому что жизнь на этомъ свѣтѣ ужасно надоѣла. Думалъ, думалъ—рѣшилъ сдѣлать гробъ. Сдѣлалъ его изъ крѣпкаго дерева и смотреть—любуется; говорить: «жилъ я на свѣтѣ—всего желалъ: и денегъ, и имѣнья, и строенія; одно меня не удовлетворяло, другого было мало, третье не нравилось; а теперь, если умру—ничего кромѣ этого домовища не надо». Вдругъ пришла къ нему смерть и спрашиваетъ:

— Что это ты сдѣлалъ?

— Гробъ: умирать хочу, отвѣчалъ человекъ.

— Я—смерть; ложись въ гробъ, душу твою возьму.

— У человека опять отошла охота умереть.

— Напрасно я сказалъ смерти, что хочу умереть; пожилъ бы на этомъ свѣтѣ годъ, другой, можетъ быть на томъ свѣтѣ жизнь будетъ еще хуже.

Такъ помысливъ въ себѣ человекъ при видѣ смерти и, чтобы запретъ въ гробъ смерти, говорить ей:

— Ложись-ка въ гробъ, помѣрай его; если тебѣ не будетъ въ немъ тѣсно—и мнѣ ладно,—значить, я угадалъ; лягу въ него и ты возьми мою душу.

Смерть легла въ гробъ человѣка, и человѣкъ закрылъ гробъ. Смерть сколько не билась—вылѣзть не могла.

Человѣкъ положилъ гробъ на полку и чрезъ нѣсколько времени перенесъ его въ чуланъ, который и заперъ.

Прошло съ того времени сорокъ лѣтъ. Человѣкъ сгорбился, одряхлѣлъ, и жизнь ему опостылѣла. Отперъ онъ чуланъ, гдѣ находился гробъ со смертію, открылъ гробъ и видитъ смерть чуть живой; на ней только сухія кости да безцвѣтная кожа.

Смерть поправила здоровье и съ голоду начала косить людей. Если бы ее не выпустилъ старикъ,—она все бы тутъ была. (Кат. Ис.)

Козелъ (кечъ). Отруби у козла хвостъ и онъ не можетъ перескочить черезъ заборъ и прыска въ огородъ ѣсть капусту.

Печь (гуръ). Извѣстно повѣрье не только у вотяковъ, но и у Русскихъ, что печь недоступна для нечистой силы. На этомъ повѣрьи основаны различные рассказы, касающіеся простой русской печи, гдѣ обыкновенно пекутъ хлѣбъ. Вотъ одинъ изъ такихъ рассказовъ, слышанный нами около Сарапульско-Глазовской границы за селомъ Большой Пургой.

Въ одномъ изъ волостныхъ правленій Глазовскаго уѣзда въ сторону по ночамъ *сильлось* сильно, такъ что одному ночью оставаться въ комнатахъ правленія иногда было опасно. Однажды (это было въ какой-то праздникъ) всѣ волостные начальники и писаря, а за ними и разсылные ушли пировать,—остался только одинъ сторожъ - старикъ изъ отставныхъ солдатъ, который былъ не очень трусливъ, какъ прошедшій на службѣ сквозь огонь и воду. Были сумерки. Сторожъ лежалъ на печи и, кажется, курилъ трубку. Вдругъ входитъ къ нему въ сторожевскую съ шумомъ исправникъ и кричитъ: «гдѣ голова (должность, соответствующая нынѣшнимъ старшинамъ)? Я подъ судъ его отдамъ... въ Сибирь упеку!» Походилъ, походилъ—обратился къ сторожу «слѣзай съ печи, негодий! ступай за головой!» Сторожъ хотя и былъ не изъ того десятка, который называютъ трусливымъ, однако при такомъ страшномъ привидѣніи трухнулъ не мало. Онъ зналъ, что исправнику

быть нельзя, и что если бы и былъ исправникъ, то, во всякомъ случаѣ, въ сторожевскую бы не зашелъ да и прѣхалъ бы онъ съ никомъ—въ повозкѣ и съ колокольцами. Это, заключилъ онъ, нѣтъ иной какъ духъ, привидѣніе. Избави Богъ сойти съ печи!

И онъ рѣшилъ не только не сходить съ печи, но и слово молвить стелъ опаснымъ; да и языкъ-то у него со страху прильнулъ къ гортани. Исправникъ-бѣсъ походилъ, походилъ—и вышелъ; а сойди сторожъ съ печи—бѣсъ задавилъ бы его.

Неотпѣтый покойникъ. Покойникъ, если не будетъ отпѣтъ, въ землѣ не гниетъ и духъ его блуждаетъ по землѣ, не находя покоя. По временамъ духъ его входитъ въ тѣло и горюетъ тамъ.

Касательно такого повѣрья мы слышали слѣдующій разсказъ:

Богачъ построилъ огромный домъ, да жить въ немъ стало вовсе нельзя: около полуночи бывало идетъ въ домъ колодникъ, гремя кандалами и наводитъ на хозяевъ необычайный страхъ. Никакіе запоры, никакіе замки не спасаютъ отъ такого привидѣнія, все при появленіи его разлетается въ пухъ и прахъ. Хозяинъ бросилъ домъ и заколотилъ всѣ двери и окна. Однажды по какому-то случаю хозяинъ означеннаго дома зашелъ въ кабакъ и тамъ у стойки увидѣлъ пьяницу, просящаго вина въ долгъ ради Христа: съ похмѣлья онъ дрожалъ какъ отъ лихорадки. Богачъ, ради шутки, говорилъ пьяницѣ: «выживи изъ моего дома нечистую силу — и я тебѣ дамъ денегъ».

— Выживу, только опохмѣли меня сейчасъ-же—говорить пьяница.

Богачъ опохмѣлилъ пьяницу и разсказалъ ему сущность дѣла о заброшенномъ домѣ.

Пьяница говоритъ:

— Возьми для меня штофъ водки и довольно: я съ тебя больше просить не буду.

— Когда же пойдешь ты выживать?

— Завтра.

— Днемъ?

— Нѣтъ; уйду туда къ ночи и буду ждать нечистую силу. Къ сумеркамъ ты принеси туда листъ бумаги, свѣчу, водки со стаканомъ и уйди, а я, оставшись, буду тамъ дѣлать свое дѣло.

Сказано—рѣшено.

Богачъ вечеромъ слѣдующаго дня отперъ домъ, принесъ туда все, чего требовалъ пьяница и вышелъ; а пьяница, оставшись одинъ, какъ пришла ночь, зажегъ свѣчу и сѣлъ къ столу писать имена людей.

Сидитъ онъ—пишетъ имена и выпиваетъ, а вина принесъ богачъ цѣлую четверть; не хочешь да пей, только не заливайся; впрочемъ, пьяницу учить было ненужно: онъ зналъ, какъ надо пить вино и хоть его называли пьяницей, но до безчувствія не напивался. Вотъ около полуночи, когда, вѣроятно, пьяница записалъ на бумагу имя колодника, въ сѣняхъ застучали и забрякали кандалы... входитъ въ избу колодникъ... жутко пьяницѣ!... хотя и шумитъ у него въ головѣ, морозъ всетаки пробѣгаетъ по кожѣ. Колодникъ подошелъ къ пьяницѣ, взглянулъ черезъ лѣвое плечо и сказалъ: «отпой же меня!» и съ этими словами вернулся назадъ. Пьяница взялъ свѣчу и пошелъ за колодникомъ. Колодникъ, дошедши до рундука, исчезъ. У пьяницы въ головѣ мелькнула мысль, что подъ рундукомъ что нибудь есть. Вернулся на свое мѣсто и началъ распирать. Повеселѣло у него на сердцѣ и онъ запѣлъ; видѣній больше не было. Уснулъ пьяница на полу и проспалъ чуть не до обѣда.

Богачъ, между тѣмъ, ждалъ пьяницу и думалъ, что онъ уже не живъ; но вотъ является къ нему пьяница и говорить.

— Скажи: слава Богу!

— Слава Богу! ну что?

— Ничего кромѣ хорошаго нѣтъ.

Тутъ онъ разсказалъ подробно о явленіи колодника, о словахъ его и исчезновеніи на рундукѣ и заключилъ, что вся суть привидѣнія находится подъ рундукомъ.

Богачъ пригласилъ мастера, разобрали рундукъ и тамъ нашли камень; подъ камнемъ нора, идущая въ землю отвѣсно. Наняли землекопа и стали копать, пока не докопались до колодника въ кандалахъ. На трупѣ его не было и признаковъ разложенія: щеки горѣли румянцемъ, словомъ онъ былъ спящій. По распоряженію ли начальства или по просьбѣ богача, трупъ этотъ священникъ отпѣлъ и совершилось чудо: трупъ колодника превратился въ прахъ. Послѣ этого никакихъ видѣній болѣе не было; богачъ опять перешелъ на житье въ домъ, а пьяницу наградилъ щедро.

Послѣря о лунѣ. Смотри на луну, молодежь говоритъ: «тутъ стоитъ дѣвица съ ведрами» и это объясняютъ такимъ разсказомъ: была несчастная дѣвица, которую въ семьѣ не любилъ никто; били ее, какъ собаку, каждый день, ругали, бранили и человекомъ не считали. Однажды ночью ее посылаютъ за водой на ключъ. Она не идетъ,—говоритъ, что боится ночью; ее выпроваживаютъ пинками, тычками.... На улицѣ было свѣтло, хоть книгу читай: луна на небѣ блестяла, какъ серебряная тарелка. Дошла она, дѣвица, до угара и видитъ: съ неба спускается желѣзная цѣпь съ чашей, какъ у вѣсовъ. Она сѣла на эту чашу и поднялась на луну. Вотъ и живетъ-блаженствуетъ она тамъ, смотря на земной міръ.

Вызываніе души мертворожденного младенца. Объ этомъ вызваніи авторъ передаетъ со словъ очевидца—священника Сосновской церкви, о. Василія Богданова.

— Приѣзжаетъ ко мнѣ, разсказывалъ о. Василій, для напутствованія больной прихожанинъ - вотякъ и торопитъ меня, увѣряя, что женщина лежитъ при смерти. Медлить я не стала, сѣлъ и поѣхалъ съ нимъ въ деревню. Приѣхали въ деревню, вѣхали во дворъ. Ямщикъ мой остался во дворѣ выпрягать лошадь, а я зашелъ въ избу. Въ углу избы при входѣ въ нее я замѣтилъ что-то *особенное* и узналъ, что женщина разрѣшилась при самомъ моемъ входѣ въ избу отъ бремени, родивши неживаго младенца. А такъ какъ отдѣльныхъ комнатъ не было, то я, чтобы не поставить бабушку и роженицу въ неловкое положеніе своимъ присутствіемъ, долженъ былъ бы удалиться. Но выйти изъ избы обратно я не могъ, такъ какъ долженъ былъ проходить мимо бабушки и роженицы; впрочемъ, я могъ выйти, но иначе, какъ только спиной къ мѣсту, гдѣ находилась роженица, или закрывши глаза, а это я нащелъ для себя неудобнымъ. Что дѣлать? Этотъ животрепещущій вопросъ въ моментъ разрѣшаетъ блеснувшая въ умѣ мысль—стоять до времени лицомъ къ стѣнѣ. Итакъ, я стою у стѣны. Вдругъ кто-то взобрался на печь... открылъ трубу и, сошедши опять съ печи, началъ ударять сильно въ желѣзную заслонку какимъ-то попавшимъ въ руку орудіемъ; а бабушка-вотячка, вѣроятно, покачивая неживаго младенца въ рукахъ, заговорила во всеуслышаніе, не стѣсняясь меня: «перевѣсь! дядяёсь! лулзэ сѣтэ» (старика! братья (умершіе)! душу дайте). Ре-

бенокъ заревѣлъ. Въ голосѣ бабушки слышались страхъ, надежда и вѣстѣ сомнѣніе.

Сомнамбулисты. Между инородцами нерѣдко встрѣчаются и одержимые сомнамбулизмомъ, но причины этой болѣзни неизвѣстны. Укажемъ для примѣра на одного изъ сомнамбуловъ. Во время квартированія моего въ домѣ причетника Сосновской церкви, изумилъ меня своимъ «хожденіемъ во снѣ» крестьянинъ-вотакъ изъ дер. Ныромури, Тимоеей Михайловъ. Было около полуночи; я, пишущій эти строки, спалъ уже такимъ сномъ, въ какой погружаются только утомленные усидчивымъ трудомъ. Все кругомъ было тихо, безмятежно, какъ будто подъ обаяніемъ волшебной силы. Вдругъ я былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ въ дверь моей квартиры. Сначала, конечно, я не обратилъ на это вниманія, думая, что это продѣлки вѣтра надъ ветхой крышей; но когда стукъ повторился нѣсколько разъ, я долженъ былъ соскочить съ постели и подойти къ двери; спрашиваю: кто тамъ? Голосъ знакомый... Отперъ и вижу: предо мной стоитъ Тимоеей Михайловъ, ночующій у причетника. «Что тебѣ надо, Тимоеей?» спрашиваю я его, желая скорѣе узнать цѣль его прихода. Въ отвѣтъ на это ничего опредѣленнаго онъ не сказалъ, а только пробормоталъ что-то про себя и вернулся опять. Чрезъ минуту я услышалъ провѣдать его въ домъ причетника. Захожу въ домъ... Тихо, всѣ спятъ крѣпко; посмотрѣлъ на Тимоеея Михайлова — онъ тоже спитъ. Утромъ я призываю его къ себѣ и спрашиваю, зачѣмъ онъ приходилъ ко мнѣ ночью? Получаю отвѣтъ: «ночью?... зачѣмъ?... я не ходилъ». Спрашиваю товарищей, и товарищи говорятъ, что онъ нигде не выходилъ, а все спалъ съ ними. Изъ этого я понялъ, что Тимоеей Михайловъ одержимъ сомнамбулизмомъ.

Объ одной женщинѣ мнѣ рассказывали, что она во время крѣпкаго сна вдругъ встаетъ съ постели, беретъ прясницу и начинаетъ пряхъ; потомъ, поправши, опять ложится и погружается въ такой же сонъ. Утромъ спрашиваютъ ее, но она не помнитъ. Въ починѣ Новонолинскомъ, среди Вотяковъ Большепургинскаго прихода, есть женщина русская, которой сомнамбулистическіе поступки весьма странны. Женщина эта во время сна соскакиваетъ съ постели и принимается за стиральню — какъ на яву, совершенно здоровая и, постряпавши, ложится спать; видя ее въ такомъ положеніи, семей-

ные говорить съ ней считаютъ для нея вреднымъ. Припадки сомнамбулизма встрѣчались съ ней болѣе предъ прїѣздомъ или послѣ отъѣзда гостей; поэтому семейные говорили, что стряпаетъ она для гостей, которыхъ видитъ во снѣ.

Преданіе о томъ, почему вотяки начали приносить въ жертву жеребятъ. Въ древнія времена вотяки не приносили въ жертву жеребятъ. Вѣрѣ было много на землѣ; каждый народъ молился по своему. Вдругъ въ одно время вездѣ сдѣлалось темно; всякій думалъ, что наступило время представленія свѣта и начали молиться каждый народъ по своему—просить у Бога свѣта. Въ числѣ прочихъ молились и вотяки; молились они, просили свѣта, но свѣта все нѣтъ. Вотъ одинъ ворожецъ сталъ гадать. Углубившись въ свои мысли, онъ долго ничего не говорилъ, какъ будто бесѣдовалъ съ духомъ предвѣденія. Погадавши, наконецъ, сказалъ: «надо принести въ жертву жеребенка». Принесли—и стало свѣтло. Съ той поры вотяки начали приносить въ жертву жеребятъ. Преданіе это записано со словъ крестьянина Шаркинского прихода, Якова Степанова.

Туно (ворожецъ - прорицатель). Такъ какъ ворожецъ между инородцами играетъ главную роль въ ихъ вѣрѣ и обрядностяхъ, то нелишне будетъ познакомить съ нимъ. Ворожецъ, Туно, пользуется большимъ авторитетомъ: по его предсказанію избираютъ въ жертву животныхъ; онъ указываетъ мѣсто, гдѣ какому божеству, должно принести жертву и что требуется принести; гдѣ больного постигла болѣзнь; кто виновникъ болѣзни, кто испортилъ больного; какія черты этого человѣка, цвѣтъ волосъ и проч.; кто укралъ потерянное. Ворожцу дарятъ разные подарки и, если что по слову его исполнится, онъ получаетъ большую извѣстность. Они обыкновенно уважаются народомъ; пользуясь уваженіемъ, иные ведутъ себя гордо, вполнѣ сознавая свои достоинства прорицателей. Изъ нихъ очень немногіе посѣщаютъ церковь. Не будь ихъ среди инородцевъ — чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ языческіе обычаи вотяками забылись бы навсегда.

Между ворожцами-прорицателями были прежде и заговаривающіе отъ злыхъ собакъ и вообще отъ всѣхъ хищныхъ звѣрей и змѣй. Первые на сколько были для прочихъ злы, на столько же кротки для знатоковъ, а ядовитыя змѣи, положенныя за па-

зуху, не дѣлали никакого вреда. Знатоки, ради путки, останавливали свадебный поѣздъ, тушили пожары, заставляли воровъ украденное приносить обратно; застилали путь проѣзжихъ туманомъ и проч. Волшебныя знанія они получали отъ своихъ же единоплеменниковъ-знатоковъ чрезъ странныя видѣнія. Вотъ какъ объ этомъ передавали намъ на границѣ Глазовскаго уѣзда: былъ въ Глазовскомъ уѣздѣ такой знатокъ, какой еще едва ли будетъ: онъ застилалъ дорогу туманомъ, вызывалъ духовъ, сушилъ лѣса, звѣрей и птицъ собиралъ въ одно мѣсто,—словомъ былъ мастеръ на всякіе фокусы. Позавидовалъ ему одинъ человѣкъ и пожелалъ учиться у него волшебнымъ наукамъ. Знатокъ вызвалъ его за околицу и говоритъ:

— Будешь ли исполнять то, что я тебѣ велю?

— Буду.

— Проклинай отца, мать, солнце, луну, звѣзды, землю и весь бѣлый свѣтъ.

Клятва была произнесена.

Предъ ними явился необыкновенной величины заяцъ и разинулъ пасть.

— Ну, залѣзь въ пасть этого звѣря,—говоритъ знатокъ.

Ученикъ сунулъ голову въ пасть зайца и зайца стало не видно.

Потомъ явилась лисица, разинула пасть. Волшебникъ приказалъ сунуть голову въ пасть этого звѣря и приказаніе было исполнено; затѣмъ приближалъ волкъ и тотъ тоже сунулъ голову въ пасть его. Наконецъ, явился страшной величины медвѣдь, сталъ на дыбы и разинулъ пасть. Ученикъ со страху палъ въ обморокъ. Когда же онъ пришелъ въ чувство—ни волшебника, ни звѣря уже не было. Вскорѣ послѣ этого желающій быть волшебникомъ сошелъ съ ума и блуждалъ по лѣсамъ какъ звѣрь.

— Откуда же вотскіе волшебники взяли свои науки? спросилъ я одного изъ переселившихся уже въ вѣчность стариковъ, который охотно рассказывалъ о предметахъ, интересующихъ этнографа.

— Были давнымъ давно, сказалъ онъ, три брата—искатели приключеній, не имѣвшіе ни кола, ни двора. Лѣнь и мотовство ихъ довели до того, что они готовы были рѣшиться на все, лишь бы получить матеріальныя средства, лежа на боку. Ходили-бродили они вездѣ, ища такого человѣка, который бы поучилъ ихъ какъ нахо-

дить легко деньги. Нашелся, наконецъ, такой человѣкъ и указалъ имъ мѣсто въ дремучемъ лѣсу, сказавъ, что тамъ живутъ знатоки, получающіе деньги «съ вѣтру». Дошли они до этихъ знатокъ черезъ путевода и увидѣли среди лѣса огромной величины каменный домъ. Зашли они въ этотъ домъ и ихъ приняли какъ гостей.

— Зачѣмъ пришли къ намъ? спрашиваютъ знатоки.

— Мы люди бѣдные, сказали они, ищемъ добрыхъ людей, которые бы помогли намъ въ нуждѣ.

— Хорошо, мы поможемъ вамъ, только будете ли исполнять то, что мы велѣмъ вамъ?

— Будемъ.

— Проклинайте весь міръ и мать, которая родила васъ.

Братья проклинали.

Знатоки добыли изъ безымяннаго пальца каждого крови, обмарили ею лоскутки бумаги и таковыя прибили къ стѣнѣ вмѣсто картинъ; и сказали знатоки тремъ братьямъ:

— Кто изъ васъ будетъ думать о Богѣ—кровь его почернѣетъ и мы выстрѣлимъ изъ ружья въ эту кровь; тогда душа того человѣка, чья кровь, будетъ томиться въ сильной тоскѣ и человѣкъ умретъ. Чья кровь будетъ алая—значить, о Богѣ не думаетъ и будетъ счастливъ на землѣ.—Затѣмъ знатоки повели ихъ въ какое-то темное мѣсто для поклоненія статуѣ сатаны. Какъ растворились двери—предъ ними предсталъ сатана ужаснѣйшаго вида. Два брата обмерли, а третій не упалъ духомъ, поклонился сатанѣ и получилъ 30 серебряныхъ рублевиковъ. Кому ихъ не отдастъ—они все идутъ къ нему обратно; что ни купить на нихъ, они все въ карманѣ. Это и значить получать деньги «съ вѣтру»; такъ прожилъ онъ вѣкъ въ свое удовольствіе. Умеръ онъ и душа его переселилась на жительство къ сатанѣ, статуѣ котораго поклонился онъ.

— Что же сдѣлалось съ братьями? спросилъ я рассказчика.

Ихъ прогнали знатоки безчестнымъ образомъ, отвѣтилъ онъ.

Какіе были это люди и въ какихъ лѣсахъ—никого объ этомъ не говоритъ. Подобные же рассказы, но въ другомъ смыслѣ, слышаны были нами и отъ русскихъ. Последніе называютъ ихъ, знатокъ, «фармазонами».

Пычкосъ. Колдуны раздѣляются на нѣсколько категорій. Между

ними особенно страшны колдуны, напускающіе болѣзни по вѣтру. Какой колдунъ напустилъ на человѣка болѣзнь—знать, кромѣ ворожца, по повѣрью, никто не можетъ; вернуть же здоровье больному можетъ только одна жертва. Поэтому, если человѣкъ сильно захворалъ, родные обращаются къ ворожцу и онъ говоритъ, что болѣзнь на больномъ напущенная (пычкэмьль) и велитъ принести въ жертву барана или другое животное какому нибудь божеству. Если послѣ одного жертвоприношенія больной не получаетъ облегченія—ворожеецъ велитъ жертвоприношеніе повторить. Въ тяжелыхъ болѣзняхъ приносятъ жертву Акташу и самое жертвоприношеніе некоторые называютъ *Уллане-сетона* (отданіе внизъ). Такое названіе дано, вѣроятно, потому, что кусокъ жертвеннаго мяса пощъ бросаетъ въ рѣку со словами: «куда идетъ мясо, туда иди и боль».

Пельтись, пельяскысь (шептунъ, знахарь). Второе мѣсто между вредными самозванцами занимаютъ знахари-шептунъ. Ихъ дѣятельность въ гигиеническомъ отношеніи весьма вредна. Прибѣгая къ помощи ихъ, инородцы затягиваютъ болѣзнь до того, что самая маловажная боль, требующая легкой медицинской помощи, запущенная въ началѣ, переходитъ въ хроническое состояніе и леченіе такой болѣзни выходитъ уже изъ круга фельдшерскихъ знаній, а нерѣдко и самого врача. Знахарей возятъ къ больнымъ, какъ священника съ требой на своихъ лошадяхъ, платятъ имъ, угощаютъ ихъ, какъ почетныхъ гостей.

Вегіна (колдунъ или колдунья). Колдуны, по отзывамъ жителей, враги семейнаго благосостоянія; но въ то же время колдуны не для всѣхъ опасны: кто обладаетъ смѣлостью и знаніемъ молитвъ, особенно, молитву «Да воскреснетъ Богъ», тому колдуновъ бояться нечего: одно знаніе молитвы сохранить отъ порчи колдуна. Иные говорятъ, что если кто и не знаетъ никакихъ молитвъ, да ударить колдуна по носу такъ, чтобы изъ него побѣжала кровь, то колдунъ не опасенъ. Порчу колдуны напускаютъ на человѣка или по вѣтру, или прикосновеніемъ къ человѣку, или же нашептываніемъ на напитки, которые человѣкъ пьетъ, а нерѣдко и дуновеніемъ. Иного больного, если онъ испорченъ, никто, кромѣ самого колдуна, вылечить не можетъ. Особенно придаютъ большую силу колдовства колдуну тогда, когда онъ будетъ ласкаться къ человѣку и потреплетъ его по спинѣ. Если вскорѣ послѣ этого захвораетъ человѣкъ,

то говорятъ, что его испортилъ колдунъ. Колдовство, по словамъ жителей, переходитъ по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Какъ ни страшенъ колдунъ для смиренныхъ и незнающихъ людей, но есть противъ него и амулеты. Такъ, на примѣръ, первымъ амулетомъ служить Серебряный рубль старинныхъ временъ, подъ названіемъ «противникъ», съ изображеніемъ императора или императрицы съ лицомъ, обращеннымъ противъ солнца. Такія монеты хранятся, какъ рѣдкость. Монеты эти цѣнятся до 5 рублей.

Колдунъ или колдунья. Кто занимался колдовствомъ, по смерти духъ его по временамъ входитъ въ тѣло и выходитъ изъ него. На такомъ повѣрьи основанъ слѣдующій разсказъ, слышанный нами отъ крестьянина дер. Титова, Шарканскаго прихода, Петра Никонова: вотъ какъ отдаливъ солдаты и жена его-колдунья безъ него умерла. По окончаніи срока службы мужъ ея вернулся на родину, не зная о смерти жены. Жили они до службы вдвоемъ съ женой; когда же жена умерла, родственники заперли домъ ихъ на замокъ и ключъ отъ замка взяли себѣ. Мужъ подошелъ къ дверямъ и двери отперла ему жена его (уже умершая); она настрапала ему разныхъ пирожковъ и шанекъ и потчуетъ его; онъ ѣстъ, прося жену тоже ѣсть съ нимъ; она отказывается отъ ѣды подъ разными предлогами. Накормила она мужа и взяла изъ шкафа какую-то мазь; помазала ею грудь и вылетѣла въ трубу. Мужъ вышелъ на улицу и тамъ видитъ жену: она идетъ по улицѣ; онъ за ней. Прошли улицу и жена обернулась въ собаку; изъ собаки—въ кошку а изъ кошки—въ сѣрую мышь. Идетъ онъ за мышью... Мышь дошла до кладбища и зашла въ нору, идущую въ могилу; чрезъ нѣсколько времени она вышла оттуда съ косточкой, погрызла кость и пошла обратно; обернулась въ кошку, изъ кошки—въ собаку, а въ деревнѣ—въ человѣка—его жену; идетъ мужъ ея позади, а жена не замѣчаетъ его. Зашла жена въ избу и онъ за ней. Тамъ другъ друга обманули, кто какъ могъ; мужъ сказалъ: былъ въ сосѣдяхъ, а жена отвѣтила: гуляла за околицей. Жена опять ему страпаетъ—изводитъ муку и бросаетъ даромъ, а сама не ѣстъ. Кончила муку и посылаетъ мужа къ мельнику съ чашкой за мукой. Мужъ получилъ муку и вѣтромъ разнесло ее; она въ другой разъ посылаетъ съ руганью; мужъ идетъ и опять приходитъ безъ муки. При возвращеніи отъ мельника мужъ встрѣчается съ лѣшимъ. «На тебѣ сундукъ; тамъ

всякаго добра найдешь»,—говорить лѣшій, указывая на сундукъ; лѣшій отдалъ сундукъ мужу колдуньи и отправилъ его домой. Жена удивилась и говоритъ мужу: есть ли мука?—Есть, отвѣчаетъ мужъ. — Есть ли чай? — Есть; всего теперь у меня много.—Завидѣла колдунья завистью и злобой и оборотила мужа въ воробья. Воробей присталъ къ другимъ воробьямъ и всѣ они улетѣли къ Нюлесь-Мурту. Воробьи сѣли на домъ Нюлесь-Мурта, только одинъ не сѣлъ. Нюлесь-Муртъ поймалъ его и сдѣлалъ человѣкомъ, мужемъ колдуньи. Вернулся человѣкъ домой, а жена опять сдѣлала собакой. Собаку поймалъ прикащикъ и не зналъ ей цѣны. Всякій торгуетъ эту собаку, но прикащикъ не продаетъ. Однажды собака поймала вора и стала кричать по человѣчьи. Хозяинъ выбѣжалъ и вора поймали. Услышалъ о собакѣ царь и посылаетъ торговать придворнаго. Прикащикъ все-таки не согласился продать; Нюлесь-Муртъ сдѣлалъ изъ собаки человѣка и человѣкъ въ могилу своей жены-колдуньи вколотил осиновый колъ. Съ тѣхъ поръ колдунья не стала выходить изъ своей могилы.

Былъ въ Шарканской сторонѣ давнымъ давно, рассказываетъ крестьянская дѣвица поч. Сушкова, Катерина Исаева, колдунъ, весьма искусный въ дѣлахъ колдовства. Бывало кого онъ не залюбить—сживетъ со свѣту, кто его оскорбитъ—руку или ногу испортить. Впрочемъ, кто его не трогалъ, онъ тѣмъ ничего не дѣлалъ. Захотѣлъ быть колдуномъ одинъ молодой человѣкъ и просить его научить колдовству. Колдунъ согласился и завелъ его въ баню, которая была истоплена вечеромъ для желающихъ париться. Зашли въ баню; колдунъ велитъ ученику раздѣться. Раздѣлся ученикъ и ждетъ далѣе приказаній колдуна, а до этого колдунъ взялъ съ него слово исполнять то, что онъ прикажетъ. Колдунъ что-то пощепталъ и изъ банной печи выпрыгнула огромная жаба; разинула ротъ и, видимо, просить ѣсть.

— Ну пройди чрезъ эту жабу, говоритъ колдунъ. Ученикъ испугался.... взялъ одежду и убѣжалъ домой. Съ тѣхъ поръ онъ больше не просилъ колдуна учить колдовству.

Преданіе о томъ, почему вотяки при жертвоприношеніяхъ начали употреблять блины. Во время оно, на одномъ стебелькѣ было семь колосковъ; хлѣба сѣли мало, а было его много. Но вотъ нашла женщина—злѣйка и прогнѣвала Бога такъ, что никакія молитвы

онъ не сталъ принимать и на одномъ стебелькѣ остался навсегда одинъ колосокъ. А вотъ что сдѣлала эта женщина: будучи въ одно время въ лѣсу, женщина эта испражнения своего ребенка завернула въ блинъ и положила въ щель дерева. Богъ прогнѣвался и оставилъ за это на стебелькѣ одинъ колосокъ; извѣстно, хлѣбъ—даръ Божій. Съ той поры вотяки начали употреблять при жертвоприношеніяхъ блины, убѣдившись въ пріятности ихъ Богу.

Хлѣбъ инородцы считаютъ величайшимъ изъ всѣхъ даровъ Божіихъ на землѣ; поэтому не поднять съ полу хлѣбную крошку и попить ея ногами считаютъ за величайшій грѣхъ, влекущій за собой наказаніе Божіе. (Записано со словъ Захара Кондратьева и Ивана Иванова—крестьянъ села Сосновки).

Клятва. Въ частной жизни, для утвержденія вѣры въ своихъ единоплеменникахъ, питающихъ недовѣріе или подозрѣвающихъ въ чемъ нибудь, инородцы, особенно женскій полъ, клянутся слѣдующими словами: «Инмаръ понна!.. нянь понни!.. шунды понни!... толызы понна! кизили понна! (Клянусь Господомъ... хлѣбомъ... солнцемъ... мѣсяцемъ... звѣздами)... Сверхъ сего грамотные клянутся церковнымъ крестомъ. Клятвѣ же, установленной православной церковью для вступающихъ въ общественныя должности и свидѣтелямъ предъ судомъ, значеніе даютъ только грамотѣи.

Въ одно время я, пишущій эти строки, слышалъ между ссорящимися инородцами такую клятву: «Инмаръ медъ шуккозъ... татпыикъ-медъ куло» (пусть меня Господь громомъ убьетъ... пусть на этомъ же мѣстѣ умру, если ложь говорю).

Преданія. Жертвоприношеніе на юрь. Въ силу своихъ молитвъ и религиозныхъ обычаевъ инородцы еще вѣрятъ вѣрѣ; въ этой вѣрѣ они утверждены, говорятъ, дѣйствительными фактами, о чемъ среди нихъ существуетъ много разсказовъ и преданій, доказывающихъ силу молитвы. Вотъ одно изъ такихъ преданій, слышанное нами съ селѣ Шаркинѣ.

Во время оно, говоритъ преданіе, послѣ Петровокъ (29-го Іюня) появились на поляхъ въ неслѣтномъ числѣ сверчки и кузнечики (должно полагать саранча) и стали ужасно пожирать поспѣвшіе хлѣба. Чтодѣлать? Истребить ихъ никакими средствами немислимо—вредъ отъ нихъ ужасающій. Вотяки въ этомъ видѣли явную кару Верховнаго Существа и рѣшили принести Ему жертву на самой

высовой горѣ, какъ самому высочайшему Существу. Собрались многочисленной толпой и принесли жертву, въ надеждѣ умиловити Верховное Существо. На другой день пошелъ снѣгъ; и земля и нивы покрылись имъ толщиною на полъаршина, отчего насѣкомыя перемерли всѣ. Гору потомъ назвали дзѣзо и каждый годъ совершали тамъ жертвоприношеніе объ избавленіи хлѣбныхъ растений отъ вредныхъ насѣкомыхъ. Гора (въ 3 верстахъ отъ с. Шаркана) свое названіе получила отъ слова дзезъ, что значить сверчокъ, а отсюда произошло слово дзѣзо (сверчковатое мѣсто), такъ какъ жертвоприношеніе началось по случаю появившихся насѣкомыхъ (Козьма Степановъ). Этотъ разсказъ напоминаетъ нѣсколько событіе изъ жизни Варлаама Хутынскаго, когда онъ въ Петровъ день ѣздилъ на саяхъ въ одинъ монастырь по приглашенію. Св. Варлаамъ, по дару прозорливости, предсказалъ снѣгъ въ это необыкновенное время приглашающему его иноку, сказавъ, что онъ, св. Варлаамъ, пріѣдетъ къ нему на саяхъ. Предсказаніе его сбылось въ точности: снѣгу выпало такъ много, что имъ покрылась вся нива на поляхъ, отчего пригласившій Варлаама инокъ печалился за земледѣльцевъ, нивы которыхъ, по заключенію инока, должны были подъ снѣгомъ погибнуть и населенію угрожалъ неизбѣжный голодъ. Святой же Варлаамъ утѣшилъ инока, говоря, что снѣгъ, напротивъ, избавитъ ниву отъ червя и насѣкомыхъ, которыя появились на поляхъ. Такъ и сдѣлалось: нива освободилась отъ червя и насѣкомыхъ, снѣгъ растаялъ и все приняло прежній видъ.

Избраніе мѣста подъ шалашъ Быдзимъ Куалъ. Къ послѣднимъ временамъ состоянія вотяковъ въ язычествѣ относится и другое преданіе объ избраніи мѣста подъ шалашъ Быдзимъ Куалъ.

За нынѣшнимъ селомъ Большой-Пургой, около Сибирскаго тракта, въ предѣлахъ владѣній крестьянъ села Зуры, было нѣкогда мѣсто языческаго жертвоприношенія вотяковъ. Однажды лѣтомъ собрались туда для жертвоприношенія вотяки чуть не со всѣхъ сторонъ и между прочими животными, приведенными для закланія, былъ одинъ быкъ. Быкъ этотъ кажимъ - то образомъ сорвался и побѣжалъ по направленію къ селу Полому. Тутъ жрецы заключили что быкъ сорвался—значить, мѣсто негодно богамъ. Вслѣдствіе этого рѣшили выбрать изъ своей среды нѣсколько человѣкъ и по-

слать ихъ вслѣдъ за быкомъ. Сказано—рѣшено. Послали они нѣсколько человекъ. Быкъ прошелъ село Поломъ (22 версты отъ села Зуры) и повернулъ направо, не останавливаясь нигдѣ. Посланные все идутъ за нимъ... Дошелъ онъ, быкъ, до горы въ трехъ верстахъ отъ села и остановился. Вернулись посланные къ своимъ и рассказали имъ о результатахъ своего путешествія за быкомъ. Тогда общимъ совѣтомъ рѣшили мѣсто жертвоприношенія перенести туда гдѣ остановился быкъ. Построили тамъ шалашъ и назвали его *Будзимъ куа* (или куаль). Жертвоприношеніе тамъ совершалось еще послѣ принятія вотяками христіанской вѣры, но когда въ глазахъ духовенства языческое моленіе принявшими христіанство стало нетерпимо, шалашъ сожгли. На мѣстѣ пепелища, говорятъ, долго еще по временамъ были слышны вопли языческаго бога. Въ настоящее время гора, на которой былъ шалашъ, называется Будзимъ куа гуредъ (будзимъ-великій куа или куаль-шалашъ, мѣсто молитвы, гуредъ-гора) что значитъ: гора, на которой былъ великій шалашъ или храмъ.

Остатки древней религіи. Вотяки или Отяки, какъ они называются въ Вятскихъ лѣтописяхъ и древнихъ актахъ, въ древнія времена обожали огонь т. е. они были *огнепоклонниками*, а потомъ перешли въ *идолопоклонство* и стали обожать, кромѣ болвановъ, *силы природы* и *растенія*. Слѣды огнепоклонства видны и теперь: при жертвоприношеніяхъ въ даръ огню бросаютъ куски мяса и льютъ на огонь кумышку и пиво; утромъ въ Великій Четвертокъ предъ баней перескакиваютъ черезъ огонь; кланутся огнемъ и играть имъ считается какъ бы за грѣхъ; зола изъ очага у нѣкоторыхъ племенъ составляетъ часть божества Воршудъ (см. «Сожженіе Воршуда» въ настоящей статьѣ). Кромѣ этого есть еще другіе слѣды прежняго огнепоклонства ихъ. Объ идолопоклонствѣ болѣе можно судить только по исторіи Вятскаго края, которая ясно доказываетъ идолопоклонство вотяковъ по Болвановкѣ, гдѣ до пришествія въ Вятскую страну Новгородцевъ были идолы вотяковъ. Сами же вотяки объ идолопоклонствѣ не помнятъ, а нѣкоторые еще отрицаютъ это, говоря, что они идолопоклонниками не были; но этому вѣрить нельзя: въ настоящее время слѣды идолопоклонства такъ же свѣжи, какъ свѣжи слѣды огнепоклонства, именно: во время жертвоприношенія жрецы кланяются дереву,

чему былъ свидѣтелемъ самъ пишущій эти строки *). Хотя сами вотяки это и не считаютъ идолопоклонствомъ, но несомѣнно, что такіе поклоны — остатки прежняго поклоненія кумирамъ, напоминающіе нѣсколько поклоненіе русскихъ Перуну. Что касается остатковъ обожанія силъ природы и растений, то они настолько очевидны, что въ виду современнаго существованія жертвоприношеній и повѣрій не требуютъ доказательствъ. Возьмемъ примѣръ изъ любого жертвоприношенія: жрецы, сопровождая молитвы поклонами дереву (ели), въ рукахъ держатъ древесныя вѣтви и ихъ втыкаютъ въ корован хлѣба. Во время господства божества Инъ-вожо воспрещается рвать траву, цвѣты и растенія. По словамъ вотяковъ (Захара Кондратлева и Ивана Иванова, села Сосновки) въ древнія времена особенно была чтима въ жилищахъ вотяковъ трава *осока*, которую держали въ переднемъ углу, гдѣ нынѣ устраиваются божницы для иконъ. Громъ принимаютъ тоже за божество, называя его Гудыри-мумы (мать-громовъ). Слѣдовательно нѣтъ никакихъ сомнѣній въ вѣрности нашихъ предположеній.

Въ настоящее время вотяки, какъ уже извѣстно, хрістіане, но въ душѣ большая часть ихъ остается язычниками или, по крайней мѣрѣ, двоевѣрцами. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только болѣе развитые, но ихъ, при отсутствіи успѣха въ грамотности, мало. Двоевѣрцами мы называемъ тѣхъ, которые, исповѣдуя хрістіанскую вѣру, при смутномъ объ ней понятіи, усердно кланяются своимъ вымысленнымъ богамъ въ мѣстахъ языческихъ моленъ. Говоря объ нихъ, мы должны замѣтить, что Глазовскіе вотяки отъ сарапульскихъ отличаются рѣзко какъ костюмомъ, такъ и нарѣчіемъ, а причиною этому — другія племена, раннее просвѣщеніе хрістіанскою вѣрою, грамотность, вліяніе русскихъ и отчасти духовенства. Кто бывалъ у вотяковъ Глазовскаго уѣзда, особенно по тракту, тотъ, несомѣнно, былъ пріятно пораженъ чистотой въ домахъ ихъ, комфортомъ домашнимъ и развитіемъ ихъ самихъ, чего незамѣтно и у русскихъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ ними. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ предпочтенія инородцы старинныхъ селъ до Елова по Вятско-Пермскому тракту. Въ приходахъ этихъ селъ уже давно не существуетъ и жертвоприношеній, какія нынѣ

---

*) Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ. т. XX стр. 527, 528 и 529.

совершаются открыто въ Сосновскомъ краю; но мы не говоримъ, что забыты всѣ обычаи: слѣды ихъ еще будутъ существовать долго, но, по крайней мѣрѣ, нѣтъ тамъ такихъ обрядностей, какія совершаются въ другихъ мѣстахъ открыто.

Исторія Вотьяковъ и князья ихъ. Извѣстно, что у вотьяковъ, какъ народа некультурнаго, отъ появленія ихъ въ Вятской странѣ до сего времени, лѣтонисы не существовало, да и не могла она существовать, такъ какъ своего алфавита и грамматики ими не изобрѣтено, русскаго же алфавита для нихъ недостаточно, а за неимѣніемъ грамоты, какая же можетъ быть словесность, кромѣ устной? О прошедшей судьбѣ ихъ можно судить лишь по настоящему быту и отчасти преданію, указывающему на тѣ обстоятельства, подвліяніемъ которыхъ сложился ихъ характеръ. Большая часть устныхъ преданій, сохранившихся въ памяти этого народа, приняла характеръ сказочныхъ легендъ. Это видимъ и изъ рассказовъ о богатыряхъ ихъ, которымъ приписываются необыкновенныя силы, мужество и проч., между тѣмъ какъ, судя по этому народу (по крайней мѣрѣ, въ Сосновскомъ краю), ни того, ни другого имъ нельзя приписать. Если бы среди нихъ была замѣчательная личность, то она, несомнѣнно, не ускользнула бы отъ вниманія русскихъ историковъ.

Вотьяки принадлежатъ въ финскому племени къ Чуди и Мери, также, какъ Эстонцы, Лапландцы и проч., и о древнемъ происхожденіи ихъ «Исторія Вятскаго края» приводитъ такія данныя: «Изъ скандинавскихъ сагъ и путешествія Отера знаемъ» говоритъ названная Исторія, «что Киріаландія и Віармія были сильныя государства, населенныя Финнами и что Віармія (отсюда слово Пермь) была въ сѣверо-восточной части Россіи. Никакого племени нѣтъ старобытнѣе Финновъ въ сѣверныхъ и восточныхъ климатахъ Россіи, говоритъ Карамзинъ. Извѣстный путешественникъ Фишеръ полагаетъ, что Самоѣды и Остяки составляютъ остатокъ Чуди—древнихъ жителей Сибири. А Мальтъ - Брэнъ и Гумбольдтъ находятъ нѣкоторыя рѣзкія черты сходства между Остяками и Тунгузами и дикими племенами сѣверной Америки». Основываясь на этихъ данныхъ, упомянутая нами Исторія дѣлаетъ такія общія заключенія: «вѣроятно нѣкогда, гораздо ранѣе переселенія народовъ при паденіи Римской имперіи, Финны составляли племя сильное и очень многочисленное, занимавшее огромную полосу на сѣверѣ

Европы, Азии (и, быть можетъ, Америки); но при появленіи новыхъ племенъ съ востока Финны тотчасъ уступили имъ мѣсто. Цѣль бытія ихъ какъ бы окончилась; они расчистили землю, обновили ее, доказали ея обитаемость и, тѣснимые другими племенами, разбѣжались, срываясь отъ побѣдителей за Карпатскими горами въ страны Прибалтійскихъ, оставляя часть своего племени на прежде бывшемъ мѣстѣ жительства. Павлины совершенно, они должны были придти въ дикость. Такими-то ихъ и застали новгородцы на берегахъ Камы и Вятки и малочисленная ватага новгородцевъ ихъ, побѣдила, точно такъ какъ горсть Испанцевъ завоевала цѣлыя страны въ Америкѣ, ибо отличительныя черты пашихъ племенъ—страдательность, такая свойственна болѣе чѣмъ кому-либо Вотякамъ. Вотяки до пришествія новгородцевъ въ Вятскую страну (прежде Хамновская область) были почти въ дикомъ состояніи, такъ какъ удаленные отъ общества народокъ цивилизованныхъ и не имѣющіе никакихъ сношеній съ болѣе развитыми племенами, они должны были тупѣть и прозябать. Какимъ образомъ они управлялись и какое было у нихъ главное занятіе до пришествія новгородцевъ—неизвѣстно; но вотъ новгородцы узнали, что занимаемая вотяками страна изобилуетъ всѣми дарами природы, что жители ея стоятъ по развитію далеко ниже ихъ. Объ этомъ передавали имъ купцы, ведшіе торговлю, чрезъ земли вотяковъ, съ народами Біарміи и земли Югорской, и новгородцы возгорѣли желаніемъ переселиться въ Вятскія земли. И вотъ въ 1174 году нѣкоторые изъ нихъ рѣшились оставить свое отечество и искать мѣста поселенія въ Вятской странѣ. Вытѣснивши оттуда прежнихъ обитателей, они поселились въ ней навсегда.

Вотяки, оставивши свою родину, избрали мѣста для поселеній среди лѣсовъ, удаленныхъ отъ селеній и большихъ дорогъ и, живя, какъ и прежде, безъ всякаго стремленія къ улучшенію своего быта, тупѣли больше и болѣе. При такихъ условіяхъ они не могли оставить по себѣ никакихъ памятниковъ, кромѣ валовъ и насыпей, которыми защищали свои жилища отъ нападений иноплемениковъ. Такіе валы и насыпи свидѣлствуютъ о томъ, что они, вотяки, во время оно, вели войну съ своими врагами, вытѣснившими ихъ изъ родной страны, и впоследствии такіе вещественные остатки старины принимали названія *городища*, потому что

около нихъ сосредоточивались главные массы ихъ и самыя городища служили резиденціей князьковъ, называемыхъ *батырами*; самыя же городища назывались *карами*. Батырь въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ богатырь, а каръ—городъ. Последнее названіе заимствовано отъ восточнаго же слова *кузиди-кари*, т. е. городъ, или жилище муравьевъ (кузиди—муравей), и слово каръ въ послѣдствіи присоединилось къ именамъ князьковъ.

Городища вятскихъ князьковъ, послѣ появленія новгородцевъ въ Хлыновской Области возникшими преимущественно около нынѣшняго города Глазова и назывались по имени самихъ князьковъ, и мѣста тѣ, по сіе время сохранили за собой названія городковъ вятскихъ князьковъ. Такъ, напримѣръ, около Глазова и Балезина и теперь существуютъ деревни: Идва-каръ, Гурья-каръ, Донды-каръ, Весья-каръ и проч. На мѣстахъ этихъ деревень, по преданію, имѣли городища князьки: Идва (см. Идва-батырь въ нашей статьѣ), Гурья, Донды, Весья. Одни городища принимаютъ характеръ валовъ, другія—мысовъ, третьи—простыхъ бугровъ и проч. Одинъ изъ такихъ валовъ находится въ пяти верстахъ отъ Глазова на восточной сторонѣ рѣки Чепцы. Съ западной стороны защищаетъ его крутизна горы, на югъ лежитъ глубокая долина, по которой течетъ рѣчка Киза, соединяющаяся съ источникомъ Чепцы. Говорятъ, что прежде находили тамъ серебряныя и мѣдныя вещи и земледѣльческія орудія. Второй подобный валъ находится близъ села Балезина, при небольшомъ истокѣ, впадающемъ въ рѣку Инзу.

Хотя упомянутыя нами выше мѣстности и валы и не входятъ въ кругъ описываемаго края, но въ историческомъ отношеніи они тѣсно связаны съ судьбою вотяковъ Сосновскаго края, заключающаго въ себя до семи приходоу или волостей, населенныхъ вотяками. По преданію ихъ, самихъ, послѣ вытѣсненія ихъ предковъ изъ Хлыновской Области, главная масса осталась въ Причепетскомъ край, т. е. орошаемомъ рѣкой Чепцой и притоками ея, а нѣкоторые пожелали переселиться за Каму; туда же посылало ихъ и начальство на казенныя работы. Съ теченіемъ времени, закамскіе единоплеменники вотяковъ Глазовскаго или Причепетскаго края опять пришли въ предѣлы нынѣшняго Сосновскаго края, *) Осо-

*) Извѣстія Импер. Русс. Геогр. Общ., т. XX 1884 г., стр., 497.

бѣнно замѣчателенъ въ устной исторіи Вотяковъ названнаго края бѣглець Ожмегъ *), съ которымъ въ послѣдствіи сроднился Бехтеміръ изъ Глазовской стороны.

При селѣ Поломѣ, Глазовскаго уѣзда (около 60 верстъ отъ села Сосновки), находятся два мысообразныхъ *городища* вотскихъ князьковъ. Это, между прочимъ, достопримѣчательныя древности и памятники старины. Первое городище называется *Чемошуръ*; оно въ трехъ верстахъ отъ села, по направленію къ городу Глазову по вятско-пермскому тракту, но находится не у самаго тракта, а примѣрно въ одной верстѣ отъ него ниже возвышенія, называемаго *Красной горой*, подъ которой протекаетъ рѣчка Чемошурка, впадающая въ рѣку Чепцу (около полуверсты отъ тракта). Если вы пойдете вверхъ по теченію рѣчки Чемошурки — придете въ логъ; вотъ этотъ логъ и есть искусственный ровъ городища, т. е. вырытый человѣческими руками. Городище представляетъ, какъ сказали мы выше, мысъ; оно окружено рвами около двадцати сажень глубины и столько же ширины отъ одного берега до другаго, и очертаніе его имѣетъ нѣкоторое сходство съ половиной овала, упирающагося вершиной къ юго-западу. Площадь городища пересѣкаетъ перпендикулярно валъ сажени четыре вышиной, столько же шириной и десять длиной. Длина рва отъ носа городища до насыпи около одной версты. Во рву, противъ одного изъ концовъ насыпи, назадъ тому болѣе ста лѣтъ видѣлся еще входъ въ пещеру и были, какъ помнятъ старики, двери. Второе городище, называемое *Гыркесъ-шуръ*, имѣетъ ту же форму и находится на той же сторонѣ, въ одной верстѣ отъ Чемошура, саженьяхъ въ 30 отъ большой дороги. Проѣзжающій можетъ видѣть его съ дороги. Въ городищахъ этихъ, по преданію, жили вотскіе богатыри-князьки. Въ прежнія времена при воздѣлываніи земли находили тамъ разныя серебряныя вещи: кольца, подковы и проч. но, къ сожалѣнію, находятъ ни у кого не сохранились. Говорятъ, что въ городищахъ этихъ хранится множество серебряныхъ вещей, а о деньгахъ преданіе умалчиваетъ. Рвы городищъ уже заросли деревьями и по лѣтамъ, какъ говорятъ мѣстные жители, служатъ убѣжищемъ для бродягъ, почему въ жителяхъ иногда поселяютъ страхъ.

---

*) Смотри далѣе, стр. 103 и слѣд.

Такіе вещественные остатки старины, какъ туземные слѣды древности, въ Вотскомъ краѣ раздѣляются на два періода: первый заключаетъ въ себѣ время до водворенія новгородскихъ выходцевъ въ Вятской странѣ и второй—съ основанія ими поселеній. Поломскія городища, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей, принадлежать къ послѣднему. Но не одни вещественные остатки свидѣтельствуютъ о прошедшихъ военныхъ временахъ вотяковъ; есть мѣста и безъ всякихъ валовъ и насыпей, въ которыхъ происходили у вотяковъ стычки съ иноплемениками.

Такъ около села Полома указываютъ мѣсто битвы Вотяковъ съ татарами, называемое *Бигера-гучиль*. Съ какими татарами имѣли военныя дѣла вотяки—неизвѣстно.

Населенныя вотяками мѣстности въ древнія времена были покрыты дремучими лѣсами, поэтому и памятники старины не могутъ быть многочисленны и таковыя преимущественно сосредоточиваются въ Глазовскомъ уѣздѣ, а внутри Сосновскаго края замѣчательныхъ городищъ до сихъ поръ еще не открыто; только близъ камско-воткинскаго завода есть одно городище. Оно находится на правомъ берегу Вотки, при деревнѣ Бродищѣ, получившей названіе, вѣроятно, отъ городища, при которомъ находится деревня. Городище представляетъ возвышенное мѣсто, окруженное съ двухъ сторонъ болотами, а съ другихъ двухъ обнесенное землянымъ валомъ. Оно имѣетъ форму мыса, поднимающагося перпендикулярно на шесть сажень. Съ рѣки Вотки представляется гора крутая, неудобовосходящая, покрытая кустарникомъ, а съ твердой земли виднѣнъ валъ, идущій тремя грядами. Этотъ окопъ идетъ отъ сѣвера къ югу сажень на 50, потомъ поворачиваетъ къ востоку и занимаетъ около шестидесяти сажень. Три земляные вала доселѣ хорошо сохранились; глубина рвовъ между ними одинакова; спускъ въ первый удобенъ, во второй труденъ, въ третій, котораго глубина сажени полторы, весьма труденъ. Площадь возвышенія имѣетъ въ длину и въ поперечникѣ по 70 сажень. Отсюда видны всѣ заводскія зданія, заводскій прудъ, горы, лѣса и поля, лежащія теченію рѣки Вотки, неподалеку отъ этого мѣста впадающей въ рѣку Сиву. Слѣды жизни человѣческой на этомъ мѣстѣ совершенно исчезли; самое преданіе о немъ ничего не сохранило; только нѣкоторые изъ заводскихъ старожиловъ говорили, что издревле здѣсь

обитала Чудь бѣлоглазая. Когда былъ основанъ камско-воткинскій заводъ, на этомъ мѣстѣ уже не было слѣдовъ человѣческаго жилища.

Прежде тамъ находили желѣзные орудія, а назадъ тому около 80 лѣтъ при распашкѣ земли вырыли два топора особенной формы, похожіе на тѣ, какіе работали на заводѣ для американской компаніи.

Къ какому времени принадлежить основаніе этого городища, опредѣлить, конечно, трудно. Если дѣйствительно обитала здѣсь, какъ говоритъ преданіе, Чудь, то, можетъ быть, народъ этотъ принадлежалъ къ тѣмъ племенамъ, которыя населяли Хлыновскую область до пришествія новгородцевъ, когда тамъ были уже города Чудскіе, какъ, напримѣръ, Кошкароть, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Котельничъ. Слово Кошкаръ существуетъ и въ вотскомъ языкѣ (Вотяки—остатокъ Чуди); оно составляется изъ двухъ словъ: кошь и каръ (кошь—ступай, убирайся, а каръ—городъ, жилище).

Водворившись послѣ разгрома новгородцевъ въ Глазовскомъ краѣ, вотяки раздѣлились на нѣсколько партій и большая часть ихъ поселилась около рѣки Чепцы. Партіи, которыя были малочисленны, соединились съ другими и такимъ образомъ составились какъ бы отдѣльныя племена и каждое такое племя избравши себѣ князька-батыра, къ мѣсту поселенія избрало свое направленіе. Водворившись на избранныхъ мѣстахъ, для безопасности строили укрѣпленія и таковыя служили резиденціей князьковъ. Князьки ихъ управляли народомъ не деспотически, а какъ бы республиканскимъ порядкомъ, при которомъ старшиною былъ батырь. Въ случаѣ нападенія иноплеменниковъ вѣстаться за оружіе обязанъ былъ каждый мужчина, и при этомъ племя племени помогало какъ сосѣдъ сосѣду; поэтому въ обществѣ у нихъ требовался миръ и согласіе; племя за племя должно было стоять горой и обида единоплеменника считалась обидой брата.

Въ мирѣ и согласіи каждый сознавалъ ту пользу, что при нихъ всякія невзгоды переживаются легче и всякая опасность со стороны враждебныхъ племенъ общими силами отражается легко; напротивъ, несогласіе, вражда бываютъ причиною общихъ бѣдствій. Такъ понимали вотяки, вытѣсняемые новгородскими выходцами изъ Хлыновской области и поселившіеся въ глухихъ мѣстахъ, удален-

ныхъ отъ народовъ болѣе развитыхъ; да и не должны были понимать иначе, когда положеніе ихъ требовало мира и согласія. Вотъ поэтому и сложился у нихъ такой характеръ, какой видимъ въ нихъ теперь, и основная черта котораго миролюбіе, а отсюда уживчивость въ многочисленной семьѣ. Это видимъ особенно тамъ, гдѣ нѣтъ еще среди ихъ русскихъ и, слѣдовательно, гдѣ послѣдніе не могли еще повліять на нихъ ничѣмъ. Напротивъ, всмотритесь въ жизнь Вотиковъ тѣхъ селеній, гдѣ живутъ съ ними и русскіе — и вы увидите совершенно другое, уже несвойственное миролюбивому характеру: семейства малочисленны, прежняго миролюбія уже нѣтъ, словомъ — черты характера совершенно инныя. А что тому причиной? вліяніе русскихъ, которые вращаются среди и около нихъ. Гдѣ нѣтъ русскихъ, тамъ нѣтъ и пороковъ, противоположныхъ миролюбію, напримѣръ: ссоръ, буянства отъ пьянства, вражды и воровства, не услышите и свернословій отъ вотяка; не увидите тамъ и нищаго, протягивающаго къ вамъ руку за подаваніемъ, что для вотяка составляетъ позорное ремесло — тунеядство. Только въ религіозномъ отношеніи русскіе глумленіемъ надъ вѣрованіями вотяковъ заставляютъ нынѣ забывать нѣкоторые чисто-языческіе обычаи.

Родоначальники вотскаго народа. Сначала вотяки населяли Вятскую страну, а потомъ, когда вытѣснили ихъ изъ Вятской страны русскіе, они начали селиться въ Глазовскомъ уѣздѣ. Между ними особенно замѣчателенъ былъ въ описываемой нынѣ авторомъ странѣ Бехтеміръ, который стремился со своими единоплеменниками къ рѣкѣ Камѣ, съ цѣлью переправиться за эту рѣку. Бехтеміру сопутствовалъ богатырь Иднѣ (Иднѣ — батыръ). Когда отъ русскихъ не стало житья, Бехтеміръ удалился въ нынѣшнюю Шарканскую сторону, а богатырь Иднѣ остался около нынѣшняго села Банезини Глазовскаго уѣзда. Иные смѣлые, притомъ сильные и богатые переѣхали на житье за Каму. Шарканская же сторона, которая входитъ въ Сосновскій край, оставалась ненаселенною.

Въ одно время понадобились царю солдаты, а солдатъ въ тѣ времена набирали не такъ, какъ нынѣ: кого могли поймать, того и дѣлали солдатомъ. Въ это страшное для вотяковъ время былъ за Камой — рѣкой, между прочимъ, одинъ здоровый, крѣпкій тѣлосложеніемъ вотякъ, Ожмѣгъ, изъ племени сурьмы. Вдругъ

до ушей его дошла молва, что солдатчины не миновать и ему, такъ какъ солдаты начали набирать изъ племени сурьмы. Что дѣлать? Этотъ животрепещущій вопросъ въ нѣсколько минутъ разрѣшаетъ ворожеецъ Тундъ, который говоритъ, что ему, Ожмегу, нужно, не теряя времени, переправиться за рѣку Каму и тамъ предать себя волѣ судьбы; иначе ему солдатчины не миновать, а солдатчина въ то время была хуже горькой рѣдьки *). И вотъ, вооружившись для безопасности, всѣми нужными орудіями, онъ отправился на перевозъ къ берегамъ рѣки Камы; а на берегу этой рѣки, гдѣ находился перевозъ, стояли перевозчики и сторожа; послѣдніе обязаны были хватать всѣхъ бѣглецовъ изъ племени сурьмы. Сторожа спросили его—изъ какого онъ племени? Ожмегъ сказалъ, что онъ изъ племени пупъи; однако перевозчики не рѣшались его переправить за рѣку. Ожмегъ, видя приближающуюся опасность, пошелъ по берегу внизъ по теченію рѣки и тамъ нашелъ множество ободранныхъ лыкъ; изъ нихъ сдѣлалъ плотикъ и переправился за рѣку; опасность миновала. Онъ сказалъ себѣ: пусть меня теперь называютъ пупъей. Слово пупъя происходитъ отъ вотскаго слова «пуппы», что значитъ, въ переводѣ на русскій языкъ, ободранное лыко, т. е. лутошки, какъ ихъ называютъ вообще крестьяне Вятской губерніи. Переплывши Каму, бѣглецъ Ожмегъ за неимѣніемъ хлѣба питался дудками травы *узъы—зумы* **). Пошелъ вверхъ по рѣкѣ Воткѣ, получившей названіе отъ слова «вотякъ», прошелъ около 50 верстъ отъ рѣки Камы и присталъ на ночлегъ. Уснулъ и видитъ во снѣ какого-то человѣка, который говоритъ ему, что онъ, Ожмегъ, долженъ остаться въ этихъ мѣстахъ. Проснулся и началъ размышлять о видѣніи во снѣ. Думалъ долго—и рѣшился поселиться на житье около рѣки Вотки. Выбралъ въ лѣсу удобное для поселенія мѣсто и построилъ шалашъ; назвалъ его *Бидзймъ—кудъль* и началъ молиться воображаемому божеству *Иняу*. Итакъ онъ живетъ тамъ, около Вотки.

Черезъ нѣсколько времени онъ пошелъ въ лѣсъ и нашелъ тамъ тропинку. Идетъ по этой тропинкѣ и встрѣчается съ неизвѣстнымъ

*) Туземное выраженіе.

**) Трава эта употребляется вотяками какъ капуста во щакъ, а въ сыромъ видѣ ѣдятъ ея дудки. Русскіе называютъ ее *пиканами*, *дешлемъ* и *чирсомъ*.
Аст.

человѣкомъ - мужчиной, по одеждѣ вотякомъ. Разговорились; неизвестный назвалъ себя Бехтеміромъ, и, между прочимъ, сказалъ, что онъ изъ племени бѣня, живетъ отъ жилища Ожмега въ девяти верстахъ на мѣстѣ, называемомъ *Вуш-нышты*. Бехтеміръ предложилъ Ожмегу засватать за себя его дочь. Ожмегъ согласился и пошелъ за Бехтеміромъ; взялъ его дочь и зажилъ. Вотъ эти два вотяка суть *родоначальники* вотскаго народа въ Шарканской сторонѣ Сосновскаго края, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которые пришли изъ Малмыжской и Глазовской сторонъ. Отъ Бехтеміра, по словамъ стариковъ, произошло въ Хреничѣ 1000 душъ, а отъ Ожмега 500. Въ настоящее время шалашъ Ожмега принадлежитъ вотякамъ деревни Быги, Шарканскаго прихода, какъ племени его. Въ шалашѣ этомъ, сказываютъ, моленье совершается иначе, но какимъ образомъ — неизвестно, такъ какъ входъ въ шалашъ во время жертвоприношенія постороннимъ бываетъ недоступенъ. Тамъ хранится будто бы и посуда, и одежда, которыя остались отъ Ожмега. Мѣсто жилища Бехтеміра находится въ полторы верстахъ отъ починка Ляльмура. Оно болѣе замѣчательно тѣмъ, что не далеко отъ него протекаетъ древняя Арская дорога. Дорога эта, пролегая по цѣлямъ холмовъ и возвышенностей системы Уральскихъ горъ, идетъ изъ Казани на Ирбитъ чрезъ Сиву. (Это записано со словъ крестьянъ поч. Арланова, Шарканскаго прихода, Павла Михайлова и Петра Иванова).

Изъ разсказовъ вотяковъ извѣстно, что главная резиденція богатырей была въ Базезинскомъ краѣ Глазовскаго уѣзда, преимущественно около нынѣшняго города Глазова. Богатырей у вотяковъ было много, но между ними замѣчателенъ Идна. Другіе богатыри въ то же время служили и князьями, поселившись въ особо-укрѣпленныхъ городищахъ; въ числѣ такихъ городищъ замѣчательны при селѣ Поломѣ Глазовскаго уѣзда два городища, глубина рововъ которыхъ простирается до 20 саж. Эти городища будутъ описаны въ особой статьѣ.

Про богатыря Идну въ Сосновскомъ краѣ разсказываютъ такъ.

Ихъ было два брата. За Идной была жена вотячка, а за братомъ его меньшимъ — русская. Они ѣздили на Севожъ *) стрѣлать

---

*) Севожъ — перевозъ около устья рѣчки Вотки, какъ полагаютъ вотяки, но тамъ нѣтъ никакихъ перевозовъ нѣтъ. Авт.

стрѣлами и ловить въ ловушки—пизны—клевостъ. Около Севоза жили русскіе, враждовавшіе съ вотяками. Вотскіе богатыри, въ томъ числѣ и Идна, ѣздили, между прочимъ, на Севожъ и для развѣдыванія о закамскихъ вотякахъ, съ цѣлью защиты ихъ въ случаѣ притѣсненія русскими. Ёздили они весьма быстро на хорошихъ богатырскихъ коняхъ, такъ что взятый изъ печи при отѣвѣдѣ и положенный за пазуху горячій хлѣбъ по пріѣздѣ на Севожъ еще не простывалъ. Итакъ, братъ Идны пріѣхалъ на Севожъ. Туда же въ одно время пріѣхали и русскіе съ своимъ богатыремъ.

— «Дома ли братъ твой Идна!» спрашиваетъ русскій богатырь брата Идны.

— «Дома» — отвѣчаетъ тотъ.

— «Давно ли ты изъ дому?»

— «Недавно»;—и въ доказательство справедливости своихъ словъ вынимаетъ изъ-за пазухи теплый хлѣбъ, испеченный дома его женой.

— «Скажи Иднѣ, что мы пріѣдемъ къ нему въ гости *); пусть насъ ждетъ»; и при этомъ назначили время, когда ихъ долженъ встрѣтить Идна.

— «Ладно, скажу» — отвѣчаетъ братъ Идны.

Наловивши клеветъ, братъ Идны вернулся домой и передаетъ брату слова русскаго богатыря.

Въ назначенный день Идна приготовился ко встрѣчѣ *гостей* и дожидается. Ждалъ, ждалъ Идна — богатыря нѣтъ. Разсердился онъ на своего брата и убилъ его. Между тѣмъ русскій богатырь съ своей дружиной уже велъ военный совѣтъ за рѣкой — Чеппой, чрезъ которую былъ, такъ называемый, поплавной мостъ, утвержденный на перекладинахъ. Жена брата Идны, вдова, узнала, что русскій богатырь находится за Чеппой и ведетъ тамъ совѣтъ съ своей дружиной. Вотъ она изъ мести въ Иднѣ рѣшилась предать убійцу русскому богатырю, и, улучивъ время, ушла къ богатырю и сказала, что воевать съ Идной ему и думать нечего: онъ на конѣ летаетъ какъ орелъ, силенъ какъ медвѣдь, хитеръ какъ чертъ и что кони его одинъ другаго лучше. Если имъ хочется погубить его — надо подпилить

---

*) «Пріѣхать въ гости» значило тогда у богатырей — пріѣхать воевать, а у разбойниковъ — пріѣхать грабить. Асм.

ночью перекладыны поплавного моста — и дѣлу конецъ: тутъ онъ и попался; иначе нечего и думать съ нимъ сражаться. Они такъ и сдѣлали: ночью подпилили перекладыны моста и убрались отъ него. Идна, жажущій битвы, не спалъ всю ночь. Утромъ, какъ только взошло солнце и разогнало съ луговъ туманъ, онъ сѣлъ на коня-гнѣдеа и поскакалъ на встрѣчу русскому богатырю; доѣхалъ до моста — конь остановился; разсердился на гнѣдеа и отрубилъ ему голову; вернулся домой — сѣлъ на сивка и поѣхалъ; по мосту не пошелъ и сивко. Онъ отрубилъ и этому голову и вернулся домой. Взялъ лукъ и стрѣлы, сѣлъ на пѣгаго коня и поѣхалъ. Пѣгій конь какъ только доскакалъ до середины моста — началъ тонуть. Тутъ Идна сказалъ: «пѣганая лошадь только за неимѣніемъ лошади — лошадь». Услыхалъ это русскій богатырь съ своей дружиной и поймалъ Идну. Видя неминуемую смерть, Идна натянулъ лукъ направилъ стрѣлу къ одной изъ горъ близъ нынѣшняго села Беме-зилья и сказалъ русскому богатырю: гдѣ упадетъ эта стрѣла, тутъ поставьте мнѣ белоди *). Сказавши это, онъ пустилъ стрѣлу; русскіе увидѣли, куда упала стрѣла и замѣтили мѣсто. Убили его русскіе, вынули изъ него внутренности, испекли на горячихъ угольяхъ сердце и печень; потомъ принесли нѣсколько вицъ жимолости — и начали его, Идну, проклинять, говоря: «когда изъ жимолости будутъ дѣлать чурки для пчелъ, тогда у вотяковъ пусть родятся богатыри». Въ заключеніе своихъ словъ сѣбли сердце и печень богатыря, а его самого сожгли. Послѣ этого русскіе пошли искать его стрѣлу; нашли ее на горѣ и на мѣстѣ этой стрѣлы поставили столбъ и отправились во свояси.

Прошли вѣка — и столбъ на мѣстѣ стрѣлы все тутъ, но отъ времени ушелъ далеко въ землю.

Съ тѣхъ поръ у вотяковъ не стало богатырей.

Послѣ убійства Идны, мать его удалилась на островъ Заріизъ-шоръ-мучъ. Она носила одежду шелковую, имѣла много посуды золотой и все это взяла съ собой. Удаляясь на островъ, она причитывала слова, но какія были ея слова — припомнить рассказчики не могутъ. (Записано со словъ крестьянъ поч. Арланова, Шаркин. прихода, Павла Михайлова и Петра Иванова).

---

*) Столбъ, служащій памятникомъ.

Въ сказкахъ и легендахъ вотяки своимъ бывшимъ богатырямъ приписываютъ необыкновенную силу и храбрость: говорятъ, что лошадь подъ собой они останавливали на бѣгу, упираясь ногами въ землю; пущенная стрѣла попадала въ цѣль на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; на медвѣдей они ходили одни. Впрочемъ, на медвѣдей охотились одни и обыкновенные вѣвроловы, въ числѣ которыхъ около села Полома былъ замѣчательнъ Вавило: говорятъ, что на своемъ вѣку онъ убилъ 40 медвѣдей безъ особеннаго труда и опасности; только послѣдній, т. е. сороковой, едва не погубилъ его самого. По повѣрью, съ сороковымъ медвѣдемъ бороться весьма опасно: или человѣкъ съ трудомъ побѣдитъ его, или медвѣдь задеретъ человѣка.

Въ мирное время для развлечения вотские богатыри ѣздили въ Усть-Лекму (по вотски Люмы-вожъ), отстоящую отъ села Полома въ 113 верстахъ, а отъ Глазова—въ 43, стрѣлять вѣстовъ (кайсы нбылны).

Къ сказкамъ о богатыряхъ присоединились и баснословныя сказанія о кладахъ, находящихся около городищъ богатырей; впрочемъ, клады эти преданіе приписываетъ не богатырямъ, а разбойникамъ, свирѣпствовавшимъ въ вотскихъ краяхъ, и на столько вкореенилась вѣра въ существованіе ихъ, что, желающіе богатства пытались нѣсколько разъ вырыть ихъ, но это не удавалось. Особенно изобилуетъ кладами лѣсъ подъ названіемъ Коркаятъ (домовой боръ), находящійся въ 15 верстахъ отъ села Полома къ городу Глазову у самаго вятско—пермского тракта. Объ этихъ кладахъ мы будемъ говорить особо.

РАЗЛИЧНЫЕ ОБРЯДЫ И ПРИМѢТЫ.

Выживание клоповъ. Объ этомъ обрядѣ выживания домашнихъ паразитовъ авторъ передаетъ какъ очевидецъ. Въ послѣднихъ недѣляхъ великаго поста въ 1885 году у меня въ новой квартирѣ развелось множество клоповъ, противъ которыхъ никакихъ антипаразитовъ я не нашелъ. Клоповъ особенно много было въ кухнѣ около палатей и печи. Въ это время жила у меня старушка-вдова. Старушки, разумѣется, любя тепло, обрѣтаются больше около печей да палатей; такъ и моя старушка находилась больше около этихъ мѣстъ; но клопы, враги сна, по ночамъ заставляли ее переходить съ печи на палаты, съ палатей на полъ и вообще не давали спать.

И вот вечеромъ въ Лазареву Субботу она вернулась отъ вечерни и передаетъ мнѣ радостную для нея новость.

— Клоповъ, говоритъ она, можетъ выжить церковный сторожъ Шаркинсой церкви, вотъ Емельянъ, который, между прочимъ, сказалъ, что у него тоже было множество клоповъ, но онъ, наученный знахаремъ, ихъ выжилъ мигомъ и теперь ни одного клопа въ домъ его не найдешь. Только, говоритъ онъ, надо идти къ вамъ очень рано утромъ въ Великій Четвертокъ, поймать нѣсколько штукъ клоповъ, бросить ихъ въ рѣчку—и дѣлу конецъ: чрезъ нѣсколько времени клопы всѣ выйдутъ изъ избы.

— Ладно, сказала я, выживи—хозяинъ тебя угоститъ виномъ. —Выжить клоповъ—мое дѣло, отвѣтилъ онъ и прибавилъ: приготовь только небольшой дѣтскій колоколецъ, бѣлую холщевую тряпку, баджонокъ—и жди меня утромъ рано.

Старушка на другой же день приготовила все нужное, поймала нѣсколько живыхъ клоповъ, спустила ихъ въ склянку и заткнула пробкой.

Пришла ночь на Великій Четвертокъ; небо одѣлось темною, какъ чернымъ покрываломъ. Я вышелъ на улицу и сталъ у воротъ; но вышелъ я не просто подышать свѣжимъ воздухомъ, а прямая цѣль моя была—послушать, какъ будутъ стрѣлять вояки изъ ружей, чтобы навести страхъ на колдуновъ, шайтановъ и на всю нечистую силу, которая, по повѣрью вояковъ, ходитъ въ эту ночь вездѣ около людей. Вездѣ царствовала мертвая тишина, какъ будто вся деревня была заколдована, заключенная въ крѣпкія узы сна. Огней въ избахъ не было нигдѣ. На небѣ горѣли мириады яркихъ звѣздъ, напоминающихъ собой люстру со множествомъ зажженныхъ въ церкви во время всенощной свѣчей. Воздухъ былъ такъ неподвиженъ, что во все время моего стоянія у воротъ ни однажды не обдалъ мое лицо холодкомъ вѣтерокъ. Вдругъ гдѣ-то въ деревнѣ раздался выстрѣлъ изъ ружья... за нимъ въ тоже мгновеніе повторился другой... третій—и опять все смолкло. Простоявши еще нѣсколько минутъ, я зашелъ въ избу. Чрезъ полчаса и у меня въ комнатахъ водворилась полнѣйшая тишина.

Утромъ рано, какъ только начало разсвѣтать, я проснулся, но проснулся не добровольно, какъ обыкновенно просыпается выпавшійся человѣкъ: меня разбудилъ скрипъ дверей, легкая

стукоты и т. п. звуки, доносившиеся из кухни. Я стал вслушиваться; но при всем напряженіи органовъ слуха, что заступоты въ кухне — я не могъ понять. Вдругъ моя комната осветилась и передо мной, въ сопровожденіи старушки, явился Емельянтъ, обѣщавшійся выжить клоповъ; онъ началъ они искать что-то около стѣнъ.

— Мого вы ищите? спросилъ я старушку, озадаченный страннымъ иснаніемъ ихъ около щелей стѣны, а о клопахъ, признаться, даже забылъ.

— Ищемъ клоповъ, да не можемъ найти, отвѣтила старушка, продолжая шарить въ щеляхъ и въ полу.

— Клоповъ не можете найти?! повторилъ я слова старушки съ удивленіемъ, зная, что около печи и палатей клоповъ водится множество.

— Да, не можемъ, былъ опять отвѣтъ старушки.

— Теперь трудно ихъ поганыхъ найти, проговорилъ Емельянтъ и прибавилъ: они узнали, каналы, что я зашелъ выживать ихъ и сврились.

— Можетъ ли быть, чтобы не нашлись клопы? сказалъ я знахарю Емельяну и соскочилъ съ постели, чтобы набрать сколько имъ угодно клоповъ, которые съ вечера около стѣнъ ползали какъ тараканы или, какъ называютъ ихъ воякамъ, красныя пшенички. Но представьте себѣ мое удивленіе, когда я, подомкнувъ съ огнемъ стѣнные ламы, не только множества, но и одного клопа не нашелъ. Между тѣмъ знахарь Емельянтъ все твердилъ: «ахъ, поздно! не будетъ толку... Овѣтра, не выжить теперь». Искали, шарили всездѣ — нашли двѣ штуки таковыя пугаченькихъ отъ старушечьей прови, какъ настоящія, агоди, трапы-костянники, вѣроятно они отъ своей полноты уже были не въ силахъ скрыться отъ Емельянта въ своихъ убежищахъ.

— Не достать еще одного — сказалъ Емельянтъ, продолжая шарить въ щеляхъ то лууиной, то проволокой отъ своей трубки.

— Скрылиоб, мадины! надохнуть бы всѣмъ вамъ! — ворчала старушка.

— Вотъ Емельянтъ нашелъ еще одного, толстаго, отъ долговременнаго голода клопа и говоритъ:

— Довольно! будет теперь, — и съ этими словами ушелъ къ столу, на которомъ лежали: тряпка, колоколецъ и баджонокъ, и сталъ завязывать клоповъ въ тряпку.

Всѣ поступки его при этомъ мнѣ показались до того странными и смѣльными, что я невольно разразился хохотомъ.

— Зачѣмъ смѣешься? Самъ говоришь: «ненадо клоповъ», а смѣешься, — замѣтилъ мнѣ знахарь, посмотрѣвши на меня не особенно дружелюбно.

Вотъ онъ тряпку съ тремя клопами привязалъ къ концу баджока, а пониже тряпки привязалъ небольшой мѣдный колоколецъ.

— Говорить что будешь? спросилъ я знахаря.

— Буду не буду — знаю самъ, отвѣтилъ онъ неохотно, но съ важностію знахаря.

— Куда же ты ихъ унесешь? опять осмѣлился я спросить его.

— На рѣку; только будетъ ли толкъ? Ты смѣлся, да и на улицѣ уже свѣтло. Ну, попробуемъ.

Сказавши это, онъ сѣлъ верхомъ на баджонокъ, преобразивъ его въ коня, а себя въ всадника, и пошелъ изъ избы, распѣвая вотскую свадебную пѣсенку: дуй, дуй, дуй! и проч. Вотъ онъ вышелъ изъ воротъ и скрылся подъ горой, гдѣ протекаетъ небольшая рѣчка. Но что онъ дѣлалъ тамъ — осталось для меня неизвѣстнымъ. Пришла святая недѣля — клоповъ, напротивъ, стало у меня больше.

Однажды на Фоминой недѣлѣ знахарь этотъ зашелъ ко мнѣ, видимо за угощеніемъ за свои труды по выживанію клоповъ.

Нѣтъ, Емельянъ, обратился я къ нему: сколько ты не цѣлъ «дуй! дуй!» клоповъ все-таки не выдудь.

— погоди ужъ, не скоро, будетъ время — выйдутъ всѣ. Если не выйдутъ — значить силы не стало: ты смѣлся и на улицѣ было свѣтло; а надо такъ, чтобы лица не смотрѣли, не только не смѣялись, и на улицѣ было бы только, какъ въ сумеркахъ.

— Вотъ, доживу до слѣдующаго Великаго Четверга — и выживу всѣхъ, сказалъ мнѣ недавно знахарь Емельянъ, встрѣтившись со мной случайно.

— Ну, будемъ ждать! отвѣтилъ я ему.

Предразсудки о болѣзняхъ. Если кто захвораетъ въ семействѣ, тотъ во все время болѣзни, до выздоровленія, лежитъ въ одномъ

бѣль, въ которомъ постигла его болѣзнь, отчего около больного заводится множество паразитовъ, которые, къ довершенію страданій больного, щекотаютъ его безпрестанно, отнимая потребный для здоровья сонъ; волосъ больному не расчесываютъ, не водятъ его въ баню, золу изъ печи не выгребаютъ, пола не моютъ. Если этого не исполнять, то, говорятъ, больному будетъ еще хуже, или захвораетъ въ семействѣ кто нибудь другой. Автору этого описанія случилось однажды кватировать въ отдѣльной избѣ вотяка села Сосновки. Въ семействѣ хозяина квартиры захворала женщина и лежала уже третью недѣлю. Жена квартиранта, не зная о ихъ предразсудкахъ, во время отлучки хозяевъ изъ дому, выгребла изъ печи золу для щелока на стирку бѣлья. Хозяева узнали это, но сначала ничего не сказали; когда же захворалъ въ семействѣ мальчикъ, причину его болѣзни свалили на квартиранку: «эхъ ты, Ивановна ненадо бы трогать золу: вотъ ужъ другой захворалъ!»

Примѣты. Если отправляешься въ дорогу и перейдешь чрезъ нее женщина, воротись: счастья не будетъ. Если куда отправляешься и пойдетъ дождь—къ счастью. Курицы, бродящія по двору въ сумеркахъ и ночью, предвѣщаютъ несчастье. Если осенью на деревьяхъ останутся листья, будетъ годъ тяжелый. Небо, ясное въ ночь на Великій Четвертокъ, означаетъ годъ хорошій. Конецъ міру будетъ тогда, когда кончики ушей у зайца не будутъ черны. На то мѣсто, гдѣ прежде была дорога, строеніе не ставь: будетъ несчастье. Бревенъ, назначенныхъ для постройки мельницы, не употребляй въ постройку избъ и надворныхъ строеній: будетъ несчастье. Въ новый домъ переходи ночью. Если больной смотритъ на пальцы, или лежитъ лицомъ къ стѣнѣ—умретъ. Если заблудишься въ лѣсу и увидишь корову, ступай за ней: она выведетъ, а за лошадью не ходи: не выведетъ. Курица поетъ пѣтухомъ—не къ добру. Кто внезапно гдѣ нибудь услышитъ свое имя, будто зовутъ его, тотъ до трехъ разъ не долженъ откликаться—иначе умретъ. Собака воетъ, будетъ покойникъ. Если сядетъ воронъ на домъ—будетъ покойникъ. Если встрѣтятся на одномъ мѣстѣ въ передній и обратный путь двое, одинъ изъ нихъ умретъ. Въ избѣ не свисти: будетъ пуста. Если весной въ первый разъ услышишь натошакъ пѣніе кукушки—будешь пѣлый годъ бѣденъ хлѣбомъ.

Значеніе первой рюмки. Посѣщая дома вотяковъ Сосновскаго

края съ дѣлю ознакомленія съ ихъ бытомъ и обычаями, я не обращалъ вниманія на то, что, угощая гостя кумышкой, они первую рюмку всегда выпиваютъ сами. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, что первую рюмку выпиваетъ самъ хозяинъ—это ведется и у русскихъ какъ обычай, освященный временемъ,—а вотъ въ чемъ: если знакомая вамъ женщина-вотьянка вынесла изъ своего потайнаго мѣста бутылку съ кумышкой для угощенія васъ, то, наливши кумышки въ рюмку, сначала поднесетъ, если нѣтъ мужа или кого-нибудь взрослыхъ, ребенку мужескаго пола; если же и его нѣтъ—непремѣнно нѣсколько капель отопьетъ сама. Значеніе первой рюмки объяснили мнѣ такъ:

— Подать сначала чужому—значить отдать ему свое счастье, семейное согласіе.

— А развѣ въ кумышкѣ счастье? спросилъ я.

— Положимъ не въ кумышкѣ, да кумышка на время даетъ человеку веселье, побѣждаетъ тоску и печаль; слѣдовательно, напитокъ этотъ служить человеку какъ бы благодѣтелемъ, дающимъ веселье, а счастье заключается въ весельи. Подать такой напитокъ чужому, какъ говорятъ у насъ, значить отдать ему счастье.

Кумышка у вотяковъ находится въ распоряженіи женщинъ; поэтому, если дома только мужчины, гость и не долженъ думать, что его угостятъ кумышкой; такъ равно не думай и о томъ, что кумышкой будетъ угощать самъ хозяинъ,—этого у нихъ нѣтъ; угощать будетъ васъ изъ своихъ рукъ непремѣнно жена хозяина или его дочь. Если вы желаете отъ хозяина заслужить хорошее мнѣніе о себѣ—положите на правый рукавъ угощающей кумышкой какую-нибудь мѣдную монету, и это будетъ для нихъ благодарностью отъ гостя; а для большаго эффекта вбейте въ столъ ихъ серебряную монету копѣекъ въ 10 и они, исполненные благодарности, запотчуютъ васъ чѣмъ могутъ, какъ самаго дорогаго гостя.

Р а з с к а з ы.

Знакомство мельника съ Бу-Муртомъ. Зналъ я одного мельника лѣтъ около пятидесяти. Вотъ ужъ былъ человекъ дошлый такъ дошлый! Ужъ какіе вѣдеси (фокусы) онъ не дѣлалъ! Сидитъ, бывало, въ гостяхъ да вдругъ захочетъ пошумѣть—показать свое

азаніе людямъ,—и пустить въ избу воду. Всякъ взбирается на лавки, на палаты и смотритъ — ждетъ, что будетъ дальше. Конечно кудесникъ только обманываетъ глаза: чрезъ минуту, другую опять въ избѣ будетъ сухо. Это еще ничего; а вотъ что диво и вамъ скажу: захочетъ, бывало, онъ отдохнуть—и уйдетъ въ прудъ отдыхать. Однажды онъ былъ пьяненькій, веселенькій и говоритъ знакомцу своему съ улыбкой: «не хочешь ли идти со мной къ Ву-Мурту?»—«Ой, что ты говоришь! Къ Ву-Мурту? избави Богъ и видѣть его», отвѣчаетъ ему знакомый. «Ничего,—только ничего не говори, стой какъ будто тебя и нѣтъ». Знакомый не согласился. Въ другой разъ, когда они выпили довольно вина и въ головѣ у знакомаго зашумѣло, онъ согласился идти къ Ву-Мурту. Стали у берега пруда и мельникъ говоритъ своему знакомому: «если ты увидишь большихъ и страшныхъ рыбъ, пальцемъ на нихъ не указывай: будетъ плохо».—«Ладно, говоритъ знакомый, что велишь, то и буду дѣлать». Зашли въ прудъ и около нихъ не стало воды, какъ будто идутъ они въ пузырь. Сквозь пузырь видно, какъ плаваютъ около нихъ большія рыбы съ открытыми ртами. Вотъ зашли въ избу Ву-Мурта и тамъ дочери его мажутъ себѣ глаза какою-то мазью изъ бутылки; вымазали и ушли куда-то, а бутылку забыли взять. Мельникъ съ Ву-Муртомъ ушли въ другую комнату, а онъ, знакомый мельника, взялъ изъ бутылки мази да и вымазалъ ею одинъ глазъ. Мельникъ съ Ву-Муртомъ вышли. Мельникъ говоритъ своему знакомому: «закрой, братъ, глаза!» Онъ закрылъ... Потомъ чрезъ нѣсколько минутъ опять велѣлъ открыть. Открылъ и чтоже? они стоятъ на берегу пруда.

Чрезъ нѣсколько времени знакомому мельника случилось ѣхать на Нижегородскую ярмарку за товаромъ. Идетъ онъ по базару и вдругъ встрѣчается съ Ву-Муртомъ, у котораго былъ онъ съ мельникомъ.—А, знакомый, здравствуй! сказалъ знакомый мельника, увидѣвъ Ву-Мурта.—Какъ ты меня узналъ?—спрашиваетъ его Ву-Муртъ.—Узналъ вотъ этотъ глазъ — говоритъ онъ Ву-Мурту, указывая на тотъ глазъ, который помазалъ мазью. Ву-Муртъ, ничего не говоря, подошелъ къ нему, вырвалъ тотъ глазъ и скрылся. Такъ и окривѣлъ знакомый мельника; а все проклятый мельникъ виновать. (Разсказъ этотъ услышанъ отъ работника Петра въ Больше-нургинскомъ приходѣ).

По повѣрью жителей, безъ Ву-Мурта не проходить ни одна порядочная ярмарка. Ву-Мурта узнають по мокротѣ лѣваго бока. Онъ празднуетъ свадьбу шумно, такъ что, по рассказамъ Алексѣя Павлова, крестьянина Сосновскаго прихода, прорываетъ водой самыя крѣпкія плотины, чтобы перебраться къ низу мельницы.

Разсказы о кладѣхъ. При деревнѣ *Нижнихъ Ковирахъ* есть прозрачный ключъ, «а въэтомъ ключѣ есть проклятый кладъ», говорятъ вотяки; кладъ этотъѣкоторымъ дается и безъ исполненія завѣта, да расходовать его нельзя: человѣка вертитъ какъ колесо, крутитъ какъ нитку.

Одинъ вотякъ лѣтомъ искалъ лошадей и долженъ былъ проходить мимо этого ключика. День былъ жаркій, и вотякъ, томимый жаждою, подошелъ къ ключу напиться. Пьетъ онъ воду и видитъ на днѣ ключа что-то блестящее. Взялъ палку и тычетъ ею въ блестящій предметъ; предметъ оказался серебряной монетой. Поковырялъ палкой на днѣ и тамъ оказалось множество серебряныхъ монетъ. Поднялъ рукавъ платья и собираетъ денежки... денегъ цѣлый мѣдянникъ. Взялъ онъ мѣдянникъ и унесъ домой; спряталъ деньги и женѣ не сказалъ, а они съ женой жили не очень дружно. Вдругъ черезъ трое сутокъ вотякъ захворалъ и такъ сильно, что на выздоровленіе не было и надежды. Передъ смертію сталъ ему грезиться кладъ и онъ, позвавши жену, велитъ ей унести мѣдянникъ съ деньгами обратно въ ключъ; а жена рада деньгамъ—мужа не любила.—«Прпадай ты, не больно тебя и нужно», думаетъ въ себѣ его жена и ждетъ смерти мужа. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого вотякъ умеръ. Похоронила жена мужа и захворала сама. Болѣзнь достигла такой степени, что выздоровленіе казалось невозможнымъ. Вспомнила больная о кладѣ и велитъ сыну отнести его на ключъ. Сынъ послушался матери—и мать поправилась здоровьемъ.

Взялъ ли кто этотъ кладъ и расходуетъ ли на свои нужды — никто ничего не знаетъ. Нѣкоторые толкуютъ, что онъ опять спрятался до своего времени, такъ какъ иныя клады показываются по срокамъ. Если бы, говорятъ одни, исполнить завѣтъ, съ которымъ положены деньги, то кладомъ можно бы пользоваться, но завѣтъ неизвѣстенъ. Другіе заключаютъ, что деньги эти проклятыя; не только пользоваться ими, но и держать ихъ въ домѣ нельзя: кладъналичетъ на живущихъ въ домѣ всякое несчастье. (Василій Петровъ Фроловъ).

*

На Кыквинскомъ полѣ. Этотъ кладъ уже найденъ. Любопытенъ разсказъ о нахожденіи его. Старики передавали, что подъ межою на Кыквинскомъ полѣ есть кладъ и что онъ по временамъ кажется горящей свѣчкой. Одинъ мѣстный вотякъ во что бы то ни стало рѣшился достать его; и сталъ онъ по ночамъ ходить на межу—караулить кладъ. Пришла овсяная страда, какъ называютъ въ деревняхъ то время, въ которое уже жнутъ овесъ. Ушелъ онъ однажды, ночью, на межу и сидитъ—ждетъ, не покажется ли кладъ. Вдругъ показался огненный шаръ изъ синяго огня и покатился къ вотику... Не докатившись до него, поднялся кверху и опять упалъ, а тутъ сдѣлался мѣшечкомъ съ серебромъ. Взялъ вотякъ мѣшечекъ и ушелъ. (Василій Фроловъ).

Въ деревнѣ Кыкзѣ. Говорило преданіе, что у воротъ двора одного Кыквинскаго вотяка хранится котелокъ съ деньгами. Завѣтомъ, будто бы, требуется одна человѣческая голова, т. е. для того, чтобы взять кладъ, надо убить одного человѣка. Одинъ сосѣдъ того вотяка, у воротъ котораго находился кладъ, ночью рѣшился копать кладъ. Это было лѣтомъ; ночью тогда было не очень темно. Копалъ, копалъ вотякъ (звали его Иваномъ)—и выкопалъ котелокъ съ серебряными монетами. Смотритъ въ котелокъ и видитъ серебро; а возьметъ въ руки—гальки. «Что за диво!» думаетъ вотякъ: «въ землѣ онѣ деньги, а на рукахъ—гальки». Однако наклонъ онъ галекъ въ полу платя и хотѣлъ было уйти. Вдругъ кто-то съ крыши кричитъ ему: «что ты дѣлаешь?» Иванъ испугался и, высыпавши гальки обратно въ яму, поспѣшно зарылъ и ушелъ домой. Легъ спать онъ и думаетъ о кладѣ. Явился къ нему сѣдой старикъ и говоритъ: «зачѣмъ, Иванъ, ходилъ безъ подарка (просилъ, видно, онъ человѣка); смотри, въ другой разъ такъ не дѣлай». И старикъ исчезъ какъ дымъ. Ивана стала трясти лихорадка и онъ пролежалъ въ ней двѣ недѣли. (Василій Петровъ Фроловъ, села Шаркана).

Въ поч. Локошурѣ. При починкѣ Локошурѣ есть возвышенное мѣсто, называемое мѣстными жителями горой. Тамъ, по преданію, въ старину виднѣлись двери, ведущія въ пещеру, а нынѣ уже онѣ отъ времени ушли въ землю и заросли травой. На этой горѣ, по временамъ, являлось привидѣніе въ видѣ вооруженнаго разбойника. Однажды нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей обратились къ

искусному ворожцу погадать на чемъ нибудь о кладѣ, и ворожецъ, погадавши, сказалъ, что кладъ дѣйствительно есть въ горѣ, что онъ скрытъ людьми Пугачева. Взяли самого ворожца и пошли копать. Копали, копали — докопались до бревенчатого потолка на глубинѣ одной сажени. Разобрали потолокъ и тамъ — пещера, а въ ней лежитъ бочка; на бочкѣ же, навалившись спиной, стоитъ полулежа мертвый разбойникъ. Ворожецъ погадалъ и говоритъ: «кто бочку скатитъ съ мѣста и мертвеца не уронитъ, того и сокровище, находящееся въ бочкѣ; если же разбойникъ упадетъ, то тотъ, кто скатитъ бочку — умретъ. Это и есть завѣтъ, съ которымъ скрытъ кладъ». Скатить бочку никто не согласился, такъ какъ, не трогая мертвеца, скатить ее было нельзя, потому что мертвецъ держался только на бочкѣ; слѣдовательно, чтобы упасть мертвецу, стоило только шевельнуть бочку. Заклали пещеру обратно и зарыли по прежнему. Толкуютъ теперь, что кладъ черезъ нѣсколько времени выйдетъ самъ. (Василій Петровъ Фроловъ).

Около Тыловая и Русскихъ Алчей. Около этихъ селеній у болота есть мельница. Тамъ, во время оно, когда были большіе лѣса, существовалъ притонъ разбойниковъ. Разбойники были такіе знатоки, что придуть въ клѣтъ — никто ихъ не слышитъ. Жили они, грабили людей и награбленные деньги зарыли въ землю у нынѣшней мельницы. Нѣкоторые обращались къ ворожцу и ворожецъ сказалъ, что завѣтомъ требуется своя голова, т. е. чтобы получить кладъ, надо положить свою голову. О количествѣ денегъ говорятъ, что ими можно уплатить подати столько, сколько потребно съ одной волости за три половины, т. е. за полтора года. (Поч. Тубаншура, Петръ Барановъ).

Въ лѣсу между поч. Сюрзвй и Сильшуромъ, въ трехъ верстахъ отъ дороги, идущей въ село Зюзино. Деньги зарыты разбойниками и ворами давнымъ давно, когда не было еще около этого мѣста людскихъ жилищъ. Разбойники не отличались жестокостью, а только посредствомъ колдовства усыпляли людей. Денегъ достаточно уплатить одной волости въ подати за два года. (Петръ Барановъ).

Въ четырехъ верстахъ отъ деревни Кыкы, Шарканской волости, между дорогами въ село Дебесы и Зюзино, въ лѣсу Шарканской казенной дачи есть три ямы, вырытыя, вѣроятно, разбойниками для храненія своихъ денегъ; тутъ было у нихъ убѣжище. Они награ-

били денегъ столько, что достаточно ихъ вносить въ подати и повинности за весь Сарапульскій уѣздъ пять лѣтъ. Награбивши такую сумму денегъ, зарыли ихъ и положили завѣтъ, что деньги возьметъ только тотъ, кто положитъ туда 100 головъ человѣческихъ. Вѣря такому преданію, два русскихъ мужика починка Тубоншура, Акимъ и Ѳедоръ, лѣтомъ 1885 года, ходили туда съ заступами копать кладъ и результатъ, со словъ ихъ самихъ, получился такой: пришли они на мѣсто и одинъ спустился въ яму съ желѣзнымъ щупомъ *), а другой остался на берегу. Щупаль одинъ и въ одномъ мѣстѣ, на глубинѣ около одного аршина, выщупалъ что-то подозрительное; тычетъ онъ щупомъ... предметъ, находящійся въ землѣ, издаетъ звуки похожіе на звуки отъ сундука... Онъ заключилъ, что это сундукъ съ деньгами разбойниковъ. «Вотъ счастье!» думаетъ онъ: «деньги достаются безъ человѣческихъ головъ». Въ невыразимомъ восторгѣ онъ зоветъ товарища: «айда, братъ Акимъ, копать: здѣсь деньги; соскакивай скорѣе въ яму— надо вынимать пока свѣтло». Какъ сказалъ онъ это—сундука подъ щупомъ не стало: его мѣсто заняла обыкновенная земля. Радость смѣнилась огорченіемъ и они ушли домой. За это они получили прозвище кладонскателей. (Петръ Барановъ).

Во *Тубоншуръ* (Зюзинской волости, Шарканскаго прихода) во дворѣ крестьянина Филиппа. Когда пріѣхалъ Филиппъ жить въ починокъ Тубоншуръ и поселился на занимаемомъ имъ мѣстѣ, дошла до ушей его молва, что во дворѣ его есть кладъ. Чтобы вѣрнѣе удостовѣриться, онъ обратился къ ворожцу (онъ и ворожецъ— русскіе), чтобы послѣдній поворожилъ, дѣйствительно ли тутъ кладъ. Ворожецъ, подтвердивши слова молвы, указалъ мѣсто нахожденія клада. Однажды двое изъ деревенскихъ мужиковъ съ участіемъ Филиппа копали кладъ и выкопали коровій рогъ, а въ этомъ рогѣ двѣ золотыхъ монеты. Кто вырылъ рогъ, передалъ его товарищу и сказалъ: «вынимай золотушки!» Принимая рогъ, товарищъ сказалъ слово—и въ землѣ показался сундучекъ. Вырывшій рогъ началъ поднимать сундучекъ. Поднимаетъ сундучекъ кверху — не

---

*) Щупъ—желѣзная трость толщиною съ дѣтскій палецъ. Названіе свое такая трость получила отъ того, что корчснники съ помощью ихъ прежде искали въ подпольяхъ и въ свѣгу у вотяковъ шумышку.

идеть... Соскочилъ съ бережка другой, сундучекъ зашумѣлъ и не стало его видно. (Петръ Барановъ).

Въ селѣ *Большепургинскомъ* на лужкѣ русскаго новожила Алексѣя Шулепова указываютъ на толстую сосну, говоря, что подъ ней хранится много денегъ, но о завѣтѣ никто не говоритъ. Если опредѣлить этой соснѣ лѣта по слоямъ, то ей, по крайней мѣрѣ, не менѣе 300 лѣтъ. (Иванъ Головковъ, села Большепургинскаго).

Выше въ отдѣлѣ «Исторія Вотяковъ и Князьковъ ихъ» мы упомянули о складахъ въ „*Корка-ял*” за селомъ Поломомъ. Теперь, кстати, скажемъ о главнѣйшихъ изъ нихъ. По сказкамъ, въ этомъ лѣсу скрыто несмѣтное число золота и серебра въ бочкахъ, боченкахъ и сундукахъ.

Съ лѣвой стороны Корка-яга пролегаетъ дорожка къ круглому озеру въ двухъ верстахъ отъ тракта. Въ этомъ озерѣ, по сказу крестьянина села Полома Николая Орлова, находятся на желѣзной цѣпи двѣ сорокаведерныхъ бочки: одна — съ золотомъ, другая — съ серебромъ. Бочки, по дѣйствию нечистой силы, по временамъ всплываютъ вверхъ, что видали, будто бы, нѣкоторые изъ случившихся въ это время у озера. Завѣтъ при этомъ кладѣ таковъ: кто принесетъ къ озеру сто головъ человѣческихъ, тотъ и возьметъ деньги. Второй кладъ у этого же озера въ угорѣ (холмикѣ). Объ этомъ Николай Орловъ передалъ намъ такъ: «случалось», говорилъ Орловъ, «покойному отцу моему проходить мимо означеннаго мѣста. Идетъ онъ и вдругъ видитъ у ногъ большой мельничный жерновъ; подошелъ къ нему; осматриваетъ и говоритъ: «хорошо бы этотъ жерновъ унести домой». Сѣлъ на жерновъ отдохнуть; отдохнулъ и пошелъ обратно. Обернулся назадъ — жернова уже нѣтъ. Тогда только и узналъ онъ (отецъ Орлова), что это былъ кладъ. Тутъ, сказываютъ, цѣлый сундукъ денегъ—заклучилъ Орловъ.

Одинъ искатель кладовъ вырылъ въ Корка-ягѣ, по сказу жителей окрестныхъ селеній, цѣлый сундучекъ съ деньгами, но поднять его не могъ. Что дѣлать? Задумался кладонскатель: если пригласить кого—надо идти въ деревню, а пока ходишь—найдетъ другой и увезетъ; да съ приглашеннымъ надо будетъ еще подѣлиться. Такъ разсуждалъ самъ съ собой кладонскатель у сундука, не зная, что дѣлать съ вырытымъ имъ кладомъ. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ—и явился къ нему лѣшій въ образѣ солдата.

— Что тутъ дѣлаешь?.. Сказалъ лѣшій кладовскателю и далъ ему въ шею тычекъ, и послѣ того не стало видно ни лѣшаго, ни сундучка.

Кладовскатель, вернувшись домой, обратился за совѣтомъ къ ворожцу. Ворожецъ налилъ въ чашку воды, спустилъ туда семи-гривенный и еще, кажется, уголь и сталъ ворожить. Смотрѣлъ, мотрѣлъ онъ въ чашку съ водой и сказалъ: «деньги будутъ твои; только надо идти туда съ водкой для угощенія лѣшаго, во власти котораго находится кладъ, но надо взять водки не менѣе полведра—лѣшій мало не пьетъ,—а не то онъ разсердится и пошутитъ надъ тобой. Мужикъ на другой же день, по совѣту ворожца, взялъ въ ведерной флягѣ съ горлышкомъ водки, запрегъ свою клячу въ телѣгу и уѣхалъ. Приѣхалъ онъ къ знакомому мѣсту и, оставивъ клячу на небольшой полянѣ въ сторонѣ отъ клада, пошелъ на мѣсто клада съ флягой. Стоитъ, ждетъ подъ елкой, какъ у моря погоды. Вдругъ въ сильномъ вихрѣ является къ нему лѣшій въ образѣ того же солдата и говорить:

— Что тебѣ надо?

— Я пришелъ угостить тебя водочкой—отвѣчаетъ мужикъ.

— За что хочешь угостить?

— Я—человѣкъ бѣдный, нуждаюсь въ деньгахъ. Не дашь ли мнѣ денегъ?

— Бери! былъ отвѣтъ лѣшаго.

У ногъ мужика очутился сундучекъ, окованный желѣзомъ.

— Ну, поднимай, говоритъ лѣшій.

Мужикъ взялся за сундучекъ и поднимаетъ его—сила не беретъ: сундучекъ тяжелъ, какъ свинецъ. Лѣшій смотритъ на него и презрительно улыбается.

— Ишь какъ падохъ на даровыя деньги! бормочетъ себѣ подъ носъ лѣшій.

Мужикъ смекнулъ, что онъ дѣлаетъ не ладно: не угощаетъ лѣшаго водкой. Отомкнулъ онъ горлышко и угощаетъ лѣшаго. Лѣшій тянулъ, тянулъ—чуть не вытянулъ всю водку. Зашумѣло у него въ головѣ и сталъ онъ шутить надъ мужикомъ.

— Ну, гдѣ твоя телѣга? спрашиваетъ лѣшій.

— Вотъ тутъ, на полянѣ, отвѣтилъ мужикъ, указывая пальцемъ на поляну, гдѣ стояла его лошадь.

— Идти или нѣтъ? Не скроется ли владѣ? думаетъ мужикъ. Лѣшій узналъ думы мужика и говорить ему:

— Ступай скорѣе, веди влячу, а не то чрезъ пять минутъ ты простишься съ владомъ.

Мужикъ побѣжалъ за влячей. Лѣшій безъ него вытянулъ изъ фляги всю воду.

Подбѣхалъ мужикъ ко владу.

— Хо! хо! хо! захохоталъ вдругъ лѣшій надъ мужикомъ и вдобавокъ свистнулъ такъ сильно, что листья посыпались съ деревь. Хохотъ же его пронесся по лѣсамъ продолжительнымъ эхомъ; у мужика со страху подсѣвились и колѣни. Лѣшему стало жаль мужика.

— Не трусь, дядя! говорить онъ мужику, клади скорѣе сундучекъ въ телѣгу и поѣзжай.

Мужичекъ пыхтѣлъ, крихтѣлъ надъ сундучкомъ, но не можетъ поднять.

Видитъ лѣшій, что сила у мужика какъ у комара и говорить ему: «Эхъ ты тютя! тютя! ты видно мякину ѣшь!» И съ этими словами онъ подошелъ къ сундучку... взялъ его за уголъ одной рукой и поднялъ какъ легкое перышко; положилъ въ телѣгу и говорить:

— Ну, ступай да не трусь! Если поднимется буря — залѣзь подъ телѣгу и сиди тамъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ буря.

Сѣлъ мужикъ на козлы и поѣхалъ, не оглядываясь назадъ. Вдругъ поднялась такая сильная буря, какой онъ не видывалъ съ роду, и ужасъ объялъ его. Все трещить, ломается какъ сухая лучинка, деревья гнутся, листья сыплются... шумъ увеличивается болѣе и болѣе. Жутко! Мужикъ слѣзъ съ козелъ, закрутилъ влячу и залѣзъ подъ телѣгу. Шумъ не перестаетъ. Мужикъ ни живъ, ни мертвъ; волосы поднялись на головѣ какъ щетинки. Перекрестившись, сталъ онъ поминать всѣхъ святыхъ, про которыхъ слыхалъ отъ людей. Вдругъ вѣтеръ утихъ, водворилась тишина. Но гдѣ же сундучекъ? Увы, онъ исчезъ какъ дымъ! Тутъ только и вспомнилъ мужикъ слова лѣшаго, который не велѣлъ ему трусить. Запечалился мужикъ.

— Вотъ тебѣ владѣ! сказалъ мужикъ, почесывая затылокъ. Тютя, такъ тютя и есть я! зачѣмъ надо было мнѣ трусить, когда

самъ лѣшій не велѣлъ бояться? Можетъ быть еще ничего, но я перекрестился, а нечисть креста не любитъ; лѣшій тоже нечисть, хотя и лопааетъ водку. Издержалъ только послѣднія деньги! Хорошо если бы пилъ самъ, а то не пропустилъ ни глотка... все вылопалъ лѣшій.

Такихъ разсказовъ о продѣлкахъ лѣшаго въ Корка-ягѣ не переслушаешь, и все это, говорятъ, взято изъ приключеній кладоискателей. Для вырѣтїя кладовъ въ Коркѣ-ягѣ въ старину прїѣзжали русскіе изъ Пермской губерніи, но добывали ли кладъ—не извѣстно, а вѣрно, что клады дѣйствительно искали, о чемъ свидѣлствуютъ и ямы, вырытыя кладоискателями. Какимъ образомъ сложились въ устахъ народа такія преданія—объяснить трудно. Нѣкоторые изъ старожиловъ окрестныхъ селеній говорятъ, что въ Корка-ягѣ были жилища, отчего вѣроятно и получилъ лѣсъ названіе домового бора, но въ настоящее время никакихъ признаковъ жилища тамъ нѣтъ: все сравнялось съ поверхностью земли и въдобавокъ заросло лѣсомъ.

Корка-ягъ пользуется славой не только, благодаря лежащимъ въ его нѣдрѣхъ кладамъ, а еще—какъ главное мѣстопребываніе лѣшаго. По сказкамъ жителей, лѣшій тамъ дѣлаетъ свадьбы, продѣлываетъ разныя шутки надъ людьми, и эти шутки, по повѣрью, всегда служатъ предзнаменованіемъ какого нибудь несчастья. Одинъ изъ Поломцевъ разсказывалъ намъ, что однажды ѣхалъ его дѣдъ изъ Баней (станція въ 20 верст. отъ Полома); доѣхавши до половины, захотѣлъ покурить. Между тѣмъ, какъ лошадь его шла шагомъ, онъ набилъ трубку тютюномъ и началъ закуривать. Вдругъ лошадь остановилась и не пошла далѣе; онъ ударилъ вѣтнемъ—лошадь не идетъ. Посмотрѣлъ на лѣво и—о, ужасъ!—по лѣвую сторону его, рядомъ съ нимъ, тащится огромной величины гробъ съ мертвецомъ. Мужикъ не упалъ духомъ, стегнулъ коня крестообразно и поѣхалъ. Посмотрѣлъ черезъ минуту въ лѣвую сторону—и гроба уже нѣтъ. Вдругъ сердце его зануло отъ предчувствія недобраго. Прїѣхалъ онъ домой и встрѣтила его у воротъ любимая дочь. Предчувствіе не обмануло его: черезъ нѣсколько дней дочь его, захворавши, умерла. Словомъ, Корка-ягъ служилъ еще предвѣстникомъ несчастья.

Такія повѣрья и разсказы невольно наводятъ на вопросъ:

не служилъ ли Корка-ягъ, во время оно, притономъ для разбойниковъ, наводившихъ ужасъ на окрестныхъ жителей? Вопросъ этотъ отчасти разрѣшаютъ самыя преданія, а отчасти и археологическія находки, находимыя въ окрестностяхъ этого мѣста. Найдены эти находки въ различныхъ металлическихъ вещахъ, между которыми особенно заслуживаетъ вниманія найденный въ деревнѣ Сѣдъ-Ярѣ въ 1884 г. серебряный кувшинъ съ какою-то надписью, по поводу котораго были различныя толки: одни говорили, что около Корка-яга жили татары, а другіе высказывали мнѣніе, что въ Корка-ягѣ жили разбойники изъ бѣглыхъ новгородцевъ въ эпоху пришествія новгородцевъ въ Хлыновскую область. Если толки эти заслуживаютъ вниманія и если есть вѣроятіе полагать, что здѣсь жили разбойники, то несомнѣнно, что всѣ сказанія о кладахъ сложились подъ вліяніемъ страшныхъ разсказовъ о свирѣпствахъ разбойниковъ.

Не менѣе интересно преданіе о кладѣ въ озерѣ *Котыреса-ты* (круглое озеро), въ 8 верстахъ отъ села Полома. Озеро это лежитъ въ четырехъ верстахъ отъ старицы (древнее русло рѣки Чепцы). Въ немъ, по сказкамъ жителей села Полома, находится бочка съ золотомъ и серебромъ. Завѣтъ, съ которымъ положены деньги, таковъ: желающій получить кладъ долженъ на берегу этого озера зарѣзать человѣка. Вѣри такому преданію, одинъ вотакъ изъ деревни П.... Д.... заманивалъ туда своего родного сына съ цѣлью зарѣзать, но сынъ догадался, въ чемъ дѣло, и убѣжалъ.

Въ трехъ верстахъ отъ села Полома, по Зуринской дорогѣ, указываютъ Поломцы на пень у межеваго столба, подъ которымъ будто бы лежитъ серебро, но завѣтъ неизвѣстенъ; а только говорятъ, что кладъ кажется по временамъ солдатомъ на сивомъ конѣ.

Говоря о кладахъ, мы должны замѣтить, что каждый кладъ, положенный съ завѣтомъ, по повѣрью, даромъ не дается: надо знать и исполнить завѣтъ, а исполнить его или весьма трудно, или вовсе невозможно. Тѣ, которымъ доставался кладъ, казущійся огнемъ, умирали и въ родѣ ихъ не оставался никто. Впрочемъ, и другіе клады инымъ приносятъ несчастье: или скотина хвораетъ, или людямъ нездоровится. По повѣрью вотиковъ, съ каждымъ человекомъ кладъ въ жизни встрѣчается три раза, но дается только счастливому. Пройдите по мѣ-

стамъ, населеннымъ вотяками, и вы услышите десятки преданій о кладѣхъ. И ве даромъ сложились у инородцевъ такія преданія: изъ земли въ прежнія времена часто вырывали при воздѣлываніи земли и рытѣи ямъ клады, заключающіеся въ звонкихъ монетахъ; вырываютъ ихъ и теперь, но объ этомъ, къ сожалѣнію, нашедшіе до свѣдѣнія начальства не доводятъ. Такъ, напримѣръ, въ 70 годахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Зуры къ селу Большепургинскому, одинъ русскій мужикъ, слышавъ о кладѣ подъ огромной пѣлой сосной у дороги, подложилъ подъ сосну огня — и сосна, подгорѣвши, свалилась; въ золѣ, какъ говорятъ, мужикъ этотъ нашелъ слитокъ серебра и мѣди, но о серебрѣ умолчалъ, о мѣди же объявилъ. Въ 1884 году одинъ Вотякъ Сосновской волости нашелъ около 800 штукъ серебряныхъ монетъ, а другой — мѣди болѣе пуда, но монеты, по отзыву сгаршины, не принадлежать чеканкѣ древнихъ временъ, если не считать древними временами эпоху царствованія Императрицы Екатерины, изображенія которой носятъ на себѣ найденныя монеты. Въ Тыловайской волости въ деревнѣ Бугдановѣ, по отзыву Зюзинскаго учителя Михаила Овчинникова, находятъ въ крутомъ берегу серебряныя монеты древнѣйшихъ временъ, одинъ экземпляръ каковой, какъ отозвался намъ Овчинниковъ, имѣетъ и онъ. А сколько такихъ находокъ, которыя извѣстны только нашедшимъ! Если бы каждый нашедшій представлялъ въ Археологическое Общество хотя одну штуку найденной монеты, заслуживающей сбереженія въ археологическомъ отношеніи, то составила бы богатая коллекція для изученія края въ историко-этнографическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи важны были бы тѣ находки, которыя обрѣтаются около городищъ вотскихъ богатырей, гдѣ прежде сосредоточивались главныя силы Вотяковъ и имѣли резиденція ихъ князьки. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что въ 1860 годахъ, въ 12 верстахъ отъ г. Глазова, одинъ вотякъ нашелъ цѣлый кувшинъ серебряныхъ монетъ древнихъ временъ, и часть таковыхъ стараніями исправника и его помощника сбережена и представлена въ Археологическое Общество, за что исправникъ съ помощникомъ получили въ даръ по драгоцѣнному перстню. Всѣ такіе клады, которые находятся при воздѣлываніи земель — *незапятые*, какъ отзываются и сами вотяки. Они были положены богатыми людьми для сбереженія на

случай опасности отъ разбойниковъ, которые по временамъ появлялись около нихъ и требовали денегъ подъ страхомъ пытокъ. Вотъ это-то и заставило ихъ зарывать деньги въ землю подъ сосны и ели около своихъ жилищъ и, такимъ образомъ, хранить свою казну отъ злодѣевъ. Естественно, что зарытыя деньги богатыхъ и бездѣтныхъ вотяковъ оставались въ землѣ на вѣки вѣчные, такъ какъ, не имѣя наслѣдниковъ, богачи не знали, какъ поступить со своимъ сокровищемъ, а раздачу по бѣднымъ благодѣніемъ не считали. Большая часть такихъ богачей была такого мнѣнія, что лучше-де деньгамъ покоиться въ землѣ, чѣмъ роздать по рукамъ или издержать на свои прихоти; вѣдь мы де сами тоже будемъ лежать въ землѣ. Иные передъ смертію, можетъ быть, и передавали бы знакомымъ, если не было родственниковъ, да постигла вдругъ внезапная смерть — и деньги остались въ землѣ навсегда. Впослѣдствіи кто при воздѣлываніи земель и при рытьи ямъ для столбовъ и проч. находилъ такія деньги—называлъ ихъ *незавѣтными* кладомъ, назначеннымъ ему слѣпымъ счастіемъ.

Незавѣтные клады обыкновенно не заключаютъ въ себѣ большой суммы, какую заключаютъ завѣтные, т. е. положенные съ какимъ нибудь условіемъ, безъ выполненія котораго никто не можетъ получить клада.

Въ окрестностяхъ поч. Титова, Шарканскаго прихода, по повѣрью жителей, скрыты клады въ различныхъ мѣстностяхъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Выше старыхъ воротъ (вужъ дзезы), саженьяхъ въ 50 отъ мельницы и въ верстахъ полуторныхъ отъ деревни, есть небольшой перелѣсокъ; въ этомъ перелѣскѣ по вечерамъ кладъ кажется огнемъ. (Иванъ Семеновъ). Второй кладъ въ 2 верстахъ отъ деревни и саженьяхъ въ 10 отъ дороги у горы подъ названіемъ Мукабанъ; о количествѣ денегъ преданіе умалчиваетъ. Говорятъ, что кладъ по временамъ кажется то человѣкомъ - старикомъ, то бараномъ и проч. (Петръ Николаевъ). Третій кладъ — въ полуторныхъ верстахъ отъ деревни и саженьяхъ въ 50 отъ дороги между перелѣсками есть логъ подъ названіемъ Каро-нюкъ. Въ этомъ логу скрыты деньги, но о количествѣ ихъ, такъ равно и о завѣтѣ преданіе не говоритъ. Около клада по временамъ бываютъ видѣнія; такъ, напримѣръ, съ дѣвушками поч. Порозова было такое приключеніе: шли онѣ лѣтомъ въ деревню чрезъ Титово и сбились съ дороги;

идутъ онѣ какъ будто по неизвѣстнымъ совершенно мѣстамъ и зашли въ логъ. Вдругъ на встрѣчу имъ вышелъ сѣдой старикъ и закричалъ страшнѣйшимъ голосомъ; онѣ бросились бѣжать чрезъ перелѣсокъ и на пути шоръ-дѣремы ихъ (верхнія платья) задѣваютъ за сучья и рвутся; а старикъ все кричитъ. Пришли онѣ къ горѣ Мукабану, гдѣ находится кладъ, и на встрѣчу имъ бѣжитъ жеребенокъ; жеребенокъ этотъ закричалъ по человѣчьи; онѣ испугались и опять пустились бѣжать. Когда жеребенокъ скрылся, взосли на гору и оттуда увидѣли Титово. Пошли они въ Титово, а оттуда въ Бакино; здѣсь посмотрѣли на свадьбу и пошли домой. Опять онѣ заблудились и пришли къ горѣ Мукабану. Сошли въ логъ, чрезъ который пролегала дорога и на встрѣчу опять жеребенокъ; жеребенокъ кричитъ какъ человѣкъ; онѣ бѣжать.... жеребенокъ все кричитъ. Дѣвушки запнулись и упали одна на другую чуть не въ одну грудь. Встали и пошли въ каро-нюкъ и тамъ опять встрѣчаютъ ихъ сѣдой старикъ и по прежнему кричитъ на нихъ. Пришли къ пруду и умылись. Опять пошли и встрѣтили мужика, ищущаго коней; мужикъ ихъ вывелъ на дорогу и онѣ пошли домой. (Петръ Николаевъ).

Въ дер. Шегзляль, Шарканскаго прихода, среди поля стоитъ видная со всѣхъ сторонъ гора; въ этой горѣ, по преданію, находится сундукъ съ деньгами. Кладъ кажется огнемъ, а около огня по временамъ являются привидѣнія—четвероногія животныя и зѣбри: лошади, свиньи, волки и проч. По разсказу крестьянина поч. Сущкова, Гаврила Елисѣева, одна женщина ушла искать и ей подъ ногами представился огонь, но никакого клада не нашла.

Въ ночь на Великій Четвертокъ, по сказу вышеупомянутаго же Елисѣева, ушли къ этой горѣ слушать нѣсколько мужиковъ и тамъ выслушали крики и голоса папущихъ мужиковъ.

Говоря о горахъ, мы должны замѣтить, что въ сущности это вовсе не горы, а просто возвышенія и холмы, расходящіеся въ разныя стороны отъ одной цѣпи, пролегающей съ юго-запада на сѣверо-востокъ къ уральскимъ горамъ. Въ однихъ изъ этихъ возвышенностей, въ предѣлахъ владѣній крестьянъ поч. Мувыра, по отзыву священника Сосновской церкви, о. Василія Богданова, назадъ тому не менѣе 10 лѣтъ, лѣтомъ во время папши, былъ слышенъ подземный гулъ до того чувствительный, что папущіе кре-

стьяне-инородцы должны были съѣхать съ горы (холма). По отзыву инородцевъ, изъ нѣкоторыхъ горъ вѣстѣ съ ключевой водой идутъ крупинки золота, но настолько тутъ правды, мы доказывать не беремся, да и самые слухи передаются какъ бы по секрету, чтобы *не дошла молва до боговѣй*, которые, услышавши объ этомъ, пріѣдутъ и, если отероютъ руды, стѣснять жителей. Вотяки поч. С.... вы, какъ передавали намъ мальчики отъ 12 до 15 лѣтъ изъ сосѣдней С.... деревни, будто бы на вершинѣ одной горы въ поляхъ ихъ знаютъ богатую серебряную руду, но объявлять объ ней другъ другу воспрещаютъ; *откроютъ де руду и будетъ тамъ городъ*—и тогда жители, т. е. вотяки, поневолѣ должны уѣхать на другое мѣсто.

Въ 1882 году, какъ рассказывалъ намъ 15 лѣтній сынъ вотяка изъ д. Сурсовая, Гаврило Воронцовъ, пріѣзжали къ намъ въ деревню искать въ горѣ, находящейся при деревнѣ ихъ, богачи, но золота нашли только нѣсколько крупинокъ. Въ дер. Е.... ртѣ, по сказу вышеозначеннаго же Воронцова, изъ горы пробивается ручеекъ; съ этимъ ручейкомъ, будто бы, изъ горы выходятъ песчинки золота.

При одной изъ деревень, какъ передавали намъ, находится бѣлая глина для каменной посуды, но сколько ея и какого она качества—никто не говоритъ.

Кладоискатели и мошенники. Обмануть инородца еще недавно не стоило никакого труда, особенно, если кто былъ знакомъ съ повѣрьями и обычаями его, инородца. Чтобы выманить отъ инородца деньги, русскіе старались познакомиться съ ними ближе, распускали слухи о кладахъ и ворожцахъ, могущихъ открывать клады, и тѣмъ привлекали къ себѣ вниманіе инородца. Назадъ тому около 30 лѣтъ, русскіе изъ за рѣки Камы, Пермской губерніи, распускали между вотяками слухи, что за Камой насупротивъ Воткинскаго завода въ пещерѣ находятся сундуки съ деньгами, но за неимѣніемъ денегъ, требующихся завѣтомъ въ залогъ, клады въ сундукахъ остаются нетронутыми. Объ этомъ русскіе объявляли вотякамъ и на базарахъ въ Воткинскомъ заводѣ и въ деревняхъ и просили помощи въ денежныхъ средствахъ, съ обязательствомъ выдачи причитающейся на число положенныхъ въ залогъ денегъ суммы, которой, по рассказамъ, не знали и счету. Такіе слухи распространились

вездѣ и повѣрили имъ не только вотяки, но и русскіе, и нѣкоторые изъ духовныхъ лицъ. Думали, думали—рѣшили послать за Каму довѣренныхъ лицъ съ деньгами. Пріѣхали посланные изъ вотскаго края къ мѣсту клада и ихъ увели въ пещеру. Тамъ стоятъ огромные сундуки съ продѣланными въ крышкахъ дырами, а на-супротивъ дыръ видны ребрами золотые имперіалы и серебряные рубли.

— Денегъ-то! денегъ-то! пропасти! думаютъ. посланные и, по словамъ русскихъ, спускаютъ деньги въ особое отверстіе кто 50 руб., кто 100 и т. д., надѣясь на залогъ свой получить денегъ во сто и тысячу разъ болѣе залога. Спустили свои деньги; ждутъ и что же? Вдругъ изъ подъ сундуковъ, изъ земли, говоритъ человѣческій голосъ: мало залогоу, спускайте больше!

— Ступайте, несите денегъ больше—говорятъ русскіе, приведшіе ко кладамъ.

Почесали посланные затылки и вернулись. Иные ѣздили по другому разу и возвращались опять безъ денегъ, а иные, послушавшіеся благоразумныхъ людей, принимали это за мошенничество и болѣе не ѣздили туда; изъ другихъ же мѣстъ, какъ было слышно, пріѣзжали группами и спускали послѣдніе деньги. Такъ спускались залоговъ въ чаяніи полученія огромныхъ денегъ до тѣхъ поръ, пока это не дошло до свѣдѣнія полиціи. Дѣло было въ слѣдующемъ: русскіе мошенники вырыли пещеру и, разставивъ въ ней рядами сундуки, наполнили ихъ камнями, а подъ отверстіями въ крышкахъ были монеты фальшивыя. Внизу, т. е. подъ сундуками, была другая пещерка и въ ней сидѣлъ человѣкъ, принимающій сверху залоговыя деньги и требующій новыхъ залоговъ. Когда это узнала полиція, мошенниковъ арестовали и предали въ руки правосудія, а самую пещеру, по распоряженію ея, завалили землей. Такимъ способомъ мошенники, говорятъ, сколотили огромный капиталъ (Яковъ Степановъ, поч. Сушкова).

Одинъ вотякъ поч. Порозова, Шарканскаго прихода, слышавъ о кладѣ въ Шарканскомъ волоку (лѣсу), попросилъ ворожить русскаго ворожца дер. О..... Ефима, правду ли де говоритъ преданіе, что на такомъ-то мѣстѣ есть кладъ? Ворожецъ сказалъ вотяку, что кладъ въ Шарканскомъ лѣсу дѣйствительно есть. Вотякъ просить ворожца пріѣхать къ нему ночью поворожить еще о завѣтѣ, чтобы,

узнавши заветъ, идти на мѣсто клада и открыть его. Ворожецъ общался прѣхать къ нему чрезъ недѣлю. Русскій ворожецъ сталъ обдумывать различные планы какъ бы надуть вотяка и выдумалъ слѣдующее: надо, говорить онъ себѣ, наполнить сундукъ обломками стекла, увезти его заранѣе въ лѣсъ, и къ сундуку приставить замаскированного человѣка, чтобы онъ, изображая собой лѣшаго, требовалъ залогоу. Планъ составить и ворожецъ, пригласивши въ свой домъ родственника, съ помощью его наполняетъ сундукъ стекломъ, обломками посуды, камнями и проч.; и дѣлаетъ изъ бересты конусообразную шапку. Приготовивши все, они отвозятъ сундукъ въ Шарканскій лѣсъ и оставляютъ его тамъ. На другой день въ лунную ночь (это было осенью) родственникъ ворожца идетъ къ сундуку и тамъ надѣваетъ на себя вывороченную шубу, а на голову конусообразную берестяную шапку и ждетъ воряка съ ворякомъ. Между тѣмъ ворожецъ въ домѣ воряка время проводитъ въ гаданіи. Погадавши, говорить воряку, что завтра требуетъ лѣшій залогоу отъ 100 до 500 рублей. Ворякъ на случай беретъ 300 руб. и отправляется съ ворожцомъ въ лѣсъ къ отведенному заранѣе сундуку съ обломками стекла. Подъѣхали къ лѣсу и лошади привязали ко пню. Заходятъ въ лѣсъ. Луна ярко свѣтитъ на небѣ; между елей и обнаженныхъ лицъ коегдѣ проходить свѣтъ и освѣщаетъ пни и молодые деревья. Вотъ видятъ они, что около одной ели показывается человѣкъ въ конусообразной шапкѣ, а недалеко отъ него видѣется сундукъ.

— Смотри, вонъ *она* самъ ходитъ у сундука, — говорить воряку ворожецъ шопотомъ.

Остановились и совѣтуются какъ поступить.

— Ты постой здѣсь, а я схожу поближе и спрошу *его* сколько надо залогоу — говорить ворожецъ.

Ворякъ остается, а ворожецъ идетъ. Тамъ кое-что поговорилъ онъ съ товарищемъ и возвращается, а мнимый лѣшій отходитъ въ сторону.

— Ну, иди и положи на сундукъ денегъ — говорить ворожецъ.

Ворякъ ушелъ и положилъ 100 рублей; опять онъ вернулся къ ворожцу.

— Мало денегъ! говорить лѣшій особеннымъ тономъ.

Ворякъ кладетъ опять 100 руб. и возвращается.

— Еще мало! продолжаетъ лѣшій.

Вотякъ кладетъ остальные 100 руб. и возвращается.

Лѣшій беретъ деньги и отходитъ.

— Ну, теперь пойдѣмъ за сундукомъ: денегъ больше не требуется, говорить ворожецъ.

Ушли и дотащили сундукъ до лошади; положили его въ телѣгу и уѣхали.

Привезли сундукъ къ вотяку, поставили его въ подполье.

— Ну, теперь распечатывать, т. е. разбивать крышку не будемъ—говорить ворожецъ; я приѣду къ тебѣ чрезъ три дня и тогда будемъ дѣлить деньги.

— Я себѣ денегъ возьму больше, потому что залогъ положилъ я,—говорить вотякъ.

— Нѣтъ, мнѣ надо больше: нашелъ кладъ я, отвѣчаетъ ворожецъ.

— Ну, какъ нибудь раздѣлимъ, приѣзжай только поскорѣе—говорить вотякъ.

Ворожецъ уѣхалъ.

Прошло два дня—ворожецъ не явился; между тѣмъ вотякъ сильно томить желаніе посмотрѣть на сокровище. Прошло еще три дня—ворожецъ не является.

— Не пропалъ-ли онъ тамъ, каналья? говорить вотякъ и принимается разбивать крышку сундука. Разбилъ и чтожъ? сундукъ наполненъ обломками посуды, стекла, камнями и пескомъ. Разочарованный вотякъ плюнулъ въ сундукъ и вышелъ изъ подполья.

Черезъ два дня приѣхалъ ворожецъ и говорить:

— Ну, будемъ ломать сундукъ.

— Чего ломать? Я изломалъ да въ сундукѣ одно дермо—отвѣчаетъ нехотя вотякъ.

— Вѣдь не велѣлъ я тебѣ ломать безъ меня; не послушался меня,—лѣшій деньги превратилъ въ обломки—говорить ворожецъ.

Вотякъ, вмѣсто отвѣта, только почесалъ затылокъ.

Языческія кладбища.

Языческое кладбище вотяковъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго возвышенія, гдѣ растутъ мелкій лѣсокъ и верескъ. Здѣсь вы не увидите никакихъ памятниконъ на могилахъ, не замѣтите ничего особеннаго, доказывающаго присутствіе могилъ: все сравнимо, старло отъ

глазъ человека время; но эти признаки могли стертъ только съ лица кладбища, а въ землѣ кости еще цѣлы. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ вотскихъ кладбищъ я нашелъ вырытую собакой, разрывшей пору крысы, еще крѣпкую бедренную кость ноги. Кромѣ костей внутри могли вы найдете какія нибудь металлическія вещи или монеты, положенныя съ покойникомъ въ гробъ. Мертвыя тѣла въ этихъ кладбищахъ не зарывались глубоко, поэтому вырыть изъ могилъ кости не стоитъ большого труда. Въ кладбища эти зарывались тѣла до времени принатія вояками христіанства и есть таковыя при каждомъ старомъ селеніи. Существуютъ о нихъ и рассказы у инородцахъ. Изъ этихъ рассказовъ мною не забытъ одинъ, слышанный въ селѣ Большенургинскомъ, при которомъ есть на крупномъ возвышеніи языческое кладбище. Говорятъ, что тамъ *млтса* всяко: когда плачетъ грудной ребенокъ, когда воетъ взрослый. Вояки называютъ ихъ *сужъ тай* (старое кладбище).

• С К А З К И.

Старикъ-прохожій. Шелъ одинъ старикъ-прохожій по дорогѣ пришелъ въ деревню и зашелъ ночевать въ одну избушку. Разулся и спрашиваетъ хозяевъ: «куда мнѣ положить, хозяева, лапти?» Хозяева отвѣчаютъ «положь, дѣдушка, лапти на печь». Старикъ опять говорить: «лапти у меня сухіе, на печь класть ихъ незачѣмъ,—положу ихъ лучше къ курамъ въ залавокъ» и положилъ ихъ въ залавокъ. Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся, умылся и, подошедши къ залавку, говорить: «вчера вечеромъ я пустилъ сюда, въ залавокъ, свою курочку.» Хозяева, зная, что у старика не было курицы, говорятъ ему: «какая курица? у тебя, старикъ, не было курицы; ты клалъ къ нашимъ курицамъ лапти и взялъ ихъ обратно». Старикъ спорить и неотступно требуетъ курицу. Хозяева отдали старику курцу и прогнали его прочь отъ себя. Идетъ старикъ по дорогѣ съ курицей и приходитъ въ деревню; заходитъ въ избушку и говорить: «пустите, добрые люди, ночевать!» Хозяева отвѣчаютъ: «ночуй, дѣдушка, ночуй!» Старикъ опять говорить хозяевамъ: «у меня съ собой есть курочка, такъ надо бы и ей гдѣ нибудь мѣста»; хозяева отвѣчаютъ: «пусти, дѣдушка, курочку въ нашимъ курочкамъ». Старикъ говорить: «моя курочка съ курочками не спитъ, а спитъ она съ утками». Хозяева отвѣчаютъ: «ладно, дѣдушка;пусти свою»

*

курочку къ нашимъ уткамъ! И пустилъ старикъ курочку свою къ хозяйскимъ уткамъ. Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся, подошелъ къ хозяйскимъ уткамъ и говоритъ: «вчера, вечеромъ, я пустилъ сюда свою уточку, такъ надо ее взять». Хозяйка говоритъ старику: «какую утку, старикъ? вѣдь ты пустилъ къ нашимъ уткамъ курочку, такъ возьми ее». Старикъ требуетъ утку, говоря: «у меня была уточка, а не курица». Хозяйка отдала старику утку и прогнали его прочь отъ себя. Идетъ старикъ по дорогѣ. День склонялся къ вечеру; приходитъ въ деревню; заходитъ въ избушку и говоритъ: «пустите, добрые люди, ночевать!» Хозяйка отвѣчаютъ: «ночуй, дѣдушка, ночуй!» Старикъ опять говоритъ: «у меня съ собой есть уточка, такъ надо бы и ей гдѣ нибудь мѣсто переночевать!» Хозяйка говоритъ: «пусти, дѣдушка, уточку къ нашимъ уткамъ!» Старикъ отвѣчаетъ: «моя уточка съ уточками не спитъ, а спитъ она съ гусями!» «Ладно,пусти, дѣдушка, уточку къ гусямъ», говорятъ хозяйка. И пустилъ старикъ утку свою къ хозяйскимъ гусямъ. Утромъ всталъ старикъ, обулся, одѣлся и говоритъ хозяйкѣ: «вчера, вечеромъ, я пустилъ къ вашимъ гусямъ свою гусиху, такъ надо ее взять». Хозяйка отвѣчаютъ: «какую гусиху, старикъ? вѣдь ты пустилъ уточку, а не гусиху!» Старикъ возражаетъ: «нѣтъ, я пустилъ гусиху, а не уточку». Спорили, спорили хозяйка, стали не рады; отдала старику гусиху и прогнали его. Идетъ старикъ по дорогѣ и вечеромъ заходитъ въ деревню ночевать; зашелъ въ избушку и говоритъ: «пустите, добрые люди, ночевать!» Хозяйка отвѣчаютъ: «ночуй, дѣдушка, ночуй!» Опять старикъ говоритъ: «у меня есть съ собой гусиха, такъ надо бы и ей мѣсто до утра». Хозяйка отвѣчаютъ: «пусти, дѣдушка, гусиху къ нашимъ гусямъ». Старикъ продолжаетъ: «моя гусиха съ гусями не спитъ, а спитъ она съ индѣйками». Хозяйка отвѣчаютъ: «пусти, дѣдушка, гусиху къ нашимъ индѣйкамъ!» И пустилъ старикъ гусиху къ хозяйскимъ индѣйкамъ. Переночевалъ старикъ, обулся, одѣлся и говоритъ хозяйкѣ: «принесите мнѣ индѣйку, которую я пустилъ вчера вечеромъ къ вашимъ индѣйкамъ!» Хозяйка говоритъ: «какую индѣйку? вѣдь у тебя была гусиха, а не индѣйка». Старикъ споритъ, что была индѣйка. Дѣлать нечего, хозяйка отдала индѣйку и прогнали старика. На пятую ночь старикъ пустилъ индѣйку къ сваньямъ и взялъ свинью; на шестую ночь пустилъ свинью къ овечкамъ

и ввездя овецку; на седьмую — пустиль овецку къ телатамъ и ввездъ телку, а телку пустиль къ быкамъ и ввездъ быка. Ночью, когда всѣ хозяева уснули, всталъ старикъ, обулся, одѣлся и вышелъ въ сѣни, а изъ сѣней — во дворъ; тамъ нашелъ узду, хомутъ и всю нужную сбрую, пошелъ въ конюшню; поймалъ быка, запрегъ его въ хозяйскія сани и выѣхалъ со двора. Разсвѣтало. Ѣдетъ старикъ по дорогѣ и поетъ:

Тпручки бычекъ, по дорожкѣ течеть,

Сани не наши, хомутъ не свой,—

Понукай, не стой!

На встрѣчу попадаетъ зайчикъ и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдушка, поѣхалъ?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, зайнька!» — «Возьми меня, дѣдушка!» — «Садись, зайнька!» Сѣлъ зайчикъ и ѣдутъ. На встрѣчу попадаетъ лисица и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдушка, поѣхалъ?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, лисанька!» — «Посади меня, дѣдушка!» — «Садись, лисанька!» и поѣхали. Ѣдутъ по дорогѣ; на встрѣчу бредетъ волкъ и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдушка, поѣхалъ?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, волкъ!» — «Возьми меня съ собой!» — «Садись!» и поѣхали. Ѣдутъ по дорогѣ; на встрѣчу попадаетъ медвѣдь и спрашиваетъ: «куда ты, дѣдо, ѣдешь?» Старикъ отвѣчаетъ: «на работу, Мишенька!» — «Посади меня!» — «Садись!» и поѣхали. Ѣдутъ по дорогѣ; вдругъ переломилась оглобля. Посылаетъ старикъ въ лѣсъ за оглоблей зайца; заяцъ усекалъ и принесъ сучежъ; посылаетъ лисицу, лисица принесла вицу; посылаетъ волка, волкъ принесъ пенежъ; посылаетъ медвѣдя, медвѣдь принесъ бревно. Ушелъ старикъ за оглоблей самъ. Между тѣмъ какъ старикъ искалъ въ лѣсу оглоблю, медвѣдь съ волкомъ съѣли быка, оставивъ только шкуру да голову; а чтобы старикъ не вернулся изъ лѣсу скоро, не видя быка, воткнули между оглоблями четыре колышка и на колышки эти повѣсили шкуру быка и разбѣжались. Вернулся старикъ съ оглоблей, сталъ запрягать быка, а быкъ и развалился. (Сказка эта записана со словъ вѣстиянъ починка Нырошура, Тимофея Михайлова, и поч. Урдогурта, Капитона Семенова).

Медвѣжьянья-богатыйрѣ. Три сестры ушли лѣтомъ въ лѣсъ по ягоды-бруснику. Въ лѣсу онѣ разошлись и одна потерялась. Искали, искали двѣ сестры третью — не нашли. Такъ и ушли онѣ домой двѣ. Ждали, ждали ее дома — не пришла. Погорѣвали по несчастной

сестрѣ и забыли. Между тѣмъ сестра, заблудившись въ лѣсу, про-
бродила до самой ночи и пристала на ночлегъ; заглѣзла въ дупло
большой липы и спитъ. Ночью подошелъ къ ней медвѣдь и сталъ
ласкать какъ человѣкъ: то гладить ее по головкѣ, то треплеть по
спинѣ, давая тѣмъ понять, что онъ ничего худого ей не-сдѣлаетъ.
Внушилъ медвѣдь довѣріе къ себѣ и дѣвушка не стала бояться
его. Поплакала, порыдала дѣвушка и покорила своей судьбѣ.
Утромъ взошло солнце и медвѣдь ведетъ ее въ свою берлогу. Дѣ-
вушка пошла и стала жить въ медвѣжьей берлогѣ. Медвѣдь кор-
милъ ее сначала ягодами, а потомъ сталъ кормить всякою всячи-
ной. Дѣвушка отъ медвѣдя прижила сына и сталъ онъ расти не
по днямъ, а по часамъ. Черезъ годъ сынъ говоритъ медвѣдю:

— Давай, тятя, бороться!

— Давай.

Боролись, боролись—медвѣдь поборолъ.

— Корми меня слаще, тятя! говоритъ медвѣженосъ медвѣдю.

Медвѣдь кормить сына сладко и сынъ растетъ не по днямъ, а
по часамъ.

На другой годъ медвѣженосъ опять предлагаетъ медвѣдю бо-
роться.

Боролись, боролись—опять медвѣдь поборолъ.

— Корми меня слаще, тятя! говоритъ медвѣженосъ отцу.

Медвѣдь кормить сына и сынъ растетъ не по днямъ а по часамъ.

На третій годъ сынъ опять говоритъ отцу:

— Давай, тятя, бороться!

— Давай!

Боролись, боролись—сынъ взялъ отца за ногу и бросилъ вверху.

Медвѣдь упалъ и убитъ.

— Не убилъ-ли ты своего отца, пострѣлъ? спрашиваетъ мать
сына.

— Мы боролись съ нимъ; я его поборолъ и онъ умеръ, гово-
ритъ сынъ.

Мать посылаетъ сына къ змѣямъ плестъ лапти изъ лыкъ. Сынъ
взялъ пестерь и отправился. Пришелъ онъ къ змѣямъ и видитъ
ихъ множество. Онъ бьетъ ихъ и отрываетъ головы, которыя и
кладетъ въ пестерь. Накладъ полонъ пестерь змѣиныхъ головъ и
идетъ къ матери.

— Ну, что, смелъ? спрашиваетъ мать.

— Смелъ.

— Гдѣ?

— Въ пестерѣ.

Мать сунула руку въ пестеръ и вскрикнула отъ испуга.

— Поди унеси обратно туда, гдѣ ихъ взялъ! говоритъ мать.

Сынъ унесъ головы и вернулся.

На другой день мать посылаетъ сына за лаптями къ сусѣдамъ (домовымъ). Сынъ ушелъ къ сусѣдамъ и видитъ множество сусѣдокъ. Онъ бьетъ ихъ и отрываетъ имъ головы, которыя и кладетъ въ пестеръ. Накладъ полонъ пестеръ и идетъ къ матери.

— Ну, принесъ-ли?

— Принесъ.

— Гдѣ?

— Въ пестерѣ.

Мать сунула руку въ пестеръ и лучше того испугалась.

— Ступай, пострѣль, неси ихъ обратно туда, гдѣ взялъ,—говоритъ мать сыну и ругаетъ его.

Сынъ унесъ головы и вернулся.

Не захотѣлъ сынъ жить съ матерью и пожелалъ постранствовать по свѣту, помѣряться силами съ кѣмъ будетъ можно.

Ушелъ онъ въ кузницу и заказалъ себѣ трость въ сорокъ пудовъ. Взялъ онъ трость и пошелъ искать приключеній.

Идетъ онъ и встрѣчаетъ великорослаго мужчину.

— Ты кто? спрашиваетъ онъ мужчину.

— Я—богатырь! отвѣчаетъ послѣдній.

— А самъ ты кто?

— Я—силачъ.

— Докажи свою силу.

Медвѣженюкъ-силачъ взялъ въ руку крѣпкій камень, сжалъ его—и изъ него потекла вода.

— Молодецъ! воскликнулъ богатырь и назвалъ богатыремъ-силачемъ, а себя—только богатыремъ.

Идутъ они дальше и встрѣчаются съ женщиной.

— Ты кто? спрашиваютъ они женщину, объявляя ему при этомъ, что одинъ изъ нихъ богатырь-силачъ, а другой богатырь.

— Я тоже богатырь, да съ небольшими силами.

— Пойдемъ съ нами!

Пошли они трое путемъ-дорогой. Шли, шли, много-ли, мало ли—дошли до избушки. Зашли въ избушку, а тамъ пусто; высмотрѣли вездѣ—нашли въ чуланѣ мясо.

— Ну, пока поживемъ здѣсь, а тамъ увидимъ, что дѣлать, совѣтуются между собой богатыри.

— Мы пойдемъ въ лѣсъ на работу, а ты намъ готовь здѣсь обѣдъ,—говорятъ два богатыря третьему съ небольшими силами.

— Хорошо, будетъ исполнено ваше приказаніе, говоритъ богатырь.

Двое ушли въ лѣсъ, а третій остался страпнать въ избушкѣ. Варить онъ обѣдъ для богатырей изъ готовой провизіи и не думаетъ, что хозяинъ де придетъ. Вдругъ заходитъ въ избушку хозяинъ и начинаетъ таскать богатыря за волосы. Таскалъ, таскалъ его—чуть не всѣ волосы вытеребилъ; обѣдъ съѣлъ и ушелъ. Приходятъ богатыри съ работы и спрашиваютъ:

— Ну, что? приготовилъ обѣдъ?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Дровъ сухихъ нѣтъ, нечѣмъ варить.

Сварили сами и наѣлись.

На другой день остался варить обѣдъ тотъ богатырь, съ которымъ въ первый разъ встрѣтился силачъ.

Ушли два богатыря въ лѣсъ на работу, а оставшійся варить обѣдъ изъ готовой провизіи. Вдругъ является хозяинъ и начинаетъ его бить. Билъ, билъ—оставилъ чуть живаго; обѣдъ съѣлъ и ушелъ.

Приходятъ богатыри съ работы и спрашиваютъ:

— Ну, что? приготовилъ обѣдъ?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Воды чистой нѣтъ; есть да мутная.

Приготовили обѣдъ сами и наѣлись.

На третій день остался варить обѣдъ богатырь-силачъ. Накладъ онъ полонъ котелъ мяса и варить. Вдругъ является хозяинъ избушки и начинаетъ бить богатыря. Богатырь какъ ударить хозяина по сидѣнью, такъ тотъ и закричалъ благимъ матомъ: «ой, не бей, не буду такъ дѣлать». Хозяинъ вышелъ изъ избы и скрылся. Приходятъ съ работы богатыри и просятъ ѣсть. Бога-

тырь-силачъ наворовалъ ихъ и разсказалъ исторію съ хозяиномъ избушки; тогда и тѣ богатыри сознались, что съ ними была такая же исторія. Наѣлись и пошли искать хозяина. Во дворѣ нашли большую доску; подняли ее—и тамъ оказалась большая нора, а въ нору спущенъ внизъ ремень, служащій лѣстницей. Спустился по ремню богатырь-силачъ въ нору, приказавъ товарищамъ ждать его у норы, и очутился на иномъ свѣтѣ. Подъ землею было царство трехъ двѣнадцатиглавыхъ змѣй. У этихъ змѣй находились въ плѣну три дочери цзя адѣшняго свѣта. Шелъ, шелъ богатырь по царству змѣй и дошелъ до огромнаго дворца. Зашелъ въ переднюю и тамъ видитъ дѣвицу-красавицу.

— Ты кто? спрашиваетъ царевна богатыря-силача.

— Я—богатырь-силачъ, отвѣчаетъ тотъ; пришелъ искать злодѣя, который обижаетъ насъ, богатырей, въ избушкѣ.

— Онъ—дьяволъ; въ этомъ царствѣ кажется двѣнадцатиглавымъ змѣемъ, а тамъ—человѣкомъ-мужиной. Я живу у него въ плѣну уже нѣсколько лѣтъ. Не побѣдишь-ли ты его?

Дѣвица даетъ богатырю-силачу мечъ и говоритъ: «вотъ этимъ мечемъ ты побѣдишь его». А змѣя въ это время дома не было. Вдругъ является онъ и говоритъ: «фу! фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ».

Богатырь-силачъ поднялъ мечъ, ударилъ по головамъ и отрубилъ ему сразу двѣнадцать головъ.

Взялъ богатырь-силачъ царевну съ собой и идетъ къ другому двѣнадцати главному змѣю. Зашли въ домъ и тамъ видитъ богатырь еще красивѣе дѣвицу.

— Ты кто? спрашиваетъ царевна богатыря-силача.

— Я богатырь-силачъ—отвѣчаетъ онъ, пришелъ искать злодѣя, который обижаетъ насъ богатырей, въ избушкѣ.

— Онъ—дьяволъ; въ этомъ царствѣ кажется двѣнадцати-главымъ змѣемъ, а тамъ—простымъ человѣкомъ-мужиной. Я живу у него въ плѣну нѣсколько лѣтъ. Не побѣдишь-ли ты его?

Дѣвица вручила богатырю мечъ и говоритъ: вотъ этимъ мечемъ ты побѣдишь его. А змѣя въ это время дома не было. Вдругъ является онъ и говоритъ: фу! фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ. Богатырь-силачъ поднялъ мечъ, ударилъ по головамъ змѣя и отрубилъ въ два удара всѣ двѣнадцать головъ.

Взялъ богатырь-силачъ другую дѣвушку еще красивѣе и пошелъ къ послѣднему двѣнадцатиглавному змѣю, который былъ сильнѣе прочихъ.

Зашли въ домъ и тамъ видѣть дѣвицу необыкновенной красоты.

— Кто ты? спрашиваетъ дѣвица богатыря-силача.

Богатырь-силачъ отвѣчаетъ тоже, что и первымъ двумъ дѣвицамъ.

— Всѣ они дьяволы, говоритъ дѣвица, одинъ другаго сильнѣе; здѣсь кажутся змѣями, а тамъ—людьми. Этотъ послѣдній змѣй сильнѣе всѣхъ. Я живу у него въ плѣну уже нѣсколько лѣтъ. Не побѣдишь ли ты его?

Дѣвица вручаетъ богатырю мечъ и говоритъ: «Вотъ этимъ мечемъ ты побѣдишь его». А змѣя въ это время дома не было. Вдругъ слышитъ богатырь-силачъ въ сѣняхъ голосъ, который говоритъ: «фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ». Вышелъ онъ съ мечемъ въ сѣни. Тамъ встрѣтился со змѣемъ и вступилъ съ нимъ въ борьбу. Богатырь-силачъ отрубилъ змѣю только одну голову и змѣй вернулся обратно собраться съ силами. Богатырь-силачъ говоритъ красавицѣ-царевнѣ: если змѣй будетъ побѣждать меня—квасъ на столѣ покраснѣетъ; тогда ты брось передъ мной свой бапмакъ и я убью змѣя.

Вотъ, собравшись съ силами, змѣй опять явился и говоритъ: «фу! фу! фу! нечистымъ духомъ пахнетъ».

Вышелъ богатырь на встрѣчу змѣю и вступилъ съ нимъ въ битву. Змѣй началъ побѣждать. Царевна взглянула въ сосудъ съ квасомъ и видитъ, что квасъ превратился въ кровь; тогда она взяла бапмакъ свой, вышла изъ дому и бросила его передъ богатыремъ. Богатырь ударилъ и сразу снесъ змѣю всѣ одиннадцать головъ. Собралъ богатырь головы всѣхъ змѣй и выбросилъ ихъ въ расщелину каменной скалы.

Взялъ богатырь-силачъ дѣвицу и пошелъ къ норѣ, чтобы подняться по ремню на здѣшній свѣтъ. Тряхнулъ ремнемъ и посадилъ на него дѣвушку. Товарищи богатыри подняли дѣвушку и дѣвушка сказала, что на иномъ свѣтѣ еще три человѣка. Подняли одну за другой всѣхъ дѣвушекъ. Поднявши дѣвушекъ, богатыри рѣшили товарища не поднимать, думая, что онъ дѣвушекъ возъ-

меть себя; и не подняли его. Ушли богатыри и не могут решить спор—кому владеть одной из дѣвицъ, которая была у сильнѣйшаго изъ всѣхъ змѣй: она была такъ красива, что ни въ сказкахъ разсказать, ни перомъ не описать. Пришли богатыри съ тремя дѣвицами къ царю-отцу ихъ и говорить, что дѣвицъ отъ змѣй освободили они и при этомъ каждый просить за себя красавицу. Дѣвицы сказали, что богатыри только подняли ихъ изъ иного свѣта, а освободилъ ихъ отъ змѣй другой, который остался внизу подъ норой. Царь послалъ за богатыремъ своего быстрого крылатого орла. Орелъ посадилъ на себя богатыря-силача и полетѣлъ къ царю. Тамъ, у царя, изъ за красавицы между тремя богатырями возникъ споръ: всякому хотѣлось взять въ жены красавицу. Видитъ царь, что одинъ другому не уступаетъ, и говоритъ: «у меня есть большой колоколъ, которымъ извѣщаю народъ о важнѣйшихъ событiяхъ въ моемъ царствѣ. Кто отброситъ этотъ колоколъ дальше—за того и отдамъ дочь». Подошелъ первый—не тронулъ колокола, подошелъ другой—тоже; наконецъ подошелъ богатырь-силачъ.... пнулъ онъ колоколъ ногой—и колоколъ отлетѣлъ за царскій дворецъ.

— Бери мою дочь—она твоя! сказалъ царь богатырю-силачу.

И взялъ богатырь-медвѣженъ царскую дочь за себя, взялъ и зажилъ припѣваючи, а товарищи его остались безъ женъ. Тростъ въ 40 пудовъ и теперь лежитъ въ избушкѣ. (Яковъ Гавриловъ, дер. Быги).

Плѣшивый мужикъ. Жилъ былъ въ деревнѣ плѣшивый мужикъ. У него были двѣ дочери-дѣвицы на возрастѣ лѣтъ. Одну выдалъ за мужъ за Солнышка, а другую—за Лунушку. Пришла масляница. Солнышко зоветъ тестя въ гости и тестъ подымается по цѣпи кверху. Поднялся онъ въ Солнышку и вечеромъ Солнышко велитъ женѣ растворить въ квашнѣ къ утру слѣдующаго дня лепешки. Жена исполнила приказанiе мужа. Омотритъ старикъ на квашенку—квашенка киснетъ: замѣчаетъ въ комнатѣ какой-то недостатокъ, но не можетъ догадаться, чего именно не достаетъ. Утромъ встали и жена Солнышка принимается за стряпню. Тутъ только догадался старикъ, что у Солнышка печи нѣтъ.—На чемъ же они будутъ печь лепешки-то? думаетъ старикъ.

— Ну, пеки скорѣе, говоритъ Солнышко женѣ. А Солнышко-то было съ большой плѣшью. Жена подошла къ плѣши мужа и лить

растворъ на плѣшъ; лепешки пекутся лучше, чѣмъ на сковородѣ въ печи. Смотритъ старикъ и удивляется; онъ прожилъ на свѣтѣ 60 лѣтъ и не слыхивалъ, чтобы лепешки пекли на плѣши, а тутъ при плазахъ его пекутся. На что и печи и сковороды, когда пекутся на плѣши? «Вотъ и у меня плѣшь не хуже плѣши зятенька, да я по сію пору не зналъ этого. Теперь старуху заставляю печь на своей плѣши... дровъ будетъ не надо».

Наѣлся старикъ лепешекъ, поблагодарилъ зятенька за угощеніе и спустился на землю. Зашелъ въ избу и говоритъ своей старухѣ: «старуха! раствори къ утру лепешекъ: я узналъ средство печь лепешки безъ огня и сковороды». Старуха растворила и легла спать. Проснулись утромъ и старуха идетъ за дровами, а старикъ останавливаетъ ее, говоритъ: «не надо дровъ; я тебѣ сказалъ вчера, что знаю средство печь безъ огня. Лей жижу мнѣ на голову!» Старуха льетъ на плѣшь мужу—лепешки не пекутся; она все льетъ.... вылила всеъ растворъ на плѣшь старика и оначала его съ головы до ногъ.

Въ другой праздникъ зоветъ старика Луна. Поднялся старикъ по цѣпи къ Лунѣ и приняли его какъ гостя дорогаго радушно. Вечеромъ Луна-зять зоветъ свою жену въ погребъ за медомъ подчивать тестя. Пошли они—и старикъ-гость за ними. Зашла въ погребъ—тамъ темно.—«Посвѣти сворѣе, не вижу» говоритъ жена мужу. Луна подняла палецъ какъ свѣчу и стало свѣтло. Опять удивляется старикъ этому чуду.

Нагостился старикъ у зятя и спустился на землю къ своей старухѣ. Вечеромъ старикъ проситъ молока похлебать на сонъ грядущій, а молоку было въ погребѣ. Старуха беретъ лучины и спичекъ достать огня, а старикъ не велитъ: говоритъ, что онъ открылъ средство свѣтить пальцемъ. Старуха послушалась его и оставила лучину на пестяхъ. Взошли въ погребъ... темно—«Ну, нди, старуха, впередъ, а я посвѣчу», говоритъ старикъ старухѣ. Старуха идетъ впередъ, а старикъ поднималъ палецъ какъ свѣчу и бредетъ; свѣту все-таки нѣтъ. Шарилъ, шарилъ въ потьмакъ и оба упали въ яму. (Григорій Ивановъ Наумовъ, село Чутырь).

Палецъ и зубъ. Два брата ушли въ лѣсъ дрова рубить. Рубили, рубили—нарубили большую грудку. Надо колоть дрова, да нѣтъ клиньевъ. Одинъ принялся дѣлать клинья и по неосторожности

отсѣкъ палецъ; палецъ поскакалъ по тропинкѣ лѣсной. Другой братъ сталъ колотъ дерева... Клинь отснотчилъ—и прямо въ зубъ; одинъ зубъ вышибло клиномъ и зубъ поскакалъ влѣдъ за пальцемъ.

Шли они, долго ли, мало ли, близко ли, далеко ли—дошли до поповскаго дома. Была уже ночь и семейство попа было погружено въ вѣрный сонъ. Вотъ палецъ съ зубомъ совѣтуются между собой, какъ бы украсть у попа ножъ и заколотъ его быка. Вдругъ увидѣлъ палецъ въ одномъ изъ оконъ вентиляторъ и залѣзъ въ избу. Ищетъ тамъ ножа—не находить.

— Ну, скоро-ли вернешься? спрашиваетъ подъ ономъ зубъ.

— Не могу найти! отвѣчаетъ зубъ.

Попъ услышалъ въ домѣ человѣческій голосъ; всталъ и ищетъ, а палецъ залѣзъ въ башмакъ попады и попъ его не видитъ. Опять попъ легъ и уснулъ. Палецъ вылѣзъ изъ башмака и ищетъ ножъ.

— Ну, что долго? опять спрашиваетъ зубъ.

— Не могу найти—отвѣчаетъ палецъ.

Попъ опять услышалъ крикъ и проснулся; досталъ онъ огня и ищетъ; палецъ же опять залѣзъ въ носокъ башмака и оттуда высматриваетъ, не увидитъ ли гдѣ ножа. Искать, искать попъ человѣка—не найдетъ; а палецъ между тѣмъ высмотрѣлъ ножъ на лавкѣ у шкафа. Вотъ, когда попъ легъ спать—онъ вылѣзъ изъ башмака, взялъ ножъ и выскочилъ на улицу. «Ну, котораго заколемъ?» спрашиваютъ другъ у друга палецъ и зубъ, зашедши къ бывающъ въ хлѣвъ.— «Который взглянетъ на насъ, того и заколемъ»—говоритъ палецъ.— «Ладно, но только здѣсь не будемъ колотъ; уведемъ быка въ лѣсъ и тамъ никто намъ не будетъ мѣшать», высказываетъ свое мнѣнiе зубъ. Поймали быка, который взглянулъ на нихъ, и увели его въ лѣсъ; тамъ закололи его и палецъ остался потрошить, а зубъ ушелъ за дровами варить мясо. Натаскалъ зубъ полную грудку дровъ, связалъ ихъ да не можетъ нести. Вдругъ идетъ медвѣдь и говоритъ ему зубъ:— «Косолапый! звали пошу на плечо и неси»; а медвѣдь былъ голоденъ какъ волкъ и съѣлъ зубъ. Зубъ прошелъ сивозъ медвѣди и кричитъ пальцу: «братъ! выручи меня скорѣе; медвѣдь съѣлъ меня». Медвѣдь испугался и побѣжалъ; перескочилъ колоду и ушибся до смерти. Ушли они за дровами оба

и кое-какъ притащили пошу. Между тѣмъ какъ палецъ клалъ костеръ, зубъ сходилъ за котломъ въ шалащъ воткна и начали варить. Сварили цѣлаго быка и съѣли. Наѣвшись до сыта-до отвала, легли спать. Пришелъ голодный волкъ и во время сна съѣлъ обоихъ. (Василій Перевощиковъ, поч. Ворчина).

Илья Муромецъ. Сказка эта хотя и есть вариантъ русской сказки, но мы помѣщаемъ ее потому, что она рассказывается вотиками, какъ равно и нѣкоторыми русскими, иначе; въ тому же она содержательнѣе, чѣмъ тѣ сказки, которыя приводилось намъ слышать отъ многихъ русскихъ.

Жилъ былъ Илья Муромецъ—безногій калѣка, какихъ встрѣчается мало; въ теченіи тридцати лѣтъ онъ не могъ ни работать, ни ходить, а все сидѣлъ дома какъ столѣтній старикъ, неспособный ни къ какой работѣ. Въ одно время лѣтомъ отецъ его, за неимѣніемъ семьи, сдѣлалъ помочь расчищать покосы, лежащіе около рѣки. Всѣ помочане и отецъ его съ семействомъ отправились на работу, а остался дома только одинъ безногій Илья. Сидитъ онъ дома, скучаетъ-жалуется на свою судьбу. Въ то время когда онъ жаловался на свою судьбу, зашли къ нему три волхва и просятъ у него пить.

— Я напоилъ бы васъ, милые странники, съ удовольствіемъ, да исполнить вашу просьбу лично не могу, потому что я безъ ногъ: не могу стать. Напейтесь сами, что найдете.—Такъ отвѣчаетъ Илья безногій странникамъ, просящимъ пить.

Илья въ это время лежалъ на постели какъ совершенно безногій.

— Спускай ноги съ постели на полъ—говорять ему волхвы.

Онъ спустилъ.

— Ну, вставай теперь!

Илья всталъ и совершилось чудо: пошелъ онъ по полу какъ совершенно здоровый и возблагодарилъ Бога.

— Ну, принеси чего нибудь пить—говорять ему волхвы.

Для помочанъ было въ это время наварено пива бочки двѣ, да еще приготовлено было вина.

Илья смѣшалъ пиво съ виномъ и подноситъ волхвамъ. Волхвы угощаютъ его самого; онъ выпилъ и сталъ чувствовать въ себѣ силу. Волхвы опять послали его за пивомъ. Онъ принесъ два ведра

пива, смѣшаннаго съ однимъ ведромъ вина и угощаль волхвовъ, а они велѣть пить самому. Онъ выпилъ и опять его послали; принесть три ведра пива и смѣшаль съ двумя ведрами вина.

— Чувствуешь-ли теперь въ себѣ силу? спрашиваютъ его волхвы.

— Чувствую великую силу, говоритъ Илья и продолжаетъ; если бы теперь былъ поставленъ столбъ отъ земли до неба и въ этотъ столбъ ввернуто кольцо съ винтомъ—я повернулъ бы всю землю.

— Ну, ладно! теперь напой насъ.

Илья напоилъ волхвовъ и они ушли.

— Теперь пойду къ помочанамъ и пошучу какуюнибудь шуточку, говоритъ Илья и идетъ къ помочанамъ. Пришелъ къ помочанамъ и всѣхъ засталъ спящими: «видно, захотѣли отдохнуть послѣ трудовъ» заключаетъ Илья и не будить никого. Собралъ онъ топоры и идетъ къ деревьямъ..... Ударить слегка топоромъ въ дерево—и топоръ идетъ въ дерево какъ въ мягкую землю, не видно и обуха; ударить другимъ—тоже. Такъ всѣ топоры какъ ножи въ хлѣбъ воткнулъ. Потомъ пошелъ собирать разнаго хворосту и пней. Собираетъ и бросаетъ въ рѣку какъ щепки. Бросая, бросая—запрудилъ ими рѣку и ушелъ; между тѣмъ вода начала выходить изъ береговъ и потоплять луга. Проснулись помочане и переполошились: отчего де сдѣлалось наводненіе? Хватились топоры—нѣтъ; искали, искали—увидѣли топоричи воткнутыми въ деревья; смотрять—топоры въ деревѣ.

— Что за диво? Кто пошутить надъ нами такъ, говорятъ другъ другу помочане и начинаютъ вырубать изъ деревъ свои топоры, а вырубать гдѣ-то еще остались два топора. Вырубали, вырубали—добыли топоры и пошли домой.

Помочане уже были во дворѣ и усаживались на скамьи пить съ устатку пива. Семейные Илья таскаютъ имъ пиво ведрами и потчуютъ изъ ковшей. Пьютъ помочане и хмѣль входитъ въ головы ихъ. Илья взялъ цѣлую бочку съ пивомъ и понесъ на себѣ во дворъ, а въ эту бочку входило пива 40 ведеръ.

— Что за чудо! говорятъ другъ другу шопотомъ, не то испуганные, не то удивленные гости. Не привидѣніе ли это? сидѣлъ Илья 30 лѣтъ безъ ногъ и не вставалъ съ постели, а теперь онъ необыкновенный человѣкъ—богатырь.

Оттирали помочане и изумленные разошлись по домам.

На другой день Илья говорить своему отцу.

— Купи мнѣ, батюшка, жеребенка у такой-то вдовы, сколько бы она ни запросила: жеребенокъ ея лежить въ полѣ на пласту; онъ мнѣ будетъ вѣрный слуга.

Пришолъ отецъ Илья ко вдовѣ и торгуетъ жеребенка; вдова не продаетъ. Вернулся отецъ Ильи обратно домой.

Опять посылаетъ Илья своего отца купить жеребенка, говоря: «купи мнѣ, свѣтъ родной батюшка, жеребенка у вдовы: онъ будетъ мнѣ вѣрный слуга». Ушелъ отецъ и опять торгуетъ. Вдова запросила 16 руб. и онъ отдалъ ей. Ушелъ отецъ Илья въ поле и тамъ видить на пласту жеребенка, на немъ кости да кожа, не можетъ и встать. Взялъ его за ноги и потащилъ домой.

Илья сталъ кормить коня и выкормилъ его такъ, что жеребенокъ сталъ первымъ въ свѣтѣ конемъ.

Прошло немного времени и Ильѣ стало дома сидѣть скучно; захотѣлъ онъ постранствовать по бѣлому свѣту, помѣряться силами съ равными себѣ. Заказалъ онъ себѣ шляпу чугунную въ 200 пудовъ и просить у родителя благословенія ѣхать старинной дорогой, по которой давнымъ давно уже никто не ѣздилъ, а дорога эта пролегла черезъ лѣсъ, гдѣ на 12 дубахъ сидѣлъ разбойникъ Соловей и своимъ посягствомъ убивалъ людей. Благословилъ его отецъ и не велѣлъ ему обижать ни праваго, ни виноватаго, ни богатаго, ни бѣднаго, ни вдовицу, ни замужнюю, ни дѣвину, — никого.

Надѣлъ Илья чугунную шляпу въ 200 пудовъ, взял лукъ и стрѣлы, сѣлъ на коня и поѣхалъ.

Ѣдетъ онъ много ли, мало ли, близко ли, — далеко ли, встрѣчается съ богатыремъ.

— Куда ты, Илья Муромецъ, поѣхалъ? спрашиваетъ богатырь у Ильи.

— Поѣхалъ я странствовать по бѣлому свѣту, помѣряться силами съ равными себѣ, вотъ поверну на старую дорогу, по которой никто уже не ѣздитъ. Такъ отвѣчаетъ Илья Муромецъ богатырю и богатырь ему опять говорить:

— Не ѣзди, Илья Муромецъ, по этой дорогѣ: она приведетъ

тебя къ Соловью разбойнику и онъ убьетъ тебя своимъ посвистомъ.

— У меня сѣнь-кафтанъ въ 300 рублей, а коню моему нѣтъ и пѣны; а гладн-ко, лучевъ-отъ у меня какой? И съ этими словами Илья натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу въ пихту. Пихту всю расщепало.

— Тебѣ, богатырю, у меня нечего взять, говоритъ Илья богатырь и проѣзжаетъ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ старинной дорогой и доѣзжаетъ до Соловья-разбойника. Увидѣвъ Соловей Илья Муромца и свиснуть такимъ посвистомъ, что листья посыпались съ деревь и вонь его палъ на колѣни. Илья натянулъ лукъ и, направивъ стрѣлу въ голову Соловья, пустилъ ея; стрѣла попала въ глазъ Соловью и онъ упалъ на землю. Илья подѣхалъ къ Соловью и посадилъ его въ карманъ. У Соловья не далеко отъ 12 дубовъ былъ домъ, въ которомъ жили его жена и дѣти. Ѣдетъ Илья мимо дома Соловья и Соловьяха, увидѣвши Илью Муромца, говоритъ дѣтямъ: «дѣтушки! вотъ вашего батюшку Соловья поймали и ведутъ»; а сыновьямъ слышалось, будто Соловей кого ведетъ и говорятъ матери: «ну, везетъ—такъ веди».

Приѣхалъ Илья Муромецъ въ городъ; въ это время шла еще обѣдня. Зашелъ Илья помолиться въ соборъ; тамъ стоитъ царь. Увидѣвъ Илью Муромца, Государь и спрашиваетъ его:

— Какой дорогой ты ѣхалъ, Илья Муромецъ?

— Государь-батюшка! здѣсь объ этомъ не говорятъ, а пришли молиться—и молятся Богу, отвѣчаетъ Илья.

Обѣдня отошла и государь зоветъ Илью Муромца къ себѣ въ гости.

— Какъ пойду я, крестьянскій сынъ, къ царю-батюшкѣ въ гости? говоритъ Илья государю.

— Если припашають—иди: безговать ни чѣмъ угощеньемъ нельзя.

Илья ушелъ къ царю въ гости и сидитъ въ палатахъ царскихъ.

— Ну, скажи теперь подробно, какой дорогой ты ѣхалъ, опять спрашиваетъ государь.

— Я ѣхалъ, государь-батюшка, дорогой старинной, по которой никто уже давнымъ давно не ѣздилъ.

— Какъ ты проѣхалъ мимо Соловья разбойника?

— Я его поймалъ и посадилъ въ карманъ.

Государь позвалъ къ себѣ тридцать богатырей и велѣлъ Ильѣ Муромцу показать Соловья. Илья высадилъ Соловья разбойника и попросилъ Государя да государыню заткнуть уши. Они заткнули и Илья велѣлъ Соловью свистнуть половиннымъ свистомъ; а Соловей свистнулъ полнымъ свистомъ и тѣмъ убилъ всѣхъ тридцать богатырей. Тогда Илья Муромецъ за ослушаніе убилъ Соловья однимъ пинкомъ.

Государь говоритъ Ильѣ Муромцу, что у нихъ ходитъ въ городѣ Чудовище-Обжора, который съѣдаетъ въ день по цѣлому быку и выпиваетъ по 40 ведеръ пива; не можетъ ли онъ, Илья, избавить ихъ отъ Обжоры?

— Посмотримъ, сказалъ Илья и сталъ дожидаться вечера, когда Обжора долженъ былъ придти къ царю просить быка.

Пришелъ вечеръ и явился Обжора, огромный ростомъ и страшный собой. Сѣлъ онъ на крѣпкую лавку и просить быка.

— Это что за чудовище просить быка? сказалъ Илья Муромецъ на слова Обжоры.

— А ты что раскричался, Илья Муромецъ? али тебя самого надо съѣсть? говорить Обжора.

Илья отвѣчаетъ.

— Подавишься, проклятый Обжора!

— Нѣтъ, сразу проглочу тебя.

— Нѣтъ, подавишься.

Илья не сталъ больше препираться съ Обжорой. Надѣлъ на него 200 пудовую шапку и раздавилъ его, такъ что отдѣлилась отъ туловища и голова.

Возблагодарили царь и прочіе Илью за избавленіе ихъ отъ Обжоры и говорятъ ему:

— Великъ ты, Илья Муромецъ, силой своей въ русской землѣ, нѣтъ и не будетъ равнаго тебѣ, но есть, сказываютъ еще сильнѣе тебя богатырь; его, говорятъ, держитъ только одна гора, а на прочихъ мѣстахъ земля не держитъ.

Пожилъ Илья Муромецъ въ городѣ и пожелалъ искать того богатыря.

Искалъ онъ его и нашелъ на каменной горѣ; лежитъ онъ ничкомъ, не шевелится. Подошелъ Илья къ нему и ударилъ его палицей.

— Блоха укусила, говоритъ богатырь.

Ударилъ другой разъ.

— Муха укусила, бормочетъ богатырь со сна.

Еще ударилъ Илья.

— Паутъ (оводъ) укусилъ, сказалъ лежащій богатырь и всталъ.

— Чего тебѣ надо отъ меня, Илья Муромецъ? обратился къ Ильѣ богатырь. — Тебѣ здѣсь нечего дѣлать. Если хочешь со мной бороться—я ушибу тебя до смерти однимъ ударомъ; жалѣешь жизни—поѣзжай съ Богомъ.

Илья Муромецъ поѣхалъ. Ѣдетъ онъ близко ли, далеко ли, мало ли, много ли—встрѣчается съ богатыремъ. Поздоровались, назвали братьями и поѣхали вмѣстѣ. По странствовали они по свѣту и попался имъ на дорогѣ гробъ.

Товарищъ Ильи слѣзъ съ коня и говоритъ: «видно этотъ гробъ приготовленъ ужъ мнѣ. Помѣраемъ, не на мой ли ростъ онъ сдѣланъ.» Легъ онъ въ гробъ и растянулся. Гробъ великъ. Слѣзъ съ коня Илья; легъ въ гробъ и гробъ закрылся крышкою, а на крышкѣ сдѣлался желѣзный обручъ.

— Братъ! гробъ закрылся и крышка обтонулась желѣзнымъ обручемъ, говоритъ богатырь Ильѣ.

— Разбивай, братъ, обручъ моей палицей, отвѣчаетъ Илья.

Богатырь ударилъ—сдѣлался другой обручъ, ударилъ третій разъ—сдѣлался третій.

— Ну, братъ, теперь три обруча, говоритъ Ильѣ богатырь.

— Дѣлать нечего, видно время пришло умирать, отвѣчаетъ изъ гроба Илья. — Дожидай, братъ, мою смерть. Когда пойдетъ изъ гроба пѣна—ты выпей всю и вся моя сила перейдетъ къ тебѣ.

Ждалъ богатырь и дождался пѣны; потекла пѣна изъ гроба на подобіе ваты. Выпилъ богатырь всю пѣну и сталъ чувствовать въ себѣ величайшую силу. (Дер. Уйваа, Наумъ Кожевниковъ).

Михайло Поповъ. Посѣялъ попъ горохъ; горохъ уродился хорошій, да та бѣда, что кто-то по ночамъ сталъ топтать и травить его. Вотъ попадья посылаетъ своего попа караулить горохъ и поймать

*

вора. Ночью попъ отправился на горохъ, легъ на межу и караулить вера;—вдругъ слышитъ на срединѣ полосы плачь грудного ребенка; идетъ къ мѣсту плача и видитъ: на полосѣ лежитъ въ пеленкахъ грудной ребенокъ. Взялъ его, назвалъ Михайломъ Поповымъ и отправился домой. Пришелъ и говоритъ попадѣ: «попадья! я нашелъ на нашемъ горохѣ ребенка и назвалъ его Михайломъ Поповымъ».— «Ну, будемъ воспитывать! у насъ же нѣтъ дѣтей», сказала попадья. Стали воспитывать Михайла и онъ растеть, какъ бобъ на грядкахъ, быстро, и стала появляться у него необыкновенная сила. Разъ онъ пошелъ къ ребятишкамъ играть и тѣ начали надъ нимъ смѣяться: «ахъ, ты чертовъ парень, найденнышъ!» Разсердился Михайло и ударилъ одного изъ нихъ по головѣ; голова мгновенно слетѣла прочь съ туловища. Пришелъ Михайло Поповъ домой. По жалобѣ отца убитого мальчика всѣ жители собрались на сходъ, пригласили туда попа и говорятъ ему: «бачко! куда хочешь, туда и дѣвай своего найденныша; онъ перебьетъ всѣхъ нашихъ парней!» Попъ спрашиваетъ: «не знаете-ли вы такого обжору, который бы могъ съѣсть Михайла?» Мужики отвѣчаютъ: «знаемъ мы лѣсъ, а въ томъ лѣсу водится множество волковъ и эти волки чрезъ этотъ лѣсъ не пропускаютъ ни проѣзжающаго, ни проходящаго: всѣхъ съѣдаютъ». Попъ говоритъ: «ладно, пошлю я его туда; пусть съѣдятъ голодные волки!» Пришелъ попъ домой и говоритъ найденнышу своему: «ступай-ка, Михайло, въ такой-то лѣсъ, пригони оттуда домой моихъ барашковъ!» Ушелъ Михайло въ лѣсъ, вырвалъ тамъ съ корнемъ большой дубъ и видитъ: со всѣхъ сторонъ прибѣгаютъ къ нему голодные волки; онъ поднялъ дубъ и гонитъ волковъ домой, говоря: «идите, идите, барашки домой!» Пригналъ стадо къ поповскимъ воротамъ и кричитъ попу: «куда, бачко, барашковъ запереть?» Попъ отвѣчаетъ: «запри барашковъ къ овечкамъ въ хлѣвъ!» Михайло загналъ волковъ къ овечкамъ въ хлѣвъ и заперъ. Утромъ Михайло отперъ овчарню и видитъ: всѣ овцы перерѣзаны волками и лежатъ въ одной грудѣ. Идетъ Михайло къ попу и говоритъ: «Бачко! барашки овечекъ сложили въ одну груду»: Попъ говоритъ: «ступай, выгони барашковъ изъ овчарни». Михайло выгналъ изъ овчарни волковъ и они разбѣжались. Михайло ушелъ опять играть къ ребятишкамъ; а тѣ начали надъ нимъ смѣяться: «убирайся ты, оборвадецъ, чертовъ парень!» Михайло разсердился и оторвалъ

одному мальчугану руку. Отцы парней опять собрались на сходъ, пригласили туда попа и говорятъ: «бачко! куда хочешь, туда дѣнь своего найденыша: онъ перебьетъ всѣхъ нашихъ парней». Попъ опять говоритъ: «а куда я его дѣну?» Тѣ отвѣчаютъ: «пошли его въ такой-то лѣсъ! тамъ водится множество медвѣдей и медвѣди тѣ чрезъ этотъ лѣсъ не пропускаютъ ни проходящаго, ни проѣзжающаго—всѣхъ съѣдаютъ». Приходить попъ домой и говоритъ Михайлѣ: «ступай-ка, Михайло, въ такой-то лѣсъ; тамъ у меня па-сутся быки, — пригони ихъ домой!» Ушелъ Михайло въ лѣсъ, вырвалъ съ корнемъ большое дерево и видитъ: со всѣхъ сторонъ собираются къ нему медвѣди; поднял онъ дерево и гонитъ медвѣдей домой. Къ сумеркамъ пригналъ ихъ домой къ воротамъ и кричить попу: «Бачко! куда запереть быковъ?» Попъ отвѣчаетъ: «запри ихъ въ хлѣвъ къ коровамъ». Михайло такъ и сдѣлалъ. Утромъ идетъ Михайло смотрѣть медвѣдей и видитъ: всѣ коровы передавлены медвѣдами и лежатъ въ одной грудѣ. Пришелъ онъ къ попу и говоритъ: «Бачко! быки коровъ склади въ одну груду». Попъ отвѣчаетъ: «надо выгнать быковъ изъ хлѣва». Михайло выгналъ медвѣдей и тѣ разбѣжались; оставилъ только одного медвѣда и привязалъ его къ столбу у конюшни. Ушелъ Михайло опять къ ребятишкамъ и тѣ начали смѣяться надъ нимъ: «убирайся ты, чертовъ парень, найденышъ!» Михайло рассердился на нихъ и началъ угрожать ихъ кулаками такъ, что кому оторветъ руку, кому—ногу, кому—голову, а кого уложить на мѣстѣ такъ, что и не охнетъ. Мужики опять собрались на сходъ, пригласили туда попа и говорятъ ему: «Бачко! мы совсѣмъ не рады твоему найденышу: онъ перебьетъ всѣхъ нашихъ парней; куда хочешь, туда и дѣнь его!». Попъ говоритъ: «куда я его дѣну?» Тѣ отвѣчаютъ: «есть въ такомъ-то мѣстѣ глубокое озеро, а въ этомъ озерѣ живутъ черти; пошли его туда: оттуда онъ не воротится». Пришелъ попъ домой и говоритъ своему найденышу: «ступай, Михайло, въ такое-то мѣсто! тамъ есть озеро, а за чертами этого озера пропадаетъ у меня руга; получи съ нихъ ругу и привези». — «Ладно», сказалъ Михайло и вышелъ изъ избы; запретъ медвѣда въ кошеву, сѣлъ и поѣхалъ. Приѣхалъ къ озеру и видитъ: стоитъ у озера пень, а на пенѣ сидитъ чертенокъ. Чертенокъ спрашиваетъ: «куда ты, Михайло Поновъ, поѣхалъ?» Онъ отвѣчаетъ: «приѣхалъ къ вамъ за ругой

отъ бачка; затѣмъ вы не платите ему руги? «Чертенюкъ испугался, упалъ съ пня и скатился клубкомъ въ воду; тамъ, вѣроятно, передалъ слова Михайла Попова отцу и чрезъ минуту вышелъ изъ озера сѣдой, старый чертъ и спрашиваетъ: «что тебѣ надо, Михайло Поповъ?» Михайло отвѣчаетъ: «надо съ васъ получить ругу; послалъ бачко». Чертъ говоритъ: «сперва попробуемъ силу, тогда увидимъ: можешь ли ты требовать съ насъ ругу! айда, побѣдимъ вмѣстѣ! если ты перебѣжишь меня — отдамъ ругу, а если я перебѣгу — мы неповинны платить тебѣ руги». — «Ладно», сказалъ Михайло Поповъ и пошелъ за кусты; тамъ поймалъ зайца и привязалъ его къ кустамъ. Старикъ-чертъ вызвалъ изъ озера вмѣсто себя молодаго чертенка и говоритъ: «бѣги скорѣе!» Михайло Поповъ, скрывшись за кусты, отпустилъ зайца; заяцъ прыгаетъ, какъ птица летитъ, — оставилъ далеко чертенка; чертенюкъ бѣжалъ, бѣжалъ — усталъ и вернулся къ отцу. Михайло Поповъ вышелъ изъ-за кустовъ и говоритъ: «что, кто кого перебѣжалъ?» Чертъ отвѣтилъ: «ты; у тебя силы больше. Давай ка, еще попробуемъ силу! будемъ бросать гири вверхъ: кто заброситъ дальше, у того больше силы». — «Ладно», говоритъ Михайло Поповъ. Чертъ вынесъ изъ озера двѣ гири: одну двухпудовую, другую двухфунтовую; первую отдалъ Михайлѣ Попову, а другую взялъ себѣ и говоритъ чертъ Михайлѣ: «ну, давай, попробуемъ силу!» «Пробуй», отвѣчаетъ Михайло. Чертъ бросилъ двухфунтовую гирю вверхъ и не стало ее видно. Михайло Поповъ взялъ двухпудовую гирю въ правую руку и машетъ ей, говоря: «смотри-ка, какъ далеко заброшу я гирю!» Она останется на облакахъ и обратно не упадетъ. Черту стало жаль гири и говоритъ онъ Михайлѣ Попову: «не бросай эту гирю! она у насъ старинная; пригодится впередъ». Михайло заслонилъ гирю полой платя, замахнулся рукой и говоритъ: «я гирю вашу забросилъ за самыя дальнія облака». Чертъ почесалъ затылокъ и говоритъ: «жалко! гиря была старинная!» и ушелъ онъ за ругой въ озеро. Вдругъ оттуда начали выходить черти смотрѣть на Михайла Попова. Михайло бросилъ имъ на встрѣчу двухпудовую гирю и сказалъ: «берите назадъ гирю! ее небо не принимаетъ». Черти унесли гирю въ озеро и оттуда начали выносить серебро и золото и, отдавая Михайлѣ Попову, говорятъ: «на, бери, вмѣсто руги деньги, да не поминай дихомъ!» Михайло же отвѣчаетъ: «коли деньги, такъ

давайте кожную шляпу». Черти ушли въ озеро за деньгами; между тѣмъ Михайло натянулъ на кошеву ноговъ, продѣлалъ въ срединѣ дыру, взялъ свою шляпу, продралъ на верхушкѣ тоже дыру и держитъ надъ пологомъ напротивъ дыры, говоря чертямъ: «ну, сыпьте въ шляпу!» черти сыплютъ въ шляпу, а изъ шляпы деньги сыплются чрезъ дыру въ кошеву. Михайло говоритъ: «сыпьте еще!» Черти носили, несли; наполнили шляпу деньгами, когда наполнилась кошева. Тогда говоритъ Михайло Поповъ одному молодому черту: «ну, запрягись, рогатый чертъ, въ кошеву съ мной быкомъ!» Черту стало жаль денегъ; вотъ говоритъ онъ Михайлѣ: «давай-ка еще попробуемъ силу! если ты меня переберешь, деньги твои, а если я тебя — деньги наши». — «Ладно», отвѣчаетъ Михайло; «но мнѣ съ тобой бороться стыдно, какъ слону съ комаромъ, пусть борется съ тобой за меня быкъ». Чертъ согласился. Выпрягъ Михайло медвѣдя и заставилъ бороться съ чертомъ. Борется медвѣдь съ чертомъ; ворочаетъ, ломаетъ его — конейъ приходитъ черту; вотъ онъ говоритъ Михайлѣ: «останови, Михайло Поповъ, своего быка, чтобы онъ больше ужъ не боролся со мной! я больше не спору, возьми деньги; у тебя больше силы!» Остановилъ Михайло медвѣдя, заперъ его рядомъ съ чертомъ въ кошеву и пріѣхалъ домой. Видитъ попъ, что Михайло пріѣхалъ на чертѣ и медвѣдѣ и испугался ужасно. Заперъ Михайло черта съ медвѣдемъ въ конюшню и говоритъ попу: «ну, бачко, я привезъ тебѣ ругу, куда ее положить?» Попъ пришелъ и видитъ: кошева наполнена золотомъ и серебромъ. Обрадовался попъ и велѣлъ Михайлѣ деньги отнести въ амбаръ. На другой день Михайло говоритъ попу: «ну, бачко, я теперь уйду отъ тебя на всѣ четыре стороны, куда глаза глядятъ». Велѣлъ черта и медвѣдя изъ засады и отправился. Доходитъ до мельницы и дѣлаетъ черта — мельникомъ, а медвѣдя засыпникомъ: — самъ же пошелъ дальше по горамъ, по полямъ и по доламъ. Вдругъ видитъ рѣку Каму, а на берегу этой рѣки сидитъ Усыня и закручиваетъ усами Каму. Подошелъ Михайло Поповъ къ Усынѣ и говоритъ: «айда, молодецъ! пойдешь Усынюшка со мною куда глаза глядятъ!» «Пойдемъ!» отвѣчаетъ тотъ. Идутъ они двое по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ песнямъ и видятъ: стоитъ гора, а у этой горы сидитъ великанъ Горыня и мизинцемъ гору качаетъ. Михайло подошелъ къ

Горныѣ и говорить: «айда, молодецъ! пойдѣмъ, Горынюшка, съ нами буда глаза глядять!» «Пойдѣмъ», отвѣтитъ Горыня; всталъ и пошелъ. Идутъ они трое по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ и видять: стоитъ избушка и кругомъ ея заплата желѣзная; зашли въ ограду и видять тамъ множество воловъ. Вошли въ избушку — въ избушкѣ никого нѣтъ; смотрять въ печь—печь топится. Михайло Поповъ говорить Усыниѣ: «ты, Усынюшка, приготовь здѣсь мясо, а мы съ Горыней пойдѣмъ гулять» и отправились. Усыня убилъ вола и началъ его жарить на горячихъ угляхъ; вдругъ изъ подполья выходитъ мужичекъ съ ноготовъ, борода съ лоботовъ, а лапти длиной семь четвертей и говорить Усыниѣ: «Ахъ вы такіе, растакіе! воловъ здѣсь не кормите, а готовое мясо ѣдите!» И началъ онъ Усыню таскать за волосы, бить кулаками, топтать ногами. Билъ, билъ и ушелъ обратно въ подполье. Сидитъ Усыня, плачетъ...

Приходитъ Михайло Поповъ съ Горыней и видя, что волосы на головѣ Усыни растрепаны и на щекахъ видны слезы, спрашиваетъ: «зачѣмъ ты, Усынюшка, плакаешь?» а онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, я не плакалъ». — «А зачѣмъ у тебя слезы?» — «А это — потъ». Горыня спрашиваетъ: «зачѣмъ у тебя, Усынюшка, растрепаны волосы? развѣ кто тербилъ тебя?»—Усыня отвѣчаетъ: «нѣтъ, меня никто за волосы не тербилъ, а волосы растрепалъ вѣтеръ, когда я во дворѣ потрошилъ быка». Наѣлись жареного мяса и опять Михайло зоветъ гулять Усыню, а Горныѣ велеть печь мясо.

Михайло съ Усыней ушли, а Горыня убилъ вола и началъ печь мясо на горячихъ угляхъ. Вдругъ вышелъ изъ подполья тотъ же мужичекъ и началъ бить Горыню, приговаривая: «ахъ, вы такіе, растакіе! воловъ здѣсь не кормите, а готовое мясо ѣдите!» билъ, билъ и ушелъ обратно въ подполье. Сидитъ Горыня и плачетъ. — Приходитъ Михайло Поповъ съ Усыней и спрашиваетъ: «не билъ ли кто тебя, Горынюшка,—у тебя волосы растрепаны и слезы на щекахъ?» Горыня отвѣчаетъ: «нѣтъ, никто меня не билъ; на щекахъ у меня выступилъ потъ, когда я стоялъ у печи, а волосы растрепалъ вѣтеръ, когда я потрошилъ быка въ оградѣ». Наѣлись мяса и Михайло Поповъ посылаетъ гулять Усыню съ Горыней, а самъ остается дома и начинаетъ стряпать кушанье. Съ

нимъ повторяется таже исторія, что и съ его товарищами, т. е. изъ подполья вышелъ мужичекъ и набросился на Михайла; Михайло избилъ мужичка и еле живаго притащилъ въ ограду, поднялъ одинъ уголъ избы и подсунулъ туда бороду мужичка, а самъ вошелъ въ избу. Скоро вернулись Усыня и Горыня. Михайло разсказалъ имъ, какъ было дѣло и попеналъ на нихъ, зачѣмъ они скрыли отъ него, что съ ними было въ его отсутствіе. Закусивши жаренымъ мясомъ, они отправляются посмотрѣть на мужичка; пришли къ углу и видятъ подъ угломъ лежитъ только одна борода, а мужичка нѣтъ. Долго они его искали, но нигдѣ не могли найти; только видятъ среди ограды большую нору и догадались, что мужичекъ спустился туда. Михайло Поповъ отыскалъ веревку и предложилъ Усынѣ съ Горыней спуститься туда, но они оба оказались трусами, — побоялись спуститься въ нору; тогда Михайло, съ помощью ихъ, спустился самъ и очутился на сѣромъ свѣтѣ. По странствовалъ онъ по сѣрому свѣту дня два; наконецъ, видитъ у дороги избушку. Входитъ въ нее; тамъ сидитъ дѣвушка и шьетъ бумажное платье. На вопросъ дѣвушки, куда онъ идетъ, Михайло отвѣчаетъ: «ищу мужичка съ длинной бородой». Дѣвушка говоритъ, что этотъ мужичекъ приходится ей роднымъ дѣдомъ и уѣхалъ въ теплыя страны отращивать себѣ бороду. Михайло предлагаетъ этой дѣвушкѣ идти съ нимъ; она соглашается и, взявъ въ руки яичко, бросаетъ его на полъ. Яичко катится по полу и избушка сворачивается въ него. Взяла дѣвушка это яичко и положила его за пазуху.

Идутъ они вдвоемъ дальше и на встрѣчу имъ попадаетъ опять избушка. Заходятъ въ нее и видятъ, сидитъ дѣвушка и шьетъ шерстяное платье. «Куда ты идешь, Михайло Поповъ?» спрашиваетъ она. «Иду искать мужичка; онъ обидѣлъ моихъ товарищей», отвѣчаетъ Михайло. Дѣвушка говоритъ: «онъ мой дѣдъ и уѣхалъ на теплыя моря отращивать себѣ бороду». «Иди со мной, дѣвушка!» говоритъ Михайло. Дѣвушка согласилась; взяла яичко, покатила его по полу и вся избушка свернулась въ это яичко; дѣвушка положила яичко себѣ за пазуху. Пошли они втроемъ. Идутъ и встрѣчаютъ у дороги третью избушку. Вошедши въ нее, увидѣли дѣвушку, которая шила шелковое платье. Она также спросила, куда идетъ Михайло, и когда Михайло сказалъ, что отыскиваетъ му-

жичка, который обидѣлъ его товарищей, она говоритъ: «онъ мой дѣдъ и уѣхалъ на теплыя моря отращивать бороду». Михайло предложилъ и этой дѣвушкѣ идти съ нимъ. Она свернула свою избушку въ ячѣю, которое, какъ и тѣ дѣвицы, положила за пазуху и отправилась съ Михайломъ. Идутъ они четверо по сѣрому свѣту и доходятъ до такого мѣста, гдѣ надъ ними виситъ каменный потолокъ, въ которомъ находится отверстіе. Остановился Михайло подъ этимъ отверстіемъ и кричитъ наверхъ: «Усыня и Горыня! спускайте сюда веревку!» Тѣ спустили. Михайло отправилъ по этой веревкѣ, поочередно, каждую дѣвушку и началъ подниматься самъ. Но Усыня и Горыня, видя трехъ дѣвушекъ, рѣшили, что Михайло теперь не будетъ любить ихъ, а будетъ любить этихъ дѣвушекъ и не вытаскивали Михайла, а спустили туда веревку. Запручинился Михайло, когда увидѣлъ, что ему пришлось остаться на сѣромъ свѣтѣ. Идетъ онъ и видитъ большую гору, у которой бѣгаетъ котикъ. Михайло говоритъ ему: «я тебя убью, котикъ!» — «Не бей меня, Михайло!» взмолился котикъ; — «я тебѣ пригожусь». Михайло оставилъ его живымъ и пошелъ дальше. Видитъ на озерѣ плаваетъ утка; онъ собирается ее убить, но утка проситъ пощадить, говоря: «я тебѣ еще пригожусь!» Михайло не убиваетъ утку и отправляется дальше. Идетъ онъ по сѣрому свѣту, вдругъ видитъ, что его со всѣхъ сторонъ окружаетъ вода и онъ очутился на кочкѣ. Что дѣлать? горюетъ Михайло. Вдругъ подплываетъ къ нему уточка и говоритъ: «садись на меня, Михайло! я тебя перевезу». Михайло сѣлъ на утку и поплылъ. Дорогою уточка говоритъ Михайлу: «я тебя уроню, Михайло!» а онъ отвѣчаетъ: «не роняй меня, уточка! вѣдь я-жъ тебя не убилъ! не губи и ты меня». Не уронила уточка Михаила Попова и онъ благополучно переплылъ. Поблагодаривъ ее за перевозъ, пошелъ дальше. Идетъ онъ по сѣрому свѣту и видитъ, стоитъ большая гора, а подъ этой горой бѣгаетъ котикъ. Задумался Михайло, какъ подняться на крутую гору. Подбѣгаетъ къ нему котикъ и говоритъ: «садись на меня, Михайло Поповъ! я перевезу тебя на гору». Сѣлъ Михайло на котика и ѣдетъ. Ёхали, ёхали, вдругъ котикъ говоритъ: «я тебя уроню, Михайло Поповъ!» а онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, не роняй меня я тебя не убилъ и ты меня не губи!» Ёдутъ, ёдутъ, опять говоритъ котикъ: «Я тебя уроню, Михайло Поповъ; силы нѣтъ больше

вести тебя: ѣсть хочу». Дѣлать нечего, отрѣзалъ Михайло отъ икры своей ноги немного мяса, покормилъ котика и поѣхали дальше. Ъхали, ѡхали и спрашиваетъ котикъ: «что видишь ли, Михайло Поповъ, бѣлый свѣтъ?» Михайло отвѣчаетъ: «вижу, будто начинается свѣтать». Ъхали, ѡхали и опять говоритъ котикъ: «Я тебя уроню, Михайло Поповъ! силы нѣтъ, ѣсть хочется». Михайло отрѣзалъ отъ икры другой ноги кусокъ мяса и покормилъ котика. Поѣхали дальше. Опять спрашиваетъ котикъ: «что, видишь ли, Михайло Поповъ, бѣлый свѣтъ?» Михайло отвѣчаетъ: «вижу, что солнышко уже всходитъ». Наконецъ, котикъ говоритъ Михайлѣ: «я тебя уроню, Михайло Поповъ!» а онъ въ отвѣтъ: «нѣтъ, не роняй меня, котикъ! я тебя не убилъ и ты меня не губи». Ъхали, ѡхали и пріѣхали на бѣлый свѣтъ. Поблагодарилъ Михайло Поповъ котика и ушелъ. Идетъ онъ по бѣлому свѣту и встрѣчается съ нимъ беззубый старичекъ. Спрашиваетъ Михайло Поповъ старика: «не знаешь ли ты, дѣдушка, Усыню да Горыню?» старичекъ отвѣчаетъ: «знаю; они живутъ въ тридцати верстахъ отсюда съ тремя дѣвушками, но къ себѣ, кромѣ меня, никого не пускаютъ; а если кто придетъ, то убиваютъ». Пережился Михайло Поповъ одеждой со старикомъ, притворился самъ беззубымъ старикомъ и пошелъ къ Усынѣ да, Горынѣ; подошелъ къ ихъ жилищу и кричитъ съ привистомъ, какъ беззубый старикъ: «пустите-ка меня, Усынюшка, да Горынюшка, къ вамъ!» тѣ отвѣчаютъ: «иди, дѣдушка, иди! ты намъ знакомый». Пришелъ къ нимъ Михайло Поповъ и убилъ ихъ, а самъ началъ жить припѣваючи съ дѣвушками. (Сказка эта рассказана въ селѣ Сосновѣ русскимъ крестьяниномъ Капитономъ Семеновымъ Анисимовымъ, живущимъ съ вотяками; рассказываютъ ее и вотяки на вотскомъ языкѣ).

Нюлэс-Муртъ. 1. (Рассказъ крестьянина поч. Ворчиха Шарканскаго прихода Якова Григорьева). Нюлэс-Муртъ—старикъ вышиной съ телеграфный столбъ, собою страшный; онъ, впрочемъ, принимаетъ разные виды: кого не любить, тому кажется страшнымъ, кого любить—обыкновеннымъ человекомъ. Лѣтомъ 1885 года односелецъ нашъ, Антонъ Кузьминъ, рассказывалъ слѣдующее: братъ его ѣздилъ въ почин. Ляльмуръ въ гости на верховой лошади и возвращался обратно домой. Ыдетъ онъ и со скуки распѣваетъ любимую пѣсенку. Доѣхалъ до березы, стоящей у самой дороги и вдругъ под-

нился сильный вѣтеръ; посмотрѣлъ на лѣво—и о ужасъ! идетъ огромнаго роста Нюлесь-муртъ и бросаетъ землю во всѣ стороны. «Я, говорить онъ, со страху чуть не упалъ съ коня. Хорошо что не остановился и прошелъ, а то бы не знаю, что было».

Къ этому разсказу мы нелѣпнымъ считаемъ примолвить свое мнѣніе: по повѣрью инородцевъ, лѣшій ходитъ въ вихрѣ; вѣроятно братъ Антона Кузьмина встрѣтился съ вихремъ, крутящимъ столбъ пыли и песку въ родѣ смерти и это очевидно показалось лѣшнимъ-великаномъ.

2. Поцъ (жрецъ) Иванъ Аванасьевъ принесть въ Лудъ-кенерѣ въ жертву Нюлесь-Мурту краденую утку. Случилась ему зимой поѣздка въ починокъ Байбеково въ гости къ родственникамъ. Погостилъ онъ какъ надо и возвращается домой ночью. Доѣхалъ до перелѣска и захотѣлъ покурить; вынулъ трубку изъ-за пазухи и изъ рукъ выронилъ въ сани, а въ саняхъ было соломы много. Ищетъ, ищетъ онъ трубку—не находитъ. Вылѣзъ изъ саней и шарить руками къ соломѣ; трубка нашлась; набилъ ее табакомъ и закуриваетъ... Вдругъ изъ перелѣска слышитъ голосъ Нюлесь-Муртъ, который говорить ему: «зачѣмъ, Иванъ, свою утку мнѣ жалѣешь?» Иванъ пообѣщался принести въ жертву свою утку и голоса Нюлесь-мурта больше не слышалъ.

Въ слѣдующей же день поцъ взялъ утку и отправился принести жертву Нюлесь-мурту въ то мѣсто. гдѣ онъ слышалъ голосъ Нюлесь-мурта.

3. Въ ночь на Великій Четвертокъ ушли слушать въ баню трое—двѣ дѣвушки и одинъ мужчина. Слушали, слушали—не выслушали ничего. Дѣвушки зовутъ мужчину домой, говоря ему, что стоять въ банѣ незачѣмъ: никакихъ звуковъ не слышно.

— Ступайте, дѣвки, домой; я останусь одинъ—говорить мужчина и остается въ банѣ одинъ.

— А не будешь бояться?

— Нѣтъ, идите!

Дѣвушки ушли и мужчина остался въ банѣ одинъ.

Вдругъ глазамъ мужчины представился на полу огонекъ. Явился къ огню лѣшій и постлалъ чистую скатерть, на скатерть насыпалъ груды золота и блеститъ оно какъ огонь. Лѣшій отдаетъ золото мужчинѣ и говорить ему: «Иди домой и спрячь золото. Если тебѣ

на встрѣчу попадутъ люди и будутъ что нибудь спрашивать, ты молчи: это—Шайтаны; какъ отвѣтишь—лишишься денегъ».

Взявъ мужикъ деньги и пошелъ домой. На встрѣчу попадаетъ человѣкъ и говоритъ: здорово! мужикъ, не отвѣтивши, идетъ впередъ. Опять на встрѣчу идетъ священникъ и говоритъ: здорово!—онъ не отвѣчаетъ. Вотъ взбирается мужчина на крыльцо. На крыльцѣ стоитъ знакомый священникъ.

— Зачѣмъ не заходишь въ избу? спрашиваетъ мужчина.

— Тебя встрѣчаю—говоритъ священникъ.

— Заходи въ избу.

Какъ только промолвилъ мужчина послѣднее слово, не стало видно ни священника, ни денегъ съ нимъ.

На другой день увидѣлъ мужчину Нюлесь-муртъ и спрашиваетъ:

— Сохранилъ-ли деньги?

— Отъ двухъ сохранилъ, а третій обманулъ—отвѣчаетъ мужчина.

4. Нюлесь-муртъ съ Ву-Муртомъ задумалъ воевать: это кого побѣдить! Думалъ онъ долго, какъ начать дѣло; увидѣлъ онъ однажды солдата и говоритъ: «солдаты! айда мнѣ въ товарищи воевать съ Ву-муртомъ». Солдатъ согласился. Пришли къ озеру и кричатъ: «Ву-муртъ! выходи сражаться!» Ву-муртъ вышелъ изъ воды и бросилъ въ Нюлесь-мурта камень; солдатъ бросилъ въ озеро крестикъ и Ву-муртъ не могъ уже зайти въ озеро и издохъ на берегу. Нюлесь-муртъ взялъ солдата на плечи, свиснулъ и понесъ его, какъ вѣтеръ, такъ быстро, что съ головы солдата слетѣла шапка; Нюлесь-муртъ вернулся за шапкой солдата, принесъ ее и пошли опять. Пришли къ Нюлесь-мурту въ гости и онъ подарилъ солдату пѣлую шапку золота. Воротился солдатъ домой. Вечеромъ пришелъ Нюлесь-муртъ къ солдату и просить золото обратно. Жена солдата вмѣсто золота отдала Нюлесь-мурту лошадиную голову и онъ, оставшись доволенъ, взялъ лошадиную голову и ушелъ.

5. Охотникъ бродилъ въ лѣсу съ ружьемъ и заблудился. Увидѣлъ избушку и зашелъ въ нее, а она была Нюлесь-Муртова; охотникъ же не зналъ этого. Вотъ, когда онъ зашелъ въ избушку, ребяташки Нюлесь-Мурта начали душить его. Вдругъ явился самъ Нюлесь-Муртъ и недалъ ребяташкамъ погубить охотника. Нюлесь-Муртъ говоритъ охотнику:

«ты будешь у меня работникомъ; пойдешь воевать съ Бу-Муртомъ» и взялъ его съ собой. Пришли къ мельницѣ. Нюлесь-Муртъ вырвалъ у мельницы съ корнемъ большое дерево и давалъ имъ шарить въ омутѣ ниже мельницы, гдѣ жилъ Бу-Муртъ. Бу-Муртъ вышелъ и охотникъ бросилъ въ его жилище, по повелѣнію Нюлесь-Мурта, съ шею крестикъ. Изъ воды вышли всѣ черти. Нюлесь-Муртъ, выживши изъ воды чертей, ушелъ домой и, взявши золота, вышелъ изъ своей избы и велѣлъ охотнику сѣсть на свою спину; охотникъ сѣлъ и помчался быстрѣе вѣтра. Нюлесь-Муртъ положилъ золото на лавку охотника и лавка отъ тяжести переломилась. Нюлесь-Мурту стало жалъ денегъ и онъ сталъ просить ихъ обратно; тогда охотникъ велѣлъ своей женѣ надѣть на Нюлесь-Мурта крестикъ. Нюлесь-Муртъ испугался и удралъ во свояси. (Записано со словъ крестьянина села Сосновки Григорія Ерофѣева.)

6. Нюлесь-муртъ съ Бу-муртомъ завели однажды споръ. Нюлесь-муртъ говоритъ: «я какъ свисну, такъ поднимется такой вѣтеръ, что снесетъ и разметаетъ всѣ крыши строеній». Бу-муртъ говоритъ: «а я какъ захочу, такъ сдѣлаю на мѣстѣ рѣки сушу». Нюлесь-муртъ свиснулъ и поднялся сильный вѣтеръ и вѣтромъ разметало крыши всѣхъ строеній. Вумуртъ ушелъ изъ рѣки вмѣсто воды сдѣлалась суша. (Со словъ Саввы Семенова).

Вузъ нилѣ - муртъ. У одного человѣка потерялась лошадь Сыновой у него не было, потому онъ послалъ искать ее своихъ трехъ дочерей.

Онѣ зашли въ лѣсъ и услышали вдругъ ржаніе лошади; пошли далѣе и видятъ на суку елки колоколенецъ; идутъ дальше и видятъ избушку; зашли въ нее; тамъ сидитъ человѣкъ съ длинными зубами, собой страшный; онѣ спрашиваютъ его, не видалъ ли онъ ихъ лошадь? Длиннозубый отвѣчаетъ: «видѣлъ ее и знаю, гдѣ она, но посидите немножко у меня!» Дѣвушки сѣли на лавку, а длинозубый вышелъ изъ избы и принесъ дѣвушкамъ изжаренные человѣческіе пальцы и потчуетъ ими; дѣвушки сдѣлали видъ, будто ѣдятъ, а сами бросаютъ пальцы подъ лавку; длинозубый вышелъ изъ избы, принесъ большую ступу, въ которой толкутъ бѣлье, и говоритъ: «кто перескочитъ чрезъ эту ступу, того пушу, а кто нѣтъ, тотъ останется у меня». Младшая и средняя перескочили, а старшая — нѣтъ; и оставилъ онъ старшую у себя, а

младшую и среднюю отпустилъ. Послалъ длиннозубый дѣвушку на мельницу, находящуюся въ лѣсу же въ глуши; сидитъ тамъ дѣвушка и плачетъ; вдругъ прибѣгаетъ заяцъ и говоритъ «садись на меня, дѣвушка я выведу тебя!» Дѣвушка сѣла на зайца и ѣдетъ на немъ. — Вдругъ видать, что за ними гонится длиннозубый и бросилъ впереди зайца большой пестъ; заяцъ оставилъ дѣвушку. Длиннозубый привелъ ее къ мельницѣ и оставилъ. Прибѣгаетъ лисица и говоритъ: «садись на меня, дѣвушка!» Дѣвушка сѣла и ѣдетъ; опять длиннозубый догналъ ихъ, бросилъ пестомъ и дѣвушка осталась. Потомъ пришелъ волкъ и опять случилось тоже; наконецъ, приходитъ худая лошаденка, вся въ грязи и пометѣ, и говоритъ ей: «садись на меня, дѣвушка!» дѣвушка говоритъ: «какъ я сяду на тебя, такую грязную?» лошадь отвѣчаетъ: «садись, я увезу тебя!» дѣвушка взяла травы, обтерла бока ей и сѣла. Ёдетъ дѣвушка и вдругъ откуда ни возьмись — длиннозубый; догналъ ихъ и хочетъ дѣвушку поймать, но лошаденка онакостила его и онъ остался; такимъ образомъ дѣвушка и спаслась.

(Эти двѣ сказки записаны со словъ крестьянина села Сосновки Степана Алексѣева).

Истребленіе Кузьминѣ-Муртовъ. Три брата ушли лѣсовать и зашли по ошибкѣ въ избушку Кузьминѣ-Муртовъ. Тамъ сидитъ главный Кузьминѣ-Муртъ. Онъ велѣлъ имъ всѣмъ зайти въ подполье; они зашли. Кузьминѣ-Муртъ накалилъ печь до красна и зоветъ изъ подполья старшаго брата. Онъ вышелъ и Кузьминѣ-Муртъ велитъ ему лечь на хлѣбную лопату для того, чтобы бросить его въ печь. Охотникъ ложится, но не вдоль, а поперекъ и Кузьминѣ-Муртъ не можетъ бросить его въ печь; тогда Кузьминѣ-Муртъ, чтобы показать примѣръ, легъ самъ на лопату вдоль и охотникъ бросилъ его въ печь, закрылъ печь заслонкой и зашелъ въ подполье. Черезъ нѣсколько времени приходитъ другой Кузьминѣ-Муртъ и, втагивая въ носъ молосный запахъ, говоритъ: «ахъ, жаркимъ пахнетъ!» Открылъ онъ печь, вынулъ жаркое и сѣлъ его. Потомъ онъ зоветъ средняго брата изъ подполья. Вышелъ вмѣсто средняго старшій же и опять велитъ лечь ему на хлѣбную доску, чтобы бросить въ печь. Онъ легъ поперекъ и не пролѣзъ въ печь; тогда Кузьминѣ-Муртъ легъ самъ вдоль и охотникъ бросаетъ его. Черезъ нѣсколько времени приходитъ третій Кузьминѣ-Муртъ. Втагивая въ носъ за-

пахъ жаренаго говорить: «ахъ, жаренымъ пахнетъ!» Съѣлъ жареное— не оставилъ и костей. Зоветъ младшаго брата, чтобы оный бросить въ печь. Вышли все три брата. Кузьпинъ-Муртъ испугался и говоритъ: «не троньте меня, берите все, что найдете у насъ, только меня не губите». Братья не послушались его, убили и ушли. Такъ истребили они трехъ Кузьпинъ-Муртовъ. (Сказка Григорія Ерофѣева, крестьянина села Сосновки).

Три монеты. Одинъ человѣкъ уѣхалъ на лошади ворожить въ лѣсъ. Слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву, а самъ отошелъ въ сторону слушать; а чтобы нечистая сила не могла коснуться его, обвелъ около себя черту и стоитъ—слушаетъ. Вдругъ прискакалъ заяцъ и говоритъ: «что тебѣ надо?» Мужикъ ни слова. Приходитъ лисица и говоритъ: «что тебѣ надо?» Мужикъ ни слова. Приходятъ затѣмъ волкъ и медвѣдь и тоже спрашивали, но мужикъ ничего не сказалъ и они ушли, а за черту никто переходить не могъ. Въ полночь приходитъ Шайтанъ и говоритъ: «что тебѣ надо?» Мужикъ отвѣчаетъ: «что дашь, то и возьму!» Шайтанъ отдалъ ему монету и ушелъ; въ другой разъ приходитъ и тоже спрашиваетъ: «что тебѣ надо?» мужикъ отвѣчаетъ: «что дашь, то и возьму!» Шайтанъ отдалъ ему монету и ушелъ; въ третій разъ приходилъ и тоже отдалъ монету и ушелъ. Съѣлъ мужикъ на лошадь и поскакалъ. Вдругъ онъ видитъ, что за нимъ гонятся шайтаны. Мужикъ гонить лошадь пуще. Вдругъ запылъ пѣтухъ—и не стало никого. Мужикъ тремя монетами сильно разбогатѣлъ: что купить онъ на базарѣ, монеты идутъ обратно въ его карманъ. (Разсказъ этотъ списанъ со словъ крестьянина починка Бызинова, Саввы Семёнова).

Косякъ. У отца были три сына: двое умныхъ и третій дуракъ. Умеръ отецъ и братья раздѣлили между собой все имѣніе, а дураку дали только косякъ. Ѣдетъ онъ по дорогѣ лѣсомъ и видитъ, вдали идутъ по дорогѣ какіе-то люди. Взобрался дуракъ съ косякомъ на большую ель и сидитъ тамъ ни живъ, ни мертвъ. Между тѣмъ люди эти пришли и постлали подъ ель войлокъ, высыпали изъ кошельковъ на него все золото и серебро и считаютъ, кому сколько достанется. Это были разбойники. Дуракъ задрожалъ и уронилъ косякъ на деньги воровъ; воры испугались и убѣжали! Дуракъ слѣзъ съ елки, собралъ деньги и ушелъ домой. Съ той

поры онъ началъ торговать и разбогатѣлъ. (Со словъ крестьянина починка Бызинова Саввы Семенова).

Пѣтухъ и лисица. Пѣтухъ посѣлалъ горохъ, а лисица стала воровать. Однажды пѣтухъ побѣждалъ въ погоню за лисицей, укравшею его горохъ, и встрѣчается съ уткой. Пѣтухъ говорить уткѣ: «утка! айда со мной въ погоню за лисицей: она украла у меня горохъ». Утка говоритъ: «нѣтъ, пѣтухъ, не пойду: лисица меня съѣстъ». Бѣжить пѣтухъ, встрѣчается съ гусемъ и зоветъ его въ погоню за лисицей; гусь не идетъ. Наконецъ встрѣчается пѣтухъ съ зайцемъ и зоветъ его въ погоню за лисицей. Заяцъ согласился и поскакалъ впереди пѣтуха; доскакалъ до грани, гдѣ стоитъ яма, а въ этой ямѣ—вода съ горохомъ, брошеннымъ лисицей; пѣтухъ не взялъ гороха, а все гонится за лисицей. Догналъ лисицу у ямы съ водой и началъ ругаться и ссориться; заяцъ стоитъ и слушаетъ; лисица побѣжала, пѣтухъ летитъ за ней, заяцъ скачетъ. Лисица, видимо, устала и, растянувшись, притворилась мертвой; заяцъ ускакалъ, оставивъ пѣтуха, а пѣтухъ стоитъ у лисицы. Видитъ лисица, что пѣтухъ одинъ; вспрыгнула и цапъ пѣтуха за горло; задушила и утащила пѣтуха въ лѣсъ, гдѣ его и съѣла. (Записана отъ крестьянина починка Бызинова Ивана Данилова).

Легенда. Въ древнее время Богъ ходилъ по землѣ. Встрѣтилъ онъ однажды осу и попросилъ у ней меду; но оса по скупости не дала, говоря, что у ней нѣтъ меду и для себя. Богъ сказалъ за это осѣ: «пусть не будетъ у тебя и для себя!» поэтому у ней медъ только для себя. Встрѣтилъ еще пчелу и пчела сказала: «у меня есть медъ и для себя и для людей». Богъ сказалъ ей: «пусть будетъ у тебя и для себя и для людей и для Меня еще воскъ».

Безстрашный дворянинъ. Солдатикъ прослужилъ двадцать пять лѣтъ и не видѣлъ ни страха, ни царя. Начальство его посылаетъ на родину. Не выдавши въ теченіи своей службы ни страха, ни царя, онъ говоритъ своимъ начальникамъ: «чтобы стоило вамъ показывать мнѣ хоть однажды царя!» Доложили объ этомъ царю и царь потребовалъ солдата къ себѣ во дворецъ.—Здорово служивый!—говоритъ ему царь.—Здравія желаю Вамъ, Ваше Величество!—отвѣчаетъ солдатъ.—Ну, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?—Прослужилъ я, Ваше Величество, двадцать пять лѣтъ—и не ви-

даль ни страха, ни тебя; вотъ и пришелъ посмотрѣть на васъ.— Хорошо, сказалъ царь: ступай къ парадному крыльцу и потереби моихъ курицъ!—А это значило не впускать къ царю во дворецъ никакихъ генераловъ безъ денегъ. Солдаты вышли и стали у дверей передняго крыльца. Приходятъ разныя высокопоставленныя лица, генералы и проч. Солдаты ихъ не пускаютъ безъ денегъ. Дѣлать нечего, они даютъ ему денегъ. На другой день царь призываетъ солдата къ себѣ и говоритъ: ну, что? потеребилъ моихъ курицъ?—Потеребилъ, Ваше Величество, будетъ мнѣ на дорогу, отвѣчалъ солдатъ.—Молодецъ, будь ты за храбрость *«Безстрашный дворянина»*. Сверхъ этого чина я дарю тебѣ въ слуги Ермошку, пару коней изъ моей царской конюшни и золотую карету; снабжаю тебя билетомъ,—отправляйся на всѣ четыре стороны свѣта.—Сѣлъ Безстрашный дворянинъ въ золотую карету, взялъ на козлы Ермошку и поѣхалъ въ другое царство. Ъхали, ѡхали—доѡхали до двухъ дорогъ, а между ними стоитъ столбъ съ надписью: «на право поѣдешь—счастье найдешь; на лѣво поѣдешь—убить будешь». Куда ѡхать? Безстрашный дворянинъ подумалъ и сказалъ Ермошкѣ: «поѣзжай на лѣво». Ермошка испугался, но дѣлать нечего: выше господина не будешь. И поѣхали они по лѣвой дорогѣ. Ъхали, ѡхали—увидали на дорогѣ мертвое тѣло. Безстрашный дворянинъ говоритъ Ермошкѣ: «принеси сюда это мертвое тѣло». Идетъ Ермошка... подходитъ къ тѣлу и съ испугу трясется всѣмъ тѣломъ. Видитъ Безстрашный дворянинъ, что Ермошка боится мертваго тѣла, какъ трусливая баба, и пошелъ за мертвымъ тѣломъ самъ. Взялъ его и положилъ въ карету вондѣ себя. Опять они ѡдутъ. Ъхали, ѡхали и видятъ на березѣ повѣшеннаго уже мертваго. Безстрашный дворянинъ посылаетъ своего слугу: «ступай, Ермошка, разсѣки веревку и принеси тѣло сюда». Ермошка идетъ—весь трясется отъ страху. Вышелъ Безстрашный изъ кареты и пошелъ къ мертвому тѣлу самъ; пересѣкъ веревку, на которой висѣло тѣло, взялъ тѣло, принесъ и положилъ въ карету на другую сторону себя.—Ну, теперь не бойся, Ермошка: насъ четверо, говоритъ Безстрашный. Сдутъ они все лѣсомъ. Доѡхали до огромнаго дома, принадлежащаго, какъ оказалось, разбойникамъ. Безстрашный, не спросясь никого, заѡхалъ во дворъ; Ермошкѣ приказалъ коней увести въ конюшню, а самъ зашелъ въ избу. За столомъ въ избѣ

обѣдаютъ, какъ видно по свирѣлымъ рожамъ, разбойники; въ переднемъ углу сидитъ самъ атаманъ съ большой ложкой въ рукѣ. Атаманъ говоритъ Безстрашному: «ты—русскій, тебя сдѣлаемъ жаркимъ: мясо руссака вкусно—онъ хлѣба много жрѣтъ». Безстрашный, ничего не говоря, подходитъ къ столу, вытаскиваетъ изъ рукъ атамана большую ложку и пробуетъ щи. «Кисло, дрянь!.. вотъ тебѣ жаркое!» говоритъ атаману Безстрашный, ударяя его по лбу ложкой. Атаманъ вытаращилъ глаза и смотритъ, что за человѣкъ такой дерзкій? Входитъ въ избу Ермошка... «Принеси-ко Ермошка, изъ кареты хорошаго судака»—говоритъ Безстрашный Ермошкѣ. Ермошка притащилъ мертвое тѣло. Безстрашный взялъ со стола разбойниковъ ножъ и началъ рѣзать мертвое тѣло... отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и говоритъ: «пахнетъ! дрянь! принеси другаго» Ермошка принесъ другое. Безстрашный отрѣзалъ кусокъ, понюхалъ и плюнулъ: «тьфу! и этотъ судакъ пахнетъ». Разбойники со страху обезумѣли. «Давай свѣжихъ!» крикнулъ Безстрашный Ермошкѣ... Ермошка съ испугу вздрогнулъ самъ и сползла съ него штаны. «Давай скорѣй!» кричитъ Безстрашный... Ермошка идетъ къ столу, поднимая штаны, и трясется какъ осиновой листъ. Разбойники выбѣжали изъ избы, остался только одинъ атаманъ. Безстрашный ударилъ атамана по лбу большой ложкой и убилъ его; потомъ онъ выгребъ у нихъ все награбленное золото, сѣлъ и поѣхалъ впередъ. Ъхали, ѡхали—доѣхали до королевства. Подѣзжаютъ къ городу, и тамъ на балконѣ дворца король смотритъ въ подворную трубу и удивляется: кто это такой въ золотой каретѣ ѣдетъ? Доѣхали до дворца и король спрашиваетъ Безстрашнаго что за человѣкъ онъ, откуда и что ему дано? Безстрашный, назвавъ себя безстрашнымъ дворяниномъ, сказалъ что онъ ѣздитъ по другимъ царствамъ, ища приключеній. «Мнѣ вотъ такихъ-то и надо»—говоритъ король. «Недалеко отсюда, на островѣ, есть у меня отличный дворецъ, да поселился въ немъ чертъ и укралъ у меня старшую дочь, которую я любилъ больше всѣхъ; ступай ты на островъ, выживи изъ моего дворца черта, приведи ко мнѣ дочь. Если исполнишь это—возьми изъ трехъ моихъ дочерей любую и въ добавокъ еще получишь половину моего королевства; если не исполнишь—простишься съ головой».—«Ладно», говоритъ Безстрашный, «исполню Ваше приказанье». Оставилъ Безстрашный карету съ деньгами и коней у ко-

*

роля и пошелъ съ Ермошкой къ озеру, среди котораго находился дворецъ; сѣлъ въ лодку и поплылъ по озеру, а Ермошка остался на берегу. Переплылъ озеро и дошелъ до дворца. Зашелъ во дворецъ и видитъ въ прихожей на окнѣ мѣдную трубу черта. Взялъ трубку и закурилъ и надымалъ; дымъ прошелъ и въ другія комнаты. Вдругъ въ одной изъ комнатъ слышитъ онъ голосъ черта, который говоритъ: «а, руссакъ! русскаго духу здѣсь еще не было слышно. Ступай-ко, чертенокъ, помни ему хорошенько бока». Чертенокъ приближалъ къ Безстрашному. Безстрашный взялъ его за хвостъ и выбросилъ за окно. Чертъ посылаетъ другаго чертенка. Безстрашный бросилъ и того; посылаетъ третьяго—третьяго такая же участь постигла. Видитъ чертъ, что чертенята не возвращаются и пошелъ самъ. Безстрашный, взявъ его за хвостъ да за рога, согнулъ въ бараній рогъ и выбросилъ за окно. Потомъ пошелъ по комнатамъ искать королевскую дочь. Нашелъ ее сидящей у кровати, и возлѣ нее сторожа—чертенка. Чертенка выбросилъ за окно, а королевскую дочь взялъ за руки и повелъ изъ избы. Сѣлъ съ ней въ лодку и поплылъ обратно. Вдругъ множество чертенятъ схватились за лодку, чтобы опрокинуть ее. Безстрашный, чтобы испугать чертенятъ, кричитъ: «огня! давайте скорѣе, огня, все озеро сожгу!» Чертенята испугались и нырнули въ воду. Привелъ Безстрашный дочь къ королю. И говоритъ король Безстрашному: «Молодецъ, Безстрашный! выбери изъ трехъ моихъ дочерей любую и получи половину моего королевства». Безстрашный выбралъ меньшую дочь и получилъ половину королевства. Пожилъ немного съ молодухой и говоритъ: «зачѣмъ я живу дома? Пойду еще странствовать по свѣту,—не увижу ли какихъ страстей». Жена говоритъ: «какіе еще тебѣ страсти? хуже чертей на свѣтѣ нѣтъ страстей, а чертей выжить изъ дворца тебѣ и плева не стоило». «Однако пойду, прогуляю еще, авось и увижу что нибудь». И пошелъ Безстрашный искать страшныхъ приключеній. Захотѣлось ему отдохнуть на берегу рѣки; легъ недалеко отъ рѣки, положилъ голову на чурбанъ и уснулъ. Во время сна его взошла туча и полился сильный дождь. Рѣка вышла изъ береговъ и вода окружила и его; еще прошло нѣсколько минутъ — и водой покрыло его самого, только осталась на верху одна голова. Вотъ одинъ ёршикъ видитъ за пазухой Безстрашнаго хорошее мѣстечко; забрался туда и живетъ

тамъ. Между тѣмъ дождь пересталъ идти, вода ушла въ берега и стало вездѣ сухо, а Безстрашный все спитъ. Вдругъ перевернулся онъ на другой бокъ и плавниекъ ерша началъ колоть его. Безстрашный соскочилъ съ мѣста—и давай бѣжать, крича во все горло: «ой, батюшки! ой, батюшки! кто-то есть». Изъ за пазухи выпалъ ѣршъ. «Ну ужъ такой страсти не видалъ, думаю, никто!» говоритъ онъ, идя обратно къ женѣ. И живутъ они—поживаютъ да добра наживаютъ. (Сказка эта записана со словъ крестьянина поч. Арланова, Павла Михайлова).

Кукри-баба. Весной мать послала своихъ трехъ дочерей въ лѣсъ за метлами для подметанія сору и дѣвушки заблудились въ лѣсу. Бродили, бродили въ лѣсу и устали. Что дѣлать? Вотъ одна изъ сестеръ взобралась на высокое дерево и осматриваетъ кругомъ—не увидитъ ли какую нибудь поляну. Смотрѣла и говоритъ: «далеко отсюда всходитъ къ небу синій дымокъ какъ ниточка». Вторая сестра не повѣрила и взобралась на ель. Смотритъ въ одну сторону и говоритъ: «далеко отсюда къ небу идетъ синій дымокъ толщиною съ палецъ». Третья сестра не повѣрила и взобралась на ель. Смотритъ и говоритъ: «далеко отсюда идетъ къ небу синій дымокъ толщиною съ руку». Замѣтили это мѣсто, сошли съ ели и пошли. Шли, шли и дошли до избушки. Зашли въ нее. На печи сидитъ старуха, Кукри-баба, отвратительнаго вида и кормитъ грудью ребенка; а у ребенка на головѣ сильнѣйшая короста. Она увидѣла дѣвушекъ и говоритъ: «не хотите ѣсть, дѣвушки?»—«Поѣли бы, пожалуй» отвѣчаютъ ей дѣвушки. Кукри-баба сошла съ печи... соскребла съ головы ребенка коросту и подчуетъ дѣвушекъ, говоря: «ну, ѣшьте, дѣвушки». Дѣвушки отворачиваютъ глаза отъ гадяго вида коросты, вызывающей рвоту. Кукри-баба говоритъ: «если не будете ѣсть—я сама васъ съѣмъ». Что дѣлать? Вотъ одна взяла—вырвало ее; взяла другая, третья—тоже вырвало. Дѣвушки хотятъ уйти. «Нѣтъ, не пушу»—говоритъ Кукри-баба «Перескочите чрезъ большую ступу—пушу». У дверей въ углу есть у ней большая деревянная ступа; вотъ туда и привела она дѣвушекъ и велитъ перескочить черезъ нее. Двѣ сестрицы перескочили и ушли, а третья перескочить не могла и осталась у Кукри-бабы. Кукри-баба пошла изъ избы и говоритъ дѣвушкѣ: «ты, дѣвушка, качай ребенка и пой: э! э! о! о! спи, усни. Изъ избы не выходи». Вышла

она изъ избы, а дѣвушка качаетъ ребенка и плачетъ. Вдругъ приходитъ къ дѣвущкѣ пѣтухъ и говоритъ: «садись на меня, дѣвушка, я увезу тебя»... Дѣвушка сѣла и ѣдетъ на пѣтухѣ. Пришла Кукри-баба домой и видитъ одного ребенка, а дѣвушки нѣтъ. И пошла она въ цогоню за дѣвушкой. Догнала и бросила въ пѣтуха деревяннымъ пестомъ; пѣтухъ уронилъ дѣвушку. Взяла Кукри-баба дѣвушку и увела ее опять въ свою избышку. Опять дѣвушка качаетъ ребенка и плачетъ. Приходитъ заяцъ и говоритъ: «садись на меня, дѣвушка,—я тебя увезу». Дѣвушка сѣла на зайца и ѣдетъ. Кукри-баба догнала ихъ и бросила въ зайца деревяннымъ пестомъ—и уронилъ заяцъ дѣвушку. Опять дѣвушка качаетъ ребенка и плачетъ. Приходитъ худая лошаденка вся въ грязи и пометѣ «Садись на меня, дѣвушка»—говоритъ лошаденка. Дѣвушка сѣла на грязную лошаденку и ѣдетъ. Вотъ видать, что Кукри-баба гонится за ними. Доѣхали до воды, а на водѣ лежитъ большое бревно. Дѣвушка слѣзла съ лошаденки и пошла по бревну. Вотъ и Кукри-баба идетъ по бревну... Дѣвушка сошла на берегъ, покачнула бревно—и Кукри-баба упала въ воду. Такъ она, злодѣйка, и кончилась. Пришла дѣвушка домой уже ночью, когда всѣ домашніе ея спали. Взялась она за кольцо двери... постучалась, постучалась—не отперли: никто не услышалъ. Ушла она спать на сѣнникъ и тамъ кто-то ночью ее стѣлъ, оставилъ только волосы. Утромъ отецъ дѣвушки съ мальчикомъ ушли на сѣнникъ дать корму лошадямъ. Мальчикъ нашелъ волосы и говоритъ отцу: «я тятенька, нашелъ струны», «Ладно, дитя, возьми, если нашелъ» отвѣчаетъ отецъ. Принесъ мальчикъ волосы въ избу и положилъ ихъ на столъ. Вдругъ волосы начали причитывать жалобнымъ голосомъ съѣденной дѣвушки: «батюшка! матушка! руки, пальцы стучали въ дверь—вы не отперли». Испугались всѣ и бросили волосы въ печь. Въ печи и пепелъ говорить тоже. Что дѣлать? Семья не рада житью, хоть изъ дому выходи. Вотъ бабы выгребли всю золу... вынесли остатки—и бросили золу въ лѣсу. Съ этой поры въ печи причитываній не стало. (Записаны отъ Павла Зеленина.)

Чертъ солдатамъ. Былъ вотякъ тихонькій, смиренный какъ бурица. Начальства онъ боялся, людей стыдился; по русски не зналъ. Вотъ пришла ему очередь идти въ солдаты. Ушелъ онъ въ солдаты и сталъ служить хорошо; но на бѣду его никакъ не мо-

жить угодить начальству: все его ругаютъ, бьютъ каждый день. Не стало и терпѣнья—хоть въ петлю полѣзай. Однажды солдаты этотъ стоятъ на часахъ въ будѣ и глубоко размышляютъ о своемъ житѣ. «Не человѣку бы здѣсь служить, а черту»—говоритъ онъ съ досады. Какъ только проговорилъ онъ это—вдругъ явился чертъ и говоритъ: «ступай ты въ лѣсъ, скрывайся тамъ отъ начальства, а я буду на твоёмъ мѣстѣ служить». Солдатъ ушелъ и скрывался въ лѣсу, а чертъ остался на своемъ мѣстѣ. Какъ только чертъ простоялъ свой срокъ на караулѣ—побѣжалъ въ погоню за солдатомъ. Догналъ его, схватилъ и задушилъ. Такъ и кончился солдатъ. (Записано со словъ крестьянина поч. Ныротура Петра Васильева.)

Разбойники Дыбленъ и Хамитъ. Въ Сосновскомъ краю сохранились преданія о разбойникахъ Дыбленѣ и Хамитѣ, которые свирѣпствовали здѣсь одинъ вслѣдъ за другимъ. Дыбленъ былъ вотякъ изъ-за Ижевскаго завода. Развѣдавъ сначала, кто имѣетъ богатство, Дыбленъ набралъ вольницу и началъ нападать на вотяцкія селенія и предавать ихъ разграбленію. Всегда онъ предупреждалъ селеніе о своемъ приѣздѣ и требовалъ, чтобы въ назначенный день были сундуки отворены и наготовлены кумышка, пиво и другое угощеніе; наѣхавъ въ село, онъ предавалъ его разграбленію, пилъ и бутилъ съ вольницею, и потомъ увозилъ награбленное; если же находилъ запертую избу, предавалъ ее огню, а упорныхъ вотяковъ пыталъ—раздѣвалъ до нага и опалилъ тѣло зажженнымъ сухимъ вѣникомъ. Вотяки, слышавъ разбойника, уходили въ лѣсъ и тамъ зарывали свои имуществы въ землю. Наконецъ они собрали совѣтъ, на которомъ рѣшили поймать Дыблена; поймали Дыблена и убили его. Послѣ Дыблена разбойничалъ въ край татаринъ Хамитъ съ тридцатью товарищами; черезъ пять лѣтъ вотяки поймали и Хамита и также убили. Большіе клады зарывали эти разбойники въ землю.

Кладъ, по повѣрью жителей—вотяковъ, есть такіа зарытыя въ землѣ деньги, которыми овладѣла нечистая сила. Чтобы найти его, надо знать непременно завѣтъ (условіе, съ которымъ зарыты деньги), а знать его, кромѣ самыхъ искусныхъ ворожцовъ, никто не можетъ. Въ старину кладъ зарывали такъ: набивши деньгами боченокъ, кувшинъ, или другое что, зарывали ихъ

въ землю, говоря притомъ завѣтныя слова: сюда надо сто головъ человѣческихъ, т. е., чтобы взять кладъ, надо прежде принести на мѣсто клада сто головъ убитыхъ людей; а нѣкоторые, зарывши кладъ, бросали въ рѣчки, пруды, ключи и проч., находящіяся при кладахъ, монеты, перстни или другое что-нибудь и говорили: «это найдешь эту монету, перстень, тому и взять деньги»; но бывали завѣты и простые, именно: если деньги положены подъ елкой, то, чтобы взять ихъ, надо перебросить черезъ елку топоръ, ножъ и проч. Иные, при зарытіи кладовъ, говорили: «покажись бѣлой уткой, гусемъ!» и проч., если зарывалось серебро; если же зарывалось золото, говорили: «покажись лисицей, рыжимъ жеребчикомъ» и проч. И деньги эти, по словамъ жителей, таскала нечистая сила въ образѣ тѣхъ животныхъ, имя которыхъ при сокрытіи произносили; если кто задѣвалъ ихъ или бросалъ въ нихъ чѣмънибудь легонько, то деньги сыпались къ ногамъ счастливаго; но завѣтовъ всѣхъ не перечтешь; кто что выдумывалъ, тотъ то и говорилъ. Говорятъ, что если кладъ кажется огнемъ, то это—проклятыя деньги, поэтому ихъ не бери: въ семействѣ всѣ перемрутъ и въ родѣ твоёмъ не останется никого. Если зарывали деньги богатые бездѣтныя вотяки только для сохраненія, безъ завѣтовъ, то такіе деньги находятся и теперь.

О кладахъ, зарытыхъ въ землю разбойниками Дыбленомъ и Хамитомъ, въ настоящее время въ народѣ существуетъ слѣдующее преданіе. Крестьянинъ села Сосновки Ивановъ рассказываетъ, что въ деревнѣ Койсыгурту въ небольшомъ возвышеніи у дороги зарыта Дыбленомъ цѣлая бочка денегъ: золота, серебра и проч. По словамъ Иванова, когда разбойникъ везъ эту бочку на нѣсколькихъ лошадяхъ, то на половинѣ возвышенія лошади его остановились и не могли везти далѣе бочку; онъ тутъ же выкопалъ яму и скатилъ въ нее бочку. Кладъ этотъ, говорятъ вотяки, кажется огнемъ. На Кывинскомъ полѣ близъ дороги къ селу Чутырю, по словамъ крестьянина деревни Койсыгурта, Василья Пантюхина, зарыта въ землю между трехъ елокъ у полевыхъ прасель цѣлая бочка съ золотомъ и серебромъ. Третій кладъ находится въ трехъ верстахъ отъ села Сосновки на, такъ называемой, Шарканской горѣ подъ сосновымъ пнемъ; но сколько тамъ денегъ—неизвѣстно. Кладъ тамъ зарытъ давно, когда стояла большая сосна, которую было видно кругомъ за двадцать верстъ.

(Преданіе это записано со словъ дьяконской дочери Анны Григоровской).

Клады въ образъ гроба. Жилъ въ небольшой деревнѣ мужичекъ-вотячекъ съ женой. Дѣтей у нихъ не было; жили они въ большой бѣдности и не очень дружно. Въ той сторонѣ, гдѣ они жили, было много кладовъ, а они доставались только счастливымъ. Разъ отправился вотякъ въ поле разчищать около лѣсу пашенное мѣсто. Расчищаль, расчищаль—натаскалъ груды иней и хворосту, чтобы потомъ въ удобное и дозволенное закономъ время сжечь. Таская ины и хворостъ, онъ сильно утомился; сѣлъ подъ ель и задумался. Приходить къ нему медвѣдь и говорить: «что тутъ дѣлаешь, дружокъ?» Вотякъ молчитъ. Медвѣдь ушелъ. Приходить воинъ и тоже спрашиваетъ, но вотякъ молчитъ; пришла затѣмъ лисица и она отвѣта не получила. Такъ просидѣлъ онъ подъ елью до утра, а все домой не идетъ. Проголодался сильно, а въ пестугѣ хлѣба нѣтъ. Вернулся домой, рассказалъ о всемъ видѣнномъ своей женѣ и просить у ней хлѣба; но жена ему не дала, а послала опять сидѣть подъ елью до-времени, думая что въ образѣ приходившихъ къ нему звѣрей были клады, которые, по повѣрью жителей, даются только на счастье. И вотякъ опять ушелъ и сѣлъ на пенекъ. Вотъ приходитъ къ нему заяцъ и спрашиваетъ: «что тутъ дѣлаешь, дружокъ?» Вотякъ молчитъ. Приходитъ потомъ человѣкъ и спрашиваетъ тоже, но вотякъ все не даетъ отвѣта; тогда человѣкъ говорить: «вотъ къ тебѣ послѣ меня придетъ въ гробу мертвецъ и стѣсть тебя». Вотякъ ничего не сказалъ. Дѣйствительно чрезъ минуту тащится къ нему гробъ съ мертвецомъ. Вотякъ испугался и закричалъ. Отъ крика этого гробъ лопнулъ какъ пузырь и изъ него высыпались деньги—серебро и золото, а гробъ исчезъ какъ дымъ. Вотякъ съ радости не зналъ, что дѣлать. Онъ сгрѣбъ бы всѣ деньги, да силы въ немъ нѣтъ. «Вотъ схожу домой, наймся покрѣпче и приду»—говорить себѣ вотякъ и идетъ домой. Пришелъ домой, обрадовалъ свою жену, наѣлся крѣпко и вернулся къ деньгамъ, но денегъ тамъ уже нѣтъ. Ушелъ кручинный домой и говорить женѣ: «эхъ, баба! баба! находили мы денегъ, да не сумѣли ихъ взять; а все ты виновата — не дала мнѣ хлѣба; а не поѣвши хлѣба, какъ бы я унесъ денегъ? И самого еле еле таскали ноги. Лучше видно своими трудами наживать

денегъ. Теперь о владѣ намъ нечего думать, въ другой разъ онъ уже не придетъ». (Записано отъ крестьянина Петра Васильева въ дер. Ныромурѣ).

Шайтанъ. Осенью ушелъ вотякъ на охоту въ лѣсъ. Пробродилъ онъ весь день съ ружьемъ, а никого не убилъ. Пришла ночь и расположился спать въ шалапѣ, устроенномъ въ родѣ палатки. Вдругъ около полуночи къ нему стучится человекъ и говоритъ: «пусти, другъ, ночевать». — «Ночуй» говоритъ вотякъ, «мѣста будетъ обоимъ». Онъ легъ съ вотякомъ тутъ же въ шалапѣ. Смотритъ на него вотякъ и ужасается: глаза у него страшные, одежда истаскана; словомъ, всѣ признаки недобраго человека. И говоритъ онъ вотяку: «когда я буду спать — изъ меня пойдетъ паръ, какъ отъ горячей воды въ котлѣ». Уснулъ онъ — и дѣйствительно изъ него пошелъ паръ. Вотякъ лежитъ ни живъ, ни мертвъ, думая, что это — шайтанъ, пришедшій къ нему съ недоброй цѣлью. Вотякъ тихонько снялъ съ себя сукманъ, положилъ на свое мѣсто чурбанъ, одѣлъ его сукномъ и ушелъ; взобрался онъ на высокую ель и смотреть — ждетъ, что дальше будетъ. Шайтанъ проснулся, смотритъ на сукманъ и говоритъ: «а, здѣсь еще!» Взялъ онъ желѣзо, накалилъ его до красна, взялъ и прижигаетъ имъ сукманъ и чурбанъ со злорадной улыбкой, думая, что прожигаетъ насквозь вотяка. Прожегъ насквозь, — смѣется, дивуется всяко. Вотякъ все видитъ съ дерева. Вдругъ гдѣ-то въ деревѣхъ пропѣли пѣтухи. Шайтанъ вышелъ изъ шалапа и залѣзъ въ липовое дупло. Какъ только разсвѣтало, вотякъ слѣзъ съ дерева, взялъ дымящуюся головню и положилъ въ дупло, шайтанъ изъ дупла говоритъ: «ахъ, какъ утреннее солнышко грѣетъ!» Когда липа загорѣлась, тогда онъ завылъ, говоря: «погубилъ ты меня, уромъ, совсѣмъ». (Записано со словъ Петра Васильева и другихъ).

Пѣсни.

Уроме! уроме! кытцы ветлѣ-идѣ?

— Ветлѣ и монѣ чапеасъ коряны;

— Уроме! уроме! кытынѣ кэлѣ идѣ?

— Кэлѣ и монѣ капеасъ юбо куспынѣ;

— Уроме! уроме! майнѣ пыласъ видѣ?

- Пыласьки монъ чужна усемъ лысу энъ;
- Уроме! уроме! маинъ чучкидъ?
- Чучки монъ барядъ кваренъ;
- Уроме! уроме! чучезмъ квардъ кытцы понъ-идъ?
- Понъ и кваръ ме капкасъ юбо вылэ.

По русски.

- Дружочекъ! дружочекъ! куда ходилъ?
- Ходилъ я рубить лучину.
  - Дружочекъ! дружочекъ! рдѣ ты спалъ?
  - Спалъ я межъ столбами воротъ.
  - Дружочекъ! дружочекъ! чѣмъ умывался?
  - Умывался я утренней росой.
  - Дружочекъ! дружочекъ! чѣмъ утирался?
  - Утирался я кленовымъ листочкомъ.
  - Дружочекъ! дружочекъ! куда дѣлъ листочекъ?
  - Листочекъ положилъ я на столбикъ воротъ.

(Записано отъ крестьянина починае Вамура Сергѣя Дмитриева).

* * *

Милямъ, милямъ бубнесь—
Маръ бубнесь!
Шынкъ пытцылъ ванъ—
Милямъ бубнесь;
Милямъ, милямъ мумнесь—
Маръ мумнесь;
Вычи пытцынъ
Рунъ вѣй ёсъ кадесь;
Милямъ мумнесь;
Милямъ, милямъ нюнѣсь—
Кывъ ынъ и лобасъ кай снесъ.

По русски.

Наши, наши отцы—
Какіе отцы!
На днѣ сундука есть

Наши отцы!
Наши, наши матушки—
Какія матушки!
Какъ на днѣ вѣдущи
Чистое масло.
Наши матушки!
Наши, наши братья—
Надъ елками летающіе щеглята.

(Записано отъ Григорія Ерофѣева, крестьянина села Сосновки).

* *

Аизъ мынемъ дудъ вырѣ,
Лудъ вырысь сѣрь мѣмѣмъ;
Сѣрь пытыньсѣ кенъ тетъ мѣмъ,
Кенѣзъ ваемъ пи,
Піезъ лы нимъ понъ ильямъ Камай.

П О Р У С С К И.

Отецъ ушелъ въ поле,
Въ полѣ поймалъ выдру;
На слѣдкѣ выдры нашелъ сноху;
Сноха принесла сына.
Сынѣу дали имя: Камай.

(Отъ Сергѣя Дмитріева, крестьянина починокъ Вимура).

Ж А Л О В Ы Д И К А Г О Г О Л У В Я.

Гуукъ! гуукъ?
Лудѣе ваѣ еисъ ко,
Пубыме жабасъею,
Внизе тубисъею
Кучиранъ адзе.
Гуукъ! Гуукъ.
Кызъ вылѣ тубете потѣ..
Маръ паромъ? Гуукъ! гуукъ!

По русѣи.

Гуукъ, гуукъ (звукоподражаніе)!
Если въ поле спускаюсь,
Ножи мараю;
Если на дерево взбираюсь,
Сова видить...
Охота сильная взобраться на елку!
Что дѣлать?

(Записано отъ Александра Иванова, крестьянина починка Нырошура).

* * *
Ойдъ и гинѣ мусанѣ
Я ламѣ гинѣнѣ!
Ойдъ и муса дунадѣ,
Ойдъ и гинѣ дунадѣ,
Ойдо лѣно пѣ мусано,
Ой дѣи мнѣно!
Шуме мѣно зайдъ и гинѣно
Я ламѣ гинѣно
Ойдо лѣно шумѣно,
Озъ ыпѣ шумѣно по!

(Записано отъ Сергѣя Дмитріева, крестьянина поч. Вимура).

* * *
Дунѣ сувѣно дувесѣзъ,
Сезуль дуртъизъ укудѣзъ;
Вожъ вожъ бурчинъ поясѣзъ,
Полшолѣбвой кышетѣзъ;
Полтинникѣнъ такъѣзъ,
Вожъ панковѣй изъѣсѣзъ;
Идзи вожинъ мыгорѣзъ,
Пашуръ вожинъ иворѣзъ,

По русскѣи.

На ней драповый зипунъ,
Мишурой обшить подоль;
Опояска—зеленъ шелкъ,

Полушелковый платокъ.
Изъ полтинниковъ татя,
Рукавицы замшевы;
Въ устьѣ Ижа *) стройный стаиъ,
Въ устьѣ Вотки ея вѣсть.
(Арланова, Петръ Ивановъ)

.

Жужытъ гинѣ жужытъ...
Дай бордъ-тъи изъ сюрѣсъ;
Со изъ сюрѣсъ Дай бордъ-тъи
Пашпу лэбыръ, лэбыръ;
Со пашпулѣнъ выжыѣсъ
Сясымѣмъ гыбѣдъ азынъ.
Пашпулѣнъ сясыкаѣсъ
Югъ-югъ сьилѣмъ.
Пашпулѣнъ мульезлы
Энъ сукломъ:
Ымтыръ пиньдэ
Жильтыръ карозъ,
Ошъ вузъ кыѣ апайѣсъ
Апайѣсъ тужъ чебересъ:
Чырты азъ огезлѣнъ
Весѣсъ—бадзѣмъ весъ
Кытѣтъиезлѣнъ чыртыазъ
Весѣсъ—вэкъы весъ
Мишаезлѣнъ тушесъ
Мишура кадъ
Илялѣнъ тушесъ
Укѣ кадъ.

По русски, по переложеніи на стихи:

Близъ Дая, высокаго Дая
Дороженька каменная.

---

*) Ижъ и Вотка—рѣки, протекающія по Сосновскому краю.

У каменной этой дорожки
Стоить одиноко пашпу *),
Всѣ корни-коренья пашпуа
Ушли подъ гнилое бревно.
На деревѣ этомъ, пашпуѣ,
Цвѣточки бѣлѣютъ какъ снѣгъ,
А ягоды будутъ багрянны.
Красѣ не завидуй никто.
Ѣсть будешь какъ ягоды—зубы
Съ оскомины выпадутъ всѣ.
По берегу Оши гуляютъ
Дѣвицы-сестрицы однѣ;
На шейкѣ одной дорогія
Агатныя бусы блестятъ,
На шейкѣ другой еще лучше:
Горятъ какъ уголья въ печи
Бородка Михайлы—мишурка,
Ильи—бахромы на платѣхъ.

* * *

Вань Тыпы кадъ горадынъ
Салдатъ басытонъ изъ корка;
Со коркалэнъ петпалызъ
Вожъ турынъ кадъ вуамынъ.
Со изъ корка пыртызы,
Кылытызы дэрэмъмѣ;
Мычизы-но ырмѣ
«Ступай» шуса улыазы
Анайѣ-но, атае
Погыраса кылызы.

По русски.

Городокъ какъ зеленъ дубъ.
Тамъ домъ каменный стоять;
Онъ окрашенъ въ зеленъ цвѣтъ;

---

*) Дерево лиственное.

Принимають тамъ солдатъ.
Ввели въ зеленый тотъ домъ—
И раздѣли молодца.
Сняли волосы, погнали,
Говоря ему: «ступай!»
Отецъ съ матерью упали
И остались одни.

(Петръ Ивановъ).

* *

Джужытъ джужытъ гурезезъ!
Вожъ-вожъ лемпу, лемпуезъ
Гурезъ выгты мертмынъ;
Югъ-югъ соланъ сясъкаезъ;
Со сясъкалы, сясъкалы
Энъикъ, энъикъ вожъясъкы:
Ымтыръ пынъдэ тьялозъ.
Кыгъ дусымъсэ базарынъ.
Огезлэнъ весь камалъ,
Кытэтъызълэнъ дасъ визъмызъ.

По русски.

Горки, высокіе горки!
Черемухи ярко-зелены!
Разсажены рядомъ на горахъ;
Цвѣты ихъ бѣлѣютъ какъ снѣгъ;
Цвѣтамъ тѣмъ, цвѣтамъ какъ снѣгъ бѣлымъ,
Ничуть не завидуи никто:
Сломають ихъ ягоды зубы.
Двѣ дѣвки—подружки нарынѣ:
Одна въ ожерельѣ изъ денегъ,
Въ другой ровно десять умовъ

(Поч. Быги, Яковъ Гавриловъ).

Байки.

Ызы-бызы-зындэсъ петыгъ; со зындэсмы кумѣлы сѣгъ; кумѣ
колачъ сѣгъызъ; со колачъмѣ пунне лы сѣгъ; пунне сѣръ сѣръ

вайзъ; со сѣрмѣ заводѣ вузай; заводысь сезыи басытъ; со сезыимѣ дигоэлы сюдъи; соязегѣ коко сѣтъизъ; со кокомѣ гурѣ куттъи... Шлокъ! точъ! сизыимъ кочѣ ыръ...

По русски.

Отдыхалъ-бѣжалъ—перстень нашелъ; этотъ перстень отдалъ куму; кумъ мнѣ отдалъ калачъ; этотъ калачъ я отдалъ своей собагѣ; собака принесла мнѣ куницу; эту куницу продалъ въ заводѣ (Воткинскомъ); въ заводѣ купилъ овса; овесъ скормилъ-тигоньѣ (гусихѣ); эта гусиха яйцо снесла; это яйцо сватилъ въ печь... Хлопъ! топъ! семь сорочьихъ головъ....

(Поч. Титова Петръ Николаевъ).

Уромѣ! уромѣ! кытцы ветлѣйдъ?—Чапкѣсь воранъ ветлѣи. Капка юбѣ кустынъ кэлѣи. Чувна султѣи—кызэ тубѣи; чечтѣи сикѣкызысь васѣи; кечъ сюръ ылыкъ вина юй-супырагъ кудзѣи.

По русски.

Дружочекъ! дружочекъ! куда ходилъ?—Рубить лучину ходилъ. Спалъ между столбами воротъ. Утромъ вошелъ—взобрался на ель; поѣлъ меду—слѣзъ съ ели; на вершинѣ заячьей тропинки пилъ вино—сильно распянилъ.

(Яковъ Гавриловъ).

Ву лѣнъ мылкѣдъ чарѣъ вылынъ, чарѣъ лѣнъ мылкѣдъ кѣ вылынъ; кэлѣнъ мылкѣдъ пызвылынъ, пызлѣнъ мылкѣдъ мѣшѣкъ вылынъ; мѣшѣкъ лѣнъ мылкѣдъ валъ вылынъ, валлѣнъ мылкѣдъ камъ вылынъ; камлѣнъ мылкѣдъ нылъ вылынъ, ныллѣнъ мылкѣдъ пи вылынъ, пи лѣнъ мылкѣдъ нылъ вылынъ.

По русски.

Желаніе воды на колесѣ (мельничномъ), желаніе колеса на жерновѣ; желаніе жернова на муѣ, желаніе муки на мѣшкѣ; желаніе мѣшка на конѣ, желаніе коня на Камѣ; желаніе Камы на дѣвушкѣ, желаніе дѣвушки на парнѣ, желаніе парня на дѣвушкѣ.

Байки.

Кинъ лѣнъ піезъ?

— Панлѣнъ піезъ;

— Кинъ панлѣнъ?

— Люѣъ панлѣнъ;

— Кинъ люѣъ?

— Бакра люѣъ;

— Кинъ бакра?

— Шудѣ бакра;

— Кинъ шудѣ?

— Буръ шуде;

— Кинъ буръ?

— Чійя буръ;

— Кинъ чійя?

— Маджесъ чійя;

— Кинъ маджесъ?

— Тушъ маджесъ;

— Кинъ тушъ?

— Мѣи тушъ;

— Кинъ мѣи?

— Гаръ мѣи;

— Кинъ гаръ?

— Сязетъ гаръ;

— Кинъ сязегъ?

— Буръ сязегъ;

— Кинъ буръ?

— Камъ ву.

По русски.

Чей ты паренъ?

— Пановъ паренъ.

— Какого пана?

— Люксаго пана.

— Кто люѣъ?

— Бакрѣ люѣъ.

— Кто бакра?

— Счастье бакра.

— Кто счастье?

— Правда счастье.

— Кто правда?

— Чійя правда.

— Кто чійя?

— Грабля чійя.

— Кто грабли?

— Борода грабли.

— Кто борода?

— Старость борода.

— Кто старость?

— Гаръ старость.

— Кто гаръ?

— . . . . . гаръ;

— Кто.....?

— Правда.....?

— Кто правда?

— Камская вода.

(Записано отъ Савватія Алексѣева, починка Ирдогурта).

* *

Я ходилъ по деревнямъ, билъ шерсть. Иду разъ лѣсомъ и вдругъ упалъ въ липовое дупло; проспалъ тамъ ночь и на другой день пришли люди рубить эту липу; я вдругъ вскрикнулъ и люди съ топорами убѣжали; я вышелъ изъ дупла и опять иду; иду по дорогѣ и опять упалъ въ бочку; сижу въ бочкѣ и вдругъ пришелъ медвѣдь къ бочкѣ, сунулъ въ дырочку хвостъ; я взялъ за хвостъ и

медвѣдь помчался быстрее вѣтра; бочка разлетѣлась. Я вернулся домой живой и рассказываю о своемъ походе домашнимъ.

Загадки.

- 1) Подъ пчелкой желтый цыпленокъ.
- 2) По полю разбросаны бревна.
- 3) Четверо братьевъ стрѣляютъ въ одну яму.
- 4) Четыре брата подъ одной шляпой.
- 5) Одинъ стоитъ, другой сидитъ, третій лежитъ.
- 6) Надъ трубой синій солдатъ.
- 7) Надъ огнемъ жарить задницу черный солдатъ.
- 8) На гумнѣ стриженный баранъ.
- 9) На одной жердочкѣ сидятъ 30 тетеревей.
- 10) На волахъ сѣвъ не держится.
- 11) Въ стѣнахъ красныя зёрна пшеницы.
- 12) По стѣнамъ бараны глаза.
- 13) Три длинныхъ предмета.
- 14) Яма сгнила, столбъ ушелъ.
- 15) Живаго неживой догоняетъ.
- 16) Неживой несетъ живаго.
- 17) Мышь съ двумя хвостиками.
- 18) Стою на берегу, плюю за рѣку.
- 19) Кругъ избы волосяныя бревна.
- 20) Старуха по ночамъ сморкается.
- 21) Въ обѣдъ ѣсть, ночью спать.
- 22) Среди поля блюдо съ мясомъ.
- 23) Четверо хлопаютъ, тысячи пляшутъ.
- 24) Полонъ курятникъ желтыхъ цыплятъ.
- 25) За Камой рѣкой—бѣлѣтъ голубая лошадь.
- 26) Въ полѣ лаютъ собаки.
- 27) Въ одно ведро текутъ четыре рѣчки.
- 28) Входить въ избу въ черномъ зипунѣ, выходитъ въ бѣлой рубахѣ.
- 29) Вечеромъ ѣсть, утромъ блюеть.
- 30) На подволокахъ голубой клубокъ.
- 31) Не человѣкъ, не звѣрь, а имѣетъ усы.

32) Безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка, а говорить, но говорить не слышно.

33) Низъ ѣсть, верхъ—блюеть.

34) Днемъ ходить, ночью спать.

35) Ночью ходить, днемъ спать.

36) Въ ность видается, а самого не видать.

37) За Камою рѣкою ржетъ конь.

38) Въ серебряной дырѣ гвоздикъ мясной.

39) Долгохвостая сорока скачетъ въ печь.

40) Красная собака воетъ.

41) Съ избы на избу красный пѣтухъ перескакиваетъ.

42) Мужикъ кланяется землѣ.

43) Безрукій-безногий къ небу идетъ.

44) Безъ ножа, безъ топора сдѣланъ мостъ.

45) Тридцать молотятъ, одинъ переворачиваетъ (снопъ).

46) Безъ рукъ безъ ногъ выходитъ изъ дупла.

47) Въ огнѣ черный баранъ, въ баранѣ вода.

Отгадки.

1) Солнце.

2) По полю разбросаны бревна.

3) Соски на вымени коровы во время доенія.

4) Ножки у стола.

5) Елка, пенъ и колода въ лѣсу.

6) Дымъ.

7) Котелъ надъ горномъ.

8) Скирды хлѣба.

9) Потолокъ на матицѣ.

10) Рога у коровы.

11) Клопы.

12) Сучья въ бревенчатыхъ стѣнахъ.

13) Дорога, рѣчка и изгородь полевая.

14) Лапоть износился и нога оставила его.

15) Телѣга и сани.

16) Лыжи, на которыхъ ходятъ по снѣгу.

17) Лапти съ веревочками.

18) Ружье.

- 19) Мохъ между бревнами.
- 20) Лучина въ свѣтѣ.
- 21) Ножъ.
- 22) Мышиное гнѣздо съ мышенятами.
- 23) Ноги и хвостъ лошади.
- 24) Зубы.
- 25) Облако.
- 26) Колокольчики у пасущихся въ полѣ коней.
- 27) Доеаніе коровъ.
- 28) Лутошки съ лыкомъ.
- 29) Овинъ, который вечеромъ набиваютъ снопами, а утромъ выбрасываютъ снопы для молоченія.
- 30) Голубъ.
- 31) Рыба усачъ.
- 32) Письмо.
- 33) Перечница.
- 34) Солнце.
- 35) Луна.
- 36) Запахъ.
- 37) Громъ.
- 38) Въ серебряномъ кольцѣ палецъ.
- 39) Хлѣбная лопата во время своего дѣйствія.
- 40) Церковный колоколъ.
- 41) Огонь во время пожара.
- 42) Молотильщикъ на гумнѣ.
- 43) Дымъ, поднимающійся къ небу.
- 44) Ледъ на рѣкѣ.
- 45) Зубы и языкъ во время ѣды.
- 46) Хлѣбъ въ квашнѣ.
- 47) Котелъ съ водой въ огнѣ.

Игры и занятія взрослыхъ и дѣтей.

Ворона и курица. Эта символическая игра въ животныхъ исполняется только дѣтьми—мальчиками и дѣвочками. Если играютъ мальчики, то игра заключается въ слѣдующемъ: одинъ изъ старшихъ изображаетъ ворона, а другой тоже изъ старшихъ—курицу;

остальные изображаютъ при курицѣ цыплятъ. Приготовившись къ игрѣ, воронъ отходить отъ курицы въ сторону на нѣсколько саженой, а курица стоитъ—смотреть на него; цыплята же стоятъ позади курицы въ одной группѣ. Воронъ копаетъ ямку, а курица спрашиваетъ: «что роешь?»—«Землю»—отвѣчаетъ воронъ. «Что ищешь?»—«Иголку» «На что иголку?»—«Кошель спитъ». На что кошель?»—«Камешки власть» «На что камешки?»—«Въ твоихъ дѣтей бросать»—«Что они сдѣлали?»—«Въ мой огородъ лазать, воруютъ лукъ, морковь, рѣпу и проч.». Курица беретъ щепку и, бросая ее вверху, говоритъ: «твой огородъ такъ высокъ и то лазать, а мой такъ низокъ (присѣдая къ землѣ, показываетъ вышины не болѣе четверти) и то не лазать». Воронъ идетъ къ курицѣ ближе и между ними завязывается жаркій споръ. Воронъ говоритъ: «какъ не лазать»? Курица кричитъ: «какъ лазать»? Вотъ воронъ подходитъ ближе и кричитъ: «крокъ!» (звукоподражаніе крику вѣрона), курица на это отвѣчается своимъ крикомъ: «котѣтъ!» Воронъ старается схватить цыпленка, расправивши когти (которые изображаютъ пальцы), курица защищаетъ дѣтей; при этомъ между цыплятами поднимается такая пискотня, крики, что хоть уши затыкай; но вмѣсто пискотни ребята, конечно, хохочутъ. Если воронъ схватитъ цыпленка—уводитъ въ сторону, гдѣ и долженъ цыплятокъ стоять. Потомъ воронъ чрезъ минуту, другую опять идетъ и кричитъ: крокъ! и происходитъ тоже дѣйствіе между нимъ и курицей. Когда переловить всѣхъ цыплятъ, принимается за курицу. Игра тѣмъ и оканчивается.

Кругъ съ мячемъ. Чертится кругъ въ поперечникѣ нѣсколько саженой, смотря по числу играющихъ. Всѣ желающіе играть, числомъ отъ 10 до 20, становятся на черту въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Когда мѣста играющими будутъ заняты, одинъ изъ нихъ беретъ мячъ и бросаетъ его стоящему насупротивъ себя мальчику, который и долженъ поймать мячъ на лету и бросать опять другому и т. д. Такимъ образомъ мячъ перебрасывается играющими до тѣхъ поръ, пока кто либо не выронитъ его изъ рукъ въ моментъ хватанія. Тотъ, кто выронитъ его изъ рукъ, идетъ въ кругъ и съ него начинается главная игра. Выронившій мячъ идетъ въ кругъ и его запятываютъ въ спину мячемъ перебрасывая мячъ другъ другу. Мячъ стараются бросить тому, который ближе къ находящемуся въ кругу. Запятываемый, чтобы былъ сдѣланъ кѣмъ нибудь промахъ бѣгаетъ

изъ стороны въ сторону. Кто сдѣлаетъ промахъ, т. е. не попадетъ въ находящуюся въ кругу—идетъ самъ въ кругъ. Правило игры такое: 1) находящійся въ кругу не долженъ выходить изъ круга за черту и 2) стоящіе на чертѣ не должны входить въ кругъ. Игра эта въ употребленіи и у взрослыхъ. Она чрезвычайно оживленна и требуетъ отъ игрока большаго вниманія и проворства, и чѣмъ больше въ ней играющихъ, тѣмъ она веселѣе.

Ямки съ мячемъ. Въ землѣ вырываются въ одномъ направленіи и въ равномъ разстояніи другъ отъ друга нѣсколько ямокъ по числу играющихъ. Ширина ямки вершка два, а глубина—полтора. Такую ямку каждый играющій вырываетъ для себя. Когда ямки будутъ готовы, то по жребію, одинъ изъ играющихъ съ конца катитъ мячъ въ ямки. Если мячъ вкатился въ чьюнибудь ямку, то всѣ разбѣгаются въ разные стороны, не желая быть запятнаннымъ хозяиномъ ямки, въ которую вкатился мячъ. Хозяинъ ямки, быстро схватываетъ мячъ и, не отходя отъ ямки, бросаетъ мячемъ въ когонибудь. Если не запятнаетъ никого, всѣ играющіе идутъ въ ямки, а если запятнаетъ, то запятанный опять бросаетъ мячъ въ другого съ того мѣста, гдѣ упалъ мячъ. Такимъ образомъ, мячъ запятываетъ играющихъ до тѣхъ поръ, пока ктонибудь не сдѣлаетъ промаха, т. е. не запятнаетъ никого. Когда сдѣланъ промахъ, всѣ идутъ къ ямкамъ и кладутъ въ ямку промахнувшагося камешекъ или щепку. Промахнувшійся опять катитъ мячъ въ ямки и опять продолжается такая же игра; продолжается она до тѣхъ поръ, пока въ чьейнибудь ямкѣ не будетъ определенное по условію число камешковъ или щепокъ, означающихъ промахъ (отъ 3 до 5). Въ чьей ямкѣ исполнится определенное число промаховъ, тотъ становится спиной къ ямкамъ; закрываютъ ему глаза, кладутъ въ которуюнибудь ямку мячъ и, хлопнувъ его ладонью по спинѣ около десяти разъ, спрашиваютъ: въ чьей ямкѣ мячъ? Если угадаетъ—игра начинается снова, если же нѣтъ—опять начинается хлопать тотъ, въ чью ямку былъ положенъ мячъ. Такъ хлопаютъ его, мѣняя ямки, до тѣхъ поръ, пока онъ не угадаетъ. Когда угадаетъ—игра начинается снова. Въ тѣхъ деревняхъ, въ которыхъ съ вотяками живутъ и русскіе, въ спину ударяютъ слегка мячемъ, приговаривая: «ярка—не ярка, баранъ—не баранъ, сѣрая овечка, а не ягнится;» потомъ, положивъ мячъ въ ямку, спрашиваютъ: «въ чьей

лункѣ мячъ? Самыя ямки называются лунками, поэтому и игра получила названіе луновъ. Игра эта исключительно дѣтская.

Балтика съ мячомъ. (См. рис. 1 на таблицѣ въ концѣ книги). Съ трехъ сторонъ вбиваютъ въ землю колышки или щепки длиною около полуторы четверти, половина которыхъ уходитъ въ землю и это представляетъ трехсторонній ящикъ, а на четвертой сторонѣ гдѣ нѣтъ колышковъ, вмѣсто ихъ кладется палочка толщиною не менѣе вершка. На эту лежащую палочку поперекъ ея кладется не особенно тонкая пластинка шириною съ вершокъ и длиною сообразно съ шириной ящика или клѣтки. Пластинка, положенная на палочку, должна лежать на палочкѣ такъ, чтобы одна половина ея была въ ящикѣ, а другая—въ наружной сторонѣ. На конецъ пластинки, лежащей въ ящикѣ, кладется мячъ. Начинаящій игру по жребію беретъ прочную палку болѣе аршина и становится у клѣтки, находящейся по лѣвую сторону его, а прочіе стоятъ около клѣтки, стараясь поймать мячъ. Начинаящій игру ударяетъ изо всей силы по наружному концу пластинки, и мячъ летитъ высоко. Кто поймаетъ мячъ на лету, тому и ударять по пластинкѣ. Если никто не поймаетъ на лету—ударять старому. Игра эта дѣтская.

Тюрагá (жаворонокъ). Вбивается въ землю нѣсколько наклонно колышекъ длиною около одного аршина и берется небольшая конусообразная пѣшка съ зарубой на тупомъ концѣ, чтобы можно было надѣть на колышекъ. Вотъ, когда палка вбита и пѣшка надѣта, играющіе берутъ по палкѣ около трехъ четвертей длины и, ставши въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колышка, бросаютъ палками въ пѣшку, чтобы сшибить ее. Чья палка сшибетъ или отшибетъ дальше, тому и бить пѣшку. Тотъ, кому бить ее, становится у колышка, а другіе идутъ въ сторону, куда должна упасть пѣшка. Бьющій ударяетъ въ пѣшку снизу и пѣшка летитъ высоко. Кто изъ стоящихъ въ сторонѣ поймаетъ пѣшку при паденіи ея въ руки или шапку, тому и бить ее. Если же кто и не поймаетъ при паденіи ея, но поднявшій ее съ земли, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ колышка, броситъ и попадетъ пѣшкой въ колышекъ, тому и бить; въ противномъ случаѣ бить старому. Такая игра въ употребленіи только между дѣтьми.

Вторая игра съ палку тюрагá. (Таблица, рис. 2). Вбивается въ землю такой же колышекъ, но не наклонно, а вертикально. На этотъ

колышекъ кладется пластинка около полуторы четверти длины; на одинъ изъ концовъ пластинки ставится небольшая конусообразная пѣшка. Одинъ изъ мальчиковъ по жребію ударяетъ по пустому концу пластинки палкой и отъ удара пѣшка летитъ высоко. Стоящіе около колышка должны поймать пѣшку при паденіи ея. Если никто не поймаетъ при паденіи—пѣшку бить старому.

Городки. Для этой игры употребляются деревяшки, имѣющія форму цилиндра, высота ихъ съ четверть аршина, а толщина—около полутора вершковъ. Передъ началомъ игры чертятся на дорогѣ два четырехугольных квадрата произвольной величины, въ разстояніи одинъ отъ другаго около семи сажень, смотря по тому, каковы играющіе, т. е. если взрослые, то разстояніе должно быть больше, а если дѣти—меньше по силамъ ихъ. Въ срединѣ между квадратами выпрывается небольшая ямочка, показывающая половину разстоянія отъ одного квадрата до другаго. На одну изъ лежащихъ въ ямѣ сторонъ квадрата ставятся деревяшки числомъ до семи въ равномъ разстояніи другъ отъ друга. Всѣ играющіе берутъ по палочкѣ около трехъ четвертей длины съ обтесанными, вмѣсто рукоятки, концами, и раздѣлившись на двѣ партіи по числу квадратовъ или кѣтокъ, играющіе становятся другъ противъ друга лицомъ, въ разстояніи около полуторы сажени, для метанія жеребья, кому начать игру. Вотъ одинъ изъ партій, крайній, беретъ концами пальцевъ (а не въ кулакъ) конецъ рукоятки и бросаетъ ее сверху такъ, чтобы палка нѣсколько разъ перевернулась въ воздухѣ и упала концами къ играющимъ; если же палка будетъ обращена концами въ противоположныя стороны, ее бросаютъ въ другой разъ. За первымъ бросаетъ другой, третій и т. д. Когда такое метанье жеребья совершится, считаютъ, въ чью сторону больше палки обращены рукоятками? Въ чьей сторонѣ больше рукоятокъ, той партіи и начать игру; если же палокъ будетъ обращено по ровному числу къ каждой партіи, то метаніе жеребья начинается снова. Которой партіи по жребію досталась очередь начать игру, та беретъ всѣ палки, по двѣ штуки каждый играющій и, ставши близко у одного изъ квадратовъ, бросаетъ оттуда палками въ деревяшки, чтобы вышибить ихъ изъ черты. Если вышибетъ хоть одну деревяшку—идетъ на средину разстоянія, т. е. къ ямѣ, и бросаетъ уже оттуда; послѣ него идетъ со

своими палками изъ его партіи другой, третій и т. д. и всё бросають со середины. Бываетъ часто, что деревашки съ перваго же удара подшибаются, но не выходятъ изъ черты; то это не даетъ права занять мѣста на срединѣ: деревашки должны выйти за заднюю или боковыя черты квадрата. Случается, что начавшіе игру вышибаютъ изъ своего квадрата деревашки двумя или тремя палками, тогда другая партія не въ правѣ взять больше тѣхъ палокъ, сколькоими вышибла изъ черты свои деревашки первая партія, и если не вышибетъ своихъ деревашекъ, считается проигравшей. Мы выше сказали, что подшибленная, но не вышедшая изъ квадрата, деревашка не даетъ права въ началѣ игры занять мѣсто въ срединѣ; такъ равно, если осталась въ чертѣ хоть одна лежащая деревашка, то она также не даетъ права на выигрышъ, а, напротивъ, служитъ какъ бы поворомъ для невыбившей ея партіи. Вообще, вышибить такую деревашку считается дѣломъ труднымъ. Если вышибутъ свободными палками свои деревашки изъ своихъ клѣтокъ обѣ партіи играющихъ, то игра начинается снова съ тѣхъ, кому послѣ перваго бросанья приходилась очередь бить деревашекъ. Теперь скажемъ о тѣхъ, которые проиграють, т. е. не вышибутъ изъ своего квадрата деревашекъ и какую дань они должны платить выигравшимъ. Выигравшіе ставятъ деревашки попрежнему на мѣста. Когда поставлены деревашки, проигравшіе, взявши по одной палкѣ, становятся рядомъ за задней чертой одного изъ квадратовъ и поднимаютъ палки вертикально надъ своими головами такъ высоко, какъ могутъ поднять, а выигравшіе бросаютъ чрезъ поднятыя палки свои палки, чтобы подшибить деревашки другой клѣтки. Если кто подшибетъ хотя одну деревашку—всѣ проигравшіе должны нести выигравшихъ на себѣ до той клѣтки, куда бросали выигравшіе свои палки чрезъ поднятыя сверху палки. Отъ этой клѣтки бросаютъ такимъ же образомъ опять, и если подшибутъ имѣющимися въ рукахъ палками одну или нѣсколько деревашекъ—опять должны ихъ нести на себѣ проигравшіе. Такъ они носятъ на себѣ отъ клѣтки до клѣтки до тѣхъ поръ, пока противная сторона не подшибетъ деревашекъ; но обыкновенно болѣе двухъ-трехъ разъ нести не случается; инымъ хотя и удастся подшибить, но послѣ двухъ разъ говорятъ: «достаточно ужъ *назидились*». Такое снисхожденіе дается изъ благоразумія: и са-

мимъ не трудно проиграть и тогда придется отплатить такою же данью. Эта игра въ большомъ употребленіи и у взрослыхъ.

Игрушки дѣтскія.

Свистульки. Свистульки эти ничто иное, какъ свистульки полицейскихъ служителей, съ тѣмъ только различіемъ, что внутри ихъ нѣтъ никакой горошинки. Такія свистульки дѣлаются изъ гусиныхъ перьевъ, травныхъ дудокъ и корокъ, снятыхъ съ вишневы, черемухи и липы. Маленькія свистульки служатъ охотникамъ и для приманки рябчиковъ.

Кружокъ вертящійся. (Таб. рис. 3). На лубкѣ или дощечкѣ съ помощію гвоздя и нитки чертится окружность въ поперечникѣ около $1\frac{1}{2}$ верш. и по этой чертѣ вырѣзывается кружокъ. Центр кружка просверливается шиломъ и въ образовавшееся отверстіе пробивается стержень толщиною съ утиное перо, но такъ, чтобы кружокъ находился не на срединѣ стержня, а одинъ конецъ былъ бы нѣсколько короче другаго. Который конецъ короче, тотъ заостряется ножомъ для того, чтобы вертящійся кружокъ не разбѣгался много. Чтобы заставить кружокъ вертѣться, стоитъ только длинный конецъ стержня взять между ладонями рукъ или между большимъ и среднимъ пальцемъ правой руки и вернуть кружокъ по солнцу, и пойдетъ онъ гулять по полу или по столу, куда будетъ спущенъ.

Пильщикъ. (Рис. 4). Дѣлается изъ липоваго дерева человекоподобный болванъ съ разодвинутыми по бокамъ ногами, концы которыхъ должны быть остры. Въмѣсто рукъ къ плечамъ прибавляются лучинки толщиною около пера. Лучинки должны представлять протянутыя впередъ руки, но не параллельно другъ къ другу, а въ разныя стороны; такимъ образомъ пространство между руками образуетъ острый уголъ. Къ концамъ такихъ рукъ привязывается такой же толщины лучинка и болванъ представляетъ собой человека, держащаго въ рукахъ палку, взявши ее за оба конца. Къ срединѣ этой лучинки привязывается шнурокъ длиною около аршина, смотря по величинѣ болвана и по вышинѣ стола или лавки, куда желаютъ поставить болванъ; къ другому концу шнура привязывается гирька или замѣняющій ее камешекъ. Для того, чтобы болванъ своими

поклонами подражалъ пильщику или, какъ еще говорятъ, молящемуся, стоитъ только поставить его на край стола и спущенную гирьку покачнуть въ сторону болвана. Само собою разумѣется, что гирька не должна задѣвать ни за какой предметъ, и должна качаться между ножками стола свободно, подобно маятнику часовъ.

Волчекъ. Эта игрушка, какъ извѣстная повсемѣстно, не требуетъ описанія. Между обыкновенными пустыми съ отверстіемъ волчками, издающими при движеніи звукъ на подобіе волчьего воя, и волчками дѣтей инородцевъ только та разница, что послѣдніе не имѣютъ въ себѣ пустоты, поэтому и не издають никакихъ звуковъ, подобныхъ вою волка или жуужанью. Чтобы сдѣлать настоящій волчекъ, нужны инструменты и умѣнье. Впрочемъ, нынѣ начали появляться настоящіе волчки, которые покупаются на базарахъ.

Ружьецо для стрѣлянья сжатыхъ воздухами. (Рис. 5). Оно дѣлается изъ такъ называемаго чевечнаго дерева толщиною съ большой палецъ; длины имѣетъ около двухъ четвертей. Сердцевина этого дерева мягка, какъ размоченная въ кипяткѣ пробка, поэтому изъ дерева выбивается легко и деревяннымъ шомполомъ, который поколачиваютъ съ одного конца ножомъ или молоткомъ. Выбивши такимъ образомъ сердцевину и прочистивши посредствомъ шомпола до чиста отверстіе отъ находящихся еще на стѣнкахъ его остатковъ сердцевины, желающій стрѣлать вкладываетъ въ отверстіе смоченную въ слюнахъ пулю, которая скатывается изъ конопля или льна или же корпии, и пуля вталкивается шомполомъ до другого конца; а для того, чтобы пуля не выѣзла изъ стволика совсѣмъ, шомполь дѣлаютъ короче стволика, а ручка шомпола толще. И вотъ, когда пули уже на своемъ мѣстѣ, стрѣлокъ беретъ въ лѣвую руку ружьецо, а въ правую такую же смоченную слюнами пулю и шомполь; потомъ подноситъ къ губамъ отверстіе стволика, и вдвухаетъ въ отверстіе воздухъ; когда стволъ ружья наполнится воздухомъ, быстро затыкаетъ отверстіе и вталкиваетъ туда шомполомъ пулю, въ глубину не болѣе поль-вершка. И такъ, ружьецо заряжено, но не порохомъ, а воздухомъ. Стрѣлокъ, ставши въ позу, ружьецо держитъ въ лѣвой рукѣ, а шомполь съ концомъ, находящимся внутри ружья, въ правой рукѣ, взявши ручку его въ кулакъ; и, направивъ ружьецо на какойнибудь предметъ, быстро вталкиваетъ шомполомъ пулю, отчего нижняя пуля, вытѣсняемая

сжатымъ воздухомъ, вылетаетъ со звукомъ «хлопъ!» на нѣсколько сажень. Хорошо сдѣланное ружьецо и притомъ длиною около аршина и съ отверстіемъ въ мизинецъ взрослому надасть звукъ не хуже плохой винтовки.

Пукычъ. (Табл., рис. 6). На деревянной ложѣ, подобной ружейной, дѣлается желобокъ, служащій вмѣсто ствола. На нижнемъ концѣ ложки просверливается дырочка, въ которую можетъ проходить палецъ. Въ ложу черезъ дырочку продѣвается соразмѣрной съ отверстіемъ толщины вязовый или вересковъ дулъ длиною болѣе чѣмъ ложка; къ обоимъ концамъ дула привязывается натянутая крѣпко бичевка. На другомъ концѣ ложки дѣлается зарубка, и на эту зарубку зацѣпляется натянутая съ лукомъ бичевка, а къ послѣдней, т. е. къ бичевкѣ, въ желобокъ кладется стрѣла или камешекъ шарообразной или продолговатой формы. Когда положена стрѣла или замѣняющій ее камешекъ, бичевка отцѣпляется указательнымъ пальцемъ правой руки, быстро ударяетъ о стрѣлу и послѣдняя летитъ. Для удобства спуска бичевки съ зарубки, къ ней прицѣпляется еще плашка въ родѣ ружейной плашки.

Трещетка. (Рис. 7). Трещетка эта представляетъ собой четырехугольную продолговатую рамку съ поперечникомъ въ серединѣ, раздѣляющимъ рамку на два квадрата. Она имѣетъ сходство съ одноручной пилкой съ тѣмъ только различіемъ, что на мѣстѣ пилки, внутри рамки, вращающійся валикъ съ желобками кругомъ вдоль самого валика. На одномъ концѣ валика, какъ у пилы, ручка. Рамку раздѣляетъ на четыре клѣтки березовая пластинка шириною съ полъ-вершка. Одинъ конецъ пластинки, положенный на средину задней рамки, прикрѣпляется къ рамкѣ ниткой, а другой, проходя чрезъ нижнюю сторону поперечника, остается въ желобкѣ. Теперь, если возьмемъ трещетку за ручку и будемъ вертѣть ее снизу вверхъ, конецъ пластинки, ударяясь о стѣнки желобковъ, будетъ производить трескъ.

Букла-свистулька. (Рис. 8). Это глиняный болванъ утки съ пустою внутри; по бокамъ болвана небольшія дырочки, а въ концѣ, изображающемъ хвостикъ, отверстіе какъ у оловянной свистульки полицейскихъ служителей. Взявши утконообразную свистульку за оба бока между большимъ и указательнымъ пальцами обѣихъ рукъ, конецъ хвостика берутъ въ губы и дуютъ въ плоское

отверстіе въ концѣ хвостика; при этомъ кула свиститъ, а для разнообразія звуковъ боковыя дырочки попеременно то закрываются, то открываются указательными пальцами.

Жужжалка. (Рис. 9). Въ срединѣ цилиндрической деревяшки, длиною не менѣе вершка и толщиною съ большой дѣтскій палецъ, просверливаются рядомъ, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, двѣ дырочки; затѣмъ берется хвѣстая нитка или шнурокъ длиною съ аршинъ и оба конца нитки или шнура продѣваются чрезъ дырочки: одинъ конецъ въ одну дырочку, а другой — въ другую и нитка связывается; потомъ, вытянувши половину двойной нитки, одинъ конецъ таковой, съ узломъ, надѣвается на указательный палецъ правой руки, а другой, безъ узла, на указательный палецъ лѣвой руки; затѣмъ нитка натягивается въ горизонтальномъ направленіи и деревяшка стоитъ вертикально, находясь на срединѣ нитки. Чтобы деревяшка, кружась, издавала жужжанье, она вертится на ниточкѣ снизу вверхъ до тѣхъ поръ, пока не скрутится нитка. Когда нитка достаточно скрутилась, тогда за оба конца ея то тянуть, то отпускаютъ, отчего самая нитка посредствомъ вертящейся деревяшки крутится то въ ту, то въ другую сторону и, кружась, вертитъ деревяшку, которая при этомъ издаетъ жужжанье. Крутящаяся безпрестанно нитка попеременно то укорачивается, то удлиняется.

Прыщалка. Это сифонъ изъ травной дудки съ тупыми концами; на одномъ концѣ, гдѣ суставъ дудки, продѣлывается небольшая дырочка для прохода струи воды. Поршень такой же, какъ и у обыкновеннаго сифона. Прыщалка употребляется дѣтьми инородцевъ какъ игрушка при игрѣ у воды.

Перышко-ружьицо. (Рис. 10). Кончикъ цилиндрическаго стволика перышка срѣзывается, угловатый стержень отрѣзывается, а сердцевина изъ стволика вынимается. Третья часть стволика изъ срединны въ длину вырѣзывается въ глубину не болѣе половины толщины стволика и вырѣзанное мѣсто собой представляетъ стеклянную трубку водянаго уровня, а самый стволликъ — оправу ея. Снизу противъ вырѣзаннаго мѣста, на самой срединѣ его, вырѣзывается опять небольшая дырочка. Стержень отъ опахала или опушка пера очищается и тонкій конецъ его срѣзывается. Затѣмъ на тонкомъ концѣ стержня дѣлаются два коленчатыхъ сгиба, первый

съ конца — книзу, а другой — кверху; остальная же часть, которая потоньше и длинѣе, оставляется для ручки. Коленчатый стержень изображаетъ собой ломанную линію и служитъ пружиной для дѣйствія ружья. Пружина входитъ въ стволъ; взявши за первый суставъ большимъ и указательнымъ пальцемъ, конецъ задѣваютъ слегка за нижнюю дырочку, но такъ, чтобы онъ, т. е. кончикъ, много не выставлялся внаружу нижней стороны стволика, для чего дырочка дѣлается, небольшая. Поднятая пружина образуетъ собой острый уголъ, обращенный вершиной кверху. Теперь, если положимъ къ пружинѣ горошинку или спичку и нажмемъ пружинку съ другого конца большимъ пальцемъ, то кончикъ пружинки, вышедши изъ отверстія, ударитъ о спичку и тѣмъ отшибетъ ее, отчего спичка летитъ.

Крестъ-маледѣ. Четыре деревяшки, имѣющія форму бруска одинаковой величины, длиною не менѣе двухъ вершковъ и толщиною не болѣе полъ-вершка, посредствомъ сдѣланныхъ въ срединѣ зарубокъ складываются плотно какъ крестъ. Четвертая деревяшка, служащая клиномъ, безъ зарубокъ. Сложить ихъ весьма трудно, а разложить, не зная клинка, невозможно, такъ какъ снаружи никакихъ зарубокъ не видно.

Кольцо-маледѣ. Четыре металлическихъ изъ проволоки кольца, раздѣленные попарно, вдѣваются другъ въ друга и посредствомъ разныхъ сгибовъ въ одной сторонѣ складываются въ одно кольцо и на мѣстѣ, гдѣ находится камешекъ у колецъ, образуется какъ бы плетенка. Сложить ихъ вдругъ невозможно и если человѣкъ незнакомъ съ устройствомъ сгибовъ, сложить при всемъ стараніи и совѣмъ не можетъ. Подобныя же кольца встрѣчаются и изъ семи колецъ.

Бабки костяныя. Ставятся онѣ на полу или на дорогѣ, если играютъ лѣтомъ, попарно въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга въ одномъ направленіи. Отопедши отъ бабокъ шаговъ на десять, бросаютъ въ нихъ какой нибудь металлической штучкой около двухъ вершковъ, и если подшибутъ сколько бабокъ — тѣ выиграны. Съ другого конца начинаетъ бить тотъ, чья штучка лежитъ ближе къ бабкамъ.

Лодыжки. Для игры употребляются лодыжки отъ коленного сустава овечьихъ ногъ. Два или три человѣка играющихъ мальчи-

ковъ садятся за столъ и вынимаютъ изъ-за пазухи лодыжки и мечутъ жребій—кому начать игру; для этого каждый беретъ двѣ лодыжки и бросаетъ на столъ, условившись прежде, которой стороной должны быть обращены лодыжки; но обыкновенно употребляется ровный бокъ лодыжки, называемый «толъ»; этотъ бокъ въ игрѣ называется старшимъ. Чьи лодыжки больше обращены кверху условной стороной, тотъ беретъ всѣ лодыжки, къ которымъ прибавляютъ еще нѣсколько паръ, и, сгребши въ руки, бросаетъ ихъ на столъ; потомъ смотритъ и считаетъ, сколько въ группѣ парныхъ лодыжекъ, обращенныхъ одной стороной. Сколько ихъ будетъ въ группѣ — всѣ онѣ выиграны. За первымъ по очереди бросаетъ другой. Десятокъ лодыжекъ цѣнится копѣйка, а въ нѣкоторыхъ деревняхъ—грошъ. Въ зимнее время по вечерамъ у мальчишества главная игра—игры въ лодышки.

Пѣшки. Цилиндрическая палочка толщиною съ мизинецъ десятилѣтняго мальчика разрѣзывается ножомъ въ пѣшки вышиной съ четверть вершка, числомъ около 15; потомъ всѣ эти пѣшки по срединѣ раскалываются и изображаютъ собой половинныя шашечки, каковыми играютъ на шахматной доскѣ. Предъ началомъ игры двое или трое мечутъ жребій такимъ же образомъ, какъ и при игрѣ въ лодыжки; но выигрываются пѣшки слѣдующимъ образомъ: если стоять рядомъ двѣ пѣшки, обращенныя кверху одной стороной, игрокъ, зацѣпивши указательный или средній палецъ правой руки за большой палецъ, щелкаетъ пѣшку, которая и должна ударить о другую парную пѣшку: если ударилась пѣшка о другую, то послѣдняя, какъ выигранная, кладется игрокомъ въ сторону; а если не ударилась, продолжать дальше до слѣдующей очереди не въ правѣ, а бьетъ уже слѣдующій; такъ равно не въ правѣ игрокъ продолжать игру до слѣдующей очереди и тогда, когда которая нибудь изъ двухъ дѣйствующихъ пѣшекъ ударится въ стороннюю пѣшку. Конечно это зависитъ отъ умѣнья игроковъ и положенія самыхъ пѣшекъ. Для того, чтобы пѣшки не стояли въ одной грудѣ, а нѣсколько въ сторонѣ одна отъ другой, они игрокомъ должны быть разсыпаны умѣючи. Такимъ образомъ, игра по очереди продолжается игроками до тѣхъ поръ, пока не останется ни одной пѣшки. Потомъ игроками считаются всѣ пѣшки, кто сколько ихъ выигралъ, посредствомъ известнаго уже щелканья. Кто выигралъ больше противъ причи-

тающагося по раздѣленіи всѣхъ пѣшекъ на число играющихъ количества, тотъ даетъ другимъ недостающее число пѣшекъ, оставляя при себѣ только причитающееся на его долю количество, и за это даетъ принявшему по лбу щелчки такимъ же образомъ, какъ ударялись при игрѣ, пѣшки, при каждомъ ударѣ приговаривая: «мало не выигрывай!» Предположимъ, играютъ трое, а всѣхъ пѣшекъ 24; слѣдовательно, на cadaго игрока причитается 8 пѣшекъ; если, напримѣръ, одинъ выигралъ 12 пѣшекъ и другой 9, то третій выигралъ только 3; первый даетъ выигравшему 3 пѣшки и своихъ 4, и даетъ за это по лбу 4 щелчка, а второй, выигравшій 9 пѣшекъ, даетъ третьему же 1 пѣшку и одинъ щелчекъ.

Эстафета и почта. Одинъ изъ мальчиковъ, привязавши палку къ веревкѣ и взявши послѣднюю въ лѣвую руку, бѣжитъ верхомъ на палкѣ, постегивая ее свободнымъ концомъ веревки, которую беретъ въ правую руку. Другіе мальчики отъ двухъ до четырехъ чловѣкъ, взявши въ руки свою веревку, бѣгутъ рядомъ, а за нимъ одинъ изъ мальчиковъ съ концомъ веревки въ рукахъ бѣгутъ за ними, понувая ихъ. Первый изображаетъ эстафету, а послѣдніе—почту.

Игры мальчиковъ и дѣвочекъ съ движеньями. Спрятки. Передъ игрой нѣсколько мальчиковъ мечутъ между собой жребій, кому искать спрятавшихся мальчиковъ. Метанье жребія производится слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ мальчиковъ держитъ въ рукѣ вертикально палку и каждый беретъ ее въ руку, кладя руку на руку. Такимъ образомъ, булаки поднимаются выше и выше. Кому пришлось взять палку за верхній конецъ, тому и искать спрятавшихся. Быть можетъ, вверху еще останется пустой конецъ, тогда конецъ покрывается по очереди нижними руками. Долженствующій искать у спрятавшихся станетъ на условленномъ мѣстѣ гдѣ нибудь въ углу зданія, такъ какъ самая игра производится около зданій, и, прижавшись въ уголъ лицомъ, долженъ стоять до времени; прочіе разбѣгаются въ разныя стороны, чтобы спрятаться отъ стоящаго въ углу. Когда всѣ спрятались, даютъ свистъ, означающій, что играющіе уже спрятались. Стоящій въ углу, услышавши свистъ, отвертывается и идетъ искать, озираясь кругомъ, чтобы не занялъ его мѣсто кто нибудь изъ спрятавшихся. Если найдетъ кого изъ спрятавшихся или увидитъ его на мѣстѣ, мѣсто его занимаетъ тотъ, котораго онъ нашелъ или увидѣлъ. А если спрятавшійся, улучивъ минуту, успѣетъ тайкомъ про-

браться къ его мѣсту и займетъ его—опять долженъ отправить должность искателя старій. Въ эту игру играютъ ребяташки и дѣвченки и называется она по вотски «чимали».

Горьлки. Двѣ взрослые дѣвушки берутъ другъ друга за руки, а третій (обыкновенно паренъ или, за неимѣніемъ его, дѣвушка же) стоитъ впереди ихъ задомъ; дѣвушки бѣгутъ впередъ, не желая быть пойманными парнемъ, а паренъ гонится за той, которую считаетъ легче поймать или хлопнуть по спинѣ. Которую дѣвушку паренъ поймалъ или хлопнулъ по спинѣ, той стоять въ другой разъ на мѣстѣ парня; въ противномъ случаѣ, долженъ бѣгать за дѣвушками опять паренъ.

Скаканье черезъ веревку. Два мальчика берутъ веревку длиною около трехъ сажень и отошедши другъ отъ друга, слегка натягиваютъ веревку и машутъ ей то въ ту, то въ другую сторону, а третій мальчикъ черезъ веревку перескакиваетъ такъ, что и не задѣваетъ за веревку ногой.

Забава молодежи: 1) *качели*, въ употребленіи только на недѣлѣ св. Пасхи; 2) *скаканье* на доскахъ; 3) *катанье съ горъ* на маслянной недѣлѣ на корытахъ, политыхъ снизу водой, на лубянкѣ и на салазкахъ и 4) *катанье съ шестовъ*. Забавы эти, какъ употребительныя на Руси и извѣстныя давно, не требуютъ описаній.

Занятія маленькихъ дѣвушекъ. Дѣвочки, собравшись у одной изъ подружекъ, дѣлаютъ изъ разныхъ лоскутковъ куклы, стрипаютъ лѣтомъ гдѣ нибудь во дворѣ изъ глины перепечи, шанежки, пирожки и проч. и, настряпавши довольное количество, кто принимаетъ названіе гостыи, а кто—хозяйки и воспроизводятъ дѣйствіе приѣма и угощенія гостей.

Мальчишки лѣтомъ дѣлаютъ *ходули* и учатся на нихъ ходить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ автора сего описанія случай приводилъ видѣть и *фокусы*, которые заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Узнать который изъ трехъ кружковъ задѣтъ и клѣмъ именно.* Этотъ фокусъ исполняется съ помощью товарища, съ которымъ ранѣе уговариваются о способѣ исполненія фокуса. Фокусникъ чертитъ на стѣнѣ мѣломъ три кружка, стоящіе вертикально въ равномъ разстояніи одинъ отъ другого и говоритъ присутствующимъ при фокусѣ: «вотъ здѣсь три кружка. Я войду въ сѣни—и мнѣ нельзя будетъ

видѣть сквозь стѣны что здѣсь дѣлается. Задѣньте ктонибудь одинъ изъ этихъ трехъ кружковъ и я узнаю, который изъ нихъ задѣтъ и даже скажу, кто задѣлъ». Сказавши это, онъ выходитъ. Товарищъ его не спускаетъ глазъ съ кружковъ. Вотъ одинъ изъ находящихся въ комнатѣ задѣлъ кружокъ и отошелъ въ сторону; товарищъ фокусника видитъ это и не теряетъ изъ виду того, который задѣлъ кружокъ. Фокусникъ входитъ въ избу.... съ товарищемъ переглянулся. Товарищъ, какъ только фокусникъ посмотрѣлъ на него, дѣлаетъ условные знаки: если задѣтъ верхій кружокъ—почешетъ немножко свой лобъ, если средній—грудь, а если нижній—животъ, и по этимъ знакамъ фокусникъ знаетъ, который кружокъ задѣтъ. Если почесалъ лобъ, значитъ, задѣтъ верхній кружокъ, если грудь—средній кружокъ, а если животъ—нижній. Теперь нужно узнать, который человекъ задѣлъ кружокъ. Фокусникъ здоровается съ каждымъ присутствующимъ въ комнатѣ за руку, спрашивая его: «какъ поживаешь, другъ?» или чтонибудь въ этомъ родѣ. Если здоровается съ тѣмъ, который задѣлъ кружокъ, товарищъ его издаетъ какіе-нибудь звуки, напримѣръ, зѣвнѣтъ, или плюнетъ, или высморкается, и по этому фокусникъ знаетъ, который задѣлъ, и тогда, поздоровавшись со всѣми, садится на лавку, зоветъ задѣвшаго кружокъ и говорить, смотря ему въ глаза: «плутовски твои глаза! ты задѣлъ». Чтобы не привлечь на себя вниманія присутствующихъ при фокусѣ, товарищъ фокусника дѣлаетъ знаки и произноситъ разнообразныя звуки. Иной, для разнообразія, держитъ въ рукѣ какую-нибудь лучинку, а лучше трубку, если товарищъ взрослый. Если при появленіи фокусника, онъ, куря табакъ, трубку держитъ въ рукѣ, это означаетъ, что задѣтъ нижній кружокъ, если держитъ чубукъ, взявши его за середину—задѣтъ средній кружокъ, если же трубка во рту, не поддерживается рукой, значитъ, задѣтъ верхній кружокъ. Конечно хорошее исполненіе фокуса зависитъ отъ умѣнья и часто повторять фокусы тоже нельзя.

2) *Черезъ столъ запятнать углемъ ладонь лѣвой руки.* Для этого никакихъ товарищей—помощниковъ не требуется. Фокусникъ идетъ къ печкѣ и, вынимая изъ печки уголь, незамѣтно для присутствующихъ чернитъ углемъ ноготь средняго или безымяннаго пальца. Взявши въ правую руку уголь, подходитъ къ столу и, показывая ладонь лѣвой руки, говорить: «смотрите, на ладони никакого пят-

*

нышка нѣтъ. Вотъ я положу руку подъ столъ и буду поддерживать его ладонью, чтобы онъ, какъ я ударю уголемъ, не шевельнулся. Уголемъ брошу въ столъ и черезъ него ладонь руки запячется». Сказавши это, онъ лѣвую руку кладетъ подъ столъ, и взявши въ правую руку уголь, бросаетъ имъ въ столъ противъ той руки, которая находится подъ столомъ и чрезъ мгновеніе показываетъ ладонь лѣвой руки, — на ладони оказывается черное пятно, которое получилось отъ зачерненнаго ногтя пальца пригнутого къ ладони. Этого никто изъ присутствующихъ не замѣчаетъ.

и 3) *Надѣтъ на лучину, взятую зрителемъ за оба конца, кольцо.* Фокусникъ беретъ у одного изъ зрителей кольцо и заворачиваетъ его въ свой платокъ на глазахъ зрителей; потомъ беретъ лучинку или вѣту длиною около трехъ четвертей, даетъ ее зрителю, держа въ рукѣ за средину. Когда зритель возьметъ лучинку въ руки за оба конца, фокусникъ даетъ ему въ зубы одинъ изъ угловъ платка съ завернутымъ кольцомъ, отпускаетъ лучину и держитъ платокъ въ рукѣ. Чтобы придать фокусу магическое значеніе, фокусникъ говоритъ: «разъ два, три», затѣмъ, дунувши въ платокъ, обращается къ зрителю: «ну, отпускай кольцо!»; зритель отпускаетъ, фокусникъ, сдергиваетъ платокъ съ лучины и потряхиваетъ платкомъ, — кольцо на лучинкѣ. «Вотъ диво» говоритъ зритель: «какимъ образомъ кольцо очудилось на лучинкѣ?». А секретъ въ слѣдующемъ: въ платокъ фокусника зашито кольцо. Взявши у зрителя подобное же своему кольцо, онъ для примѣра заворачиваетъ зашитое въ платокъ кольцо, между тѣмъ кольцо зрителя уже въ лѣвой рукѣ его, и взявши лучинку, продѣваетъ ее въ кольцо и беретъ лучинку съ кольцомъ за средину. Зритель, когда фокусникъ держитъ лучинку въ кулакѣ, беретъ лучинку за оба конца; фокусникъ даетъ ему въ зубы платокъ съ кольцомъ и отпускаетъ руку; кольцо же покрывается платкомъ, слѣдовательно, не видно зрителю.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ *).

Лѣтоисчисленіе. Инородцы нынѣ ведутъ лѣтоисчисленіе по русски; только нѣкоторые, прозябающіе въ грубомъ невѣжествѣ, ведутъ его еще отъ какихъ нибудь важнѣйшихъ событій, памятныхъ для нихъ. Въ частныхъ случаяхъ говорятъ: назадъ тому годъ, два, три и т. д. Годъ называется *арз* и раздѣляется на 12 временъ, соотвѣтствующихъ 12 мѣсяцамъ христіанскаго лѣтоисчисленія, начиная съ 1-го весенняго мѣсяца. Мѣсяцы эти слѣдующіе: 1) *куакá толызъ* «вороній мѣсяць». Это названіе объясняется тѣмъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ на дорогахъ можно видѣть воронъ, ищущихъ лужицъ напиться изъ нихъ воды; 2) *ошз толызъ* «бычій мѣсяць», соотвѣтствующій апрѣлю, когда изъ лужицы напивается уже и быкъ; 3) *тулысз* или *куарз толызъ* «весна, листовый мѣсяць»; 4) *илз-вожд-толызъ* «мѣсяць божества Инъ вожо»; 5) *Сиздылз палз* «осенняя сторона», когда со второй половины этого мѣсяца (іюля) жары смѣняются уже прохладой, особенно по ночамъ, а вода начинаетъ холодѣть. Мы должны замѣтить, что начало мѣсяца въ вотскомъ времясчисленіи совпадаетъ обыкновенно съ 15—20 числомъ; 6) *сизылыз* «осень»; 7) *кварз-у сѣнз* «опаданіе листьевъ»; 8) *комыз вуднз* «приходъ бѣлки». Приходомъ бѣлки считается принятіе вежшей настоящаго цвѣта, годнаго для мѣха, когда наступаетъ время стрѣльбы этихъ звѣрковъ; 9) *шурз кымднз* «замерзаніе рѣкъ»; 10) *толз сурз* «зимнее пиво» — время зимнихъ пирушекъ, совпадающее со святками; 11) *толз-шдрз* «середина зимы». Это соотвѣтствуетъ времени памяти преподобной Ксеніи (24 января); русскіе считаютъ съ этого времени другую половину зимы, поэтому преподобную Ксенію называютъ *Аксиньей*

---

*) Во время печатанія предыдущихъ страницъ авторъ прислалъ дополнительныя свѣдѣнія о бытѣ Вотьяковъ. Нѣкоторые изъ этихъ свѣдѣній включены въ соотвѣтствующія мѣста, другія не могли быть размѣщены, такъ какъ отдѣлы, къ которымъ они относятся были уже напечатаны, и приводятся здѣсь. *Ред.*

полузимницей и 12) *Тулъсы-пѣл* «весенняя сторона», когда со второй половины мѣсяца начинаются оттепели.

Въ недѣлѣ считается тоже семь дней и самые дни называются какъ и русскими. но только съ измѣненіями удареній, которые слышатся всегда на послѣднемъ слогѣ; впрочемъ, воскресенье называется *ария-нунал* «недѣли день». Сутки раздѣляются на 11 частей, именно: 1) *чукѣ* «утро»; 2) *чукна-сіуськонг-дыр* «время завтрака»; 3) *нуназѣ-тор* «середина обѣда или полдень»; 4) *джытѣ пѣл-сіуськонг* «паужинѣ»; 5) *джыт* «вечеръ»; 6) *акшанг-дыр* «время Акшана (божества)», т. е. сумерки; 7) *уйинг* «ночь»; 8) *кэлонг-дыр* «время сна»; 9) *уйтор* «середина ночи или полночь» и 10) *сул-тонг-дыр* «время пробужденія», соответствующее утреннему пѣтлоглашенію и 11) *юйтѣнг* «разсвѣтъ». Время ночью опредѣляется по пѣнію пѣтуховъ и по звѣздамъ. Въ этомъ отношеніи между звѣздами болѣе замѣчательны: 1) *кузьбыжо-кизил* «созвѣздіе съ длиннымъ хвостомъ» (большая медвѣдица или седмизвѣздица). Эта же звѣзда еще называется *йыр йыл-кизил* «созвѣздіе надъ головой» потому что созвѣздіе это, какъ говорятъ, въ полночь стоитъ надъ головой; 2) *джек-кунг кизил* «ножки стола» (поясъ Оріона); 3) *зоринчѣ кизил* (сиріусъ). По положенію этой звѣзды знаютъ приближеніе утра; 4) *исникутѣ-кизил* «взношенный лапоть» (сѣверный вѣнецъ) и 5) *сервпужг кизил* «рѣдкое рѣшето» (плеяды).

Семейныя печати (подѣмъ пусъ). Въ прежнія времена, когда инородцы были противниками всякаго образованія, грамота у нихъ состояла въ рубезахъ, дѣлаемыхъ на лутощечныхъ палочкахъ и въ разныхъ знакахъ, похожихъ на китайскія буквы и имѣвшихъ каждый особое названіе и форму. Такіе знаки были подобными очертаній какихъ нибудь предметовъ, но въ этихъ очертаніяхъ кривыхъ линій, въ виду неудобствъ при вырѣзываніи имѣющимися у вотяковъ орудіями—ножемъ или топоромъ, старались избѣгать. Они существуютъ и теперь и имѣетъ ихъ каждый домохозяинъ, какъ семейную печать; называютъ ихъ сами вотяки *подѣмъ пусъ*, а русскіе—*тамѣми*. Вотъ изображенія нѣкоторыхъ изъ нихъ: < *узэньи*, ∇ *кыметг*, —/ *синикг* «вилы», X *курег-пыдг* «куричья ножка» —H— *маджесг* «грабли» и проч. Нынѣ знаки эти вырубаются топоромъ или вырѣзываются ножомъ на бортихъ,

ульяхъ и на бревнахъ, заготавливаемыхъ для строеній и вездѣ, гдѣ нужно обезопасить собственность отъ захвата чужими; эти знаки также ставятся вотиками на межахъ своихъ полосъ, при огородахъ и дорогахъ. Знаки, поставленные при огородахъ и дорогахъ свидѣлствуютъ о томъ, что пространство, заключающееся между ними, должны содержать въ исправности тѣ семейства, которымъ принадлежать знаки. Еще недавно такіе знаки имѣли значеніе собственноручной подписи и печати и на нихъ основывались дѣла при совершеніи актовъ и дѣловыхъ бумагъ; нынѣ въ бумажныхъ дѣлахъ ихъ замѣняетъ уже рукоприкладство, сдѣланное грамотнымъ по довѣрію или личной просьбѣ неграмотнаго, за что послѣдній платитъ рукоприкладчику 5—10 коп. При другихъ случаяхъ они имѣютъ прежнее значеніе.

Женскія грамотки. Между женщинами у инородцевъ въ большомъ употребленіи такъ называемые *саламы*—посылки или посланія, которыми служатъ обыкновенно лоскутки ситцу или холста. Если кого изъ родственниковъ нужно увѣдомить о какомънибудь важномъ и при томъ радостномъ событіи, напримѣръ, о новорожденномъ, съ приглашеніемъ въ гости, то лоскутокъ вручается какомунибудь попутному съ просьбой передать его просимому лицу съ приглашеніемъ въ гости. Лоскутки-грамотки обыкновенно избираются такіе, которые уже извѣстны приглашаемому, чтобы придать посылкѣ болѣе значенія. Передающій саламъ и слова приглашающихъ получаетъ угощеніе кумышкой какъ гость; но должно замѣтить, что лоскутки-грамотки посылаются только со знакомыми и непременно съ единоплеменниками. Если лоскутокъ посылается съ хорошимъ знакомымъ или родственникомъ, то такой знакомый или родственникъ за передачу салама и за приглашеніе въ гости получаетъ особенное угощеніе, и за таковое угощеніе считаетъ непремѣннѣйшею обязанностію подарить хозяйкѣ при угощеніи монету около 5 коп. Монету хозяйка принимаетъ на правый рукавъ платя и благодаритъ гостя за подарокъ, а иная пропоетъ еще милому гостю пѣсенку о предметахъ, касающихся гостя; а если раздобирется и если гость словоохотливъ,—принесетъ бутылку съ лучшей кумышкой и подаетъ ему сряду нѣсколько рюмокъ таковой. Угощающая гостя молодухка, по полученіи отъ гостя въ даръ монеты, считаетъ обязанностію покло-

ниться гостю въ ноги, чѣмъ и поселяетъ въ гостѣ хорошее мнѣніе о себѣ и гость отзывается о ней съ хорошей стороны, говоря, что угостившая его молодушка будетъ хорошею хозяйкой, что она скромна, кротка, не горда и т. п.

Вновь открытыя божества и другія мифическія лица. Между божествами и другими сказочными существами, поименованными нами прежде, не послѣднее мѣсто въ вотской мифологіи занимаютъ слѣдующія вновь открытыя лица: 1)

Лудъ—богъ поля. Слово лудъ означаетъ поле; но чтобы отличить поле отъ божества, введено другое слово «бусы», означающее тоже поле. Этому божеству приносится жертва въ Лудъ-кенерѣ (лудъ-полѣ, кенеръ—огородъ, т. е. полевой огородъ—мѣсто жертвоприношенія); 2) *Прйтча*—духъ зла или демонъ, наводящій на человѣка, особенно на дѣтей, страхъ съ болѣзнію; онъ же и богъ внезапныхъ болѣзней. 3) *Лудъ-шайтанъ*—полевой бѣсъ; 4) *Мунчо-почетка* или *Мунчо-мурта*—банный бѣсъ; 5) *Обинь Мурта*—бѣсъ находящійся въ ямѣ овина; 6) *Порпи*—богъ морозовъ. Если во время стужи зимой трещать стѣны строеній, то говорятъ, что стрѣляетъ Порпи (Порпи ыбыльськѣ). Это слово заимствовано изъ общаго названія черемисъ (поръ-черемисинъ пи-сынъ; отсюда Порпи—сынъ черемисина). Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что у черемисовъ въ древнія времена былъ сильный богатырь, получившій извѣстность между народами финскаго племени; по смерти духъ его блуждаетъ вездѣ, ища встрѣчи съ подобными себѣ духами и въ послѣдствіи сталъ стрѣлять во время сильныхъ морозовъ отъ ружья, заряженнаго стужей и 7) *Тэтэресъ-уромъ*. Это существо представляется какимъ-то бѣсомъ съ гусиными лапками. О немъ мы слышали въ селеніяхъ, лежащихъ около Глазовско-Сарапульской границы. По повѣрью, Тэтэресъ-уromы живутъ въ липовыхъ дуплахъ; слѣды ихъ похожи на слѣды гусей. Притчѣ приносится въ жертву черная или сѣрая утка на томъ мѣстѣ, гдѣ человѣкъ, испугавшись, получилъ болѣзнь. Мунчо Мурту и Обинь-мурту жертвъ, кажется, не приносится, но они служатъ предметомъ страха; поэтому ходить въ баню одному поздно вечеромъ и сушить овинъ въ полночь, считается дѣломъ если не опаснымъ, то, по крайней мѣрѣ, страшнымъ.

Привидѣніе (пэртмаскѣнъ). Есякій знаетъ, что привидѣніе на

слабоверныхъ наводитъ неописанный страхъ. Чтобы исчезло привидѣніе, слѣдуетъ только, по существующему повѣрью, пятиться задомъ въ сторону привидѣнія и обнять его обѣими руками. Церковный сторожъ—вотакъ намъ рассказывалъ, что въ церковь былъ принесенъ покойникъ и оставался тамъ ночью. Были уже сумерки; въ церкви кромѣ одного сторожа не было никого. Сторожъ пошелъ за огарками свѣчей къ клиросу и обратно долженъ былъ проходить мимо покойника. Прошелъ онъ покойника и оглянулся назадъ. Вдругъ представилось ему такое видѣніе: изъ гроба всталъ въ бѣломъ саванѣ мертвецъ и побѣжалъ за сторожемъ... Сторожа обдало какъ холодной водой. Однако онъ не упалъ совсѣмъ духомъ, а вспомнивши рассказъ, которымъ совѣтовалось привидѣніе обнять назадъ руками, онъ сталъ пятиться задомъ... Шагнувъ раза три и обнявъ привидѣніе сзади руками. Привидѣніе исчезло.

Пуговка съ солдатской шинели. Чтобы не могъ заговориться колдунъ, ружье слѣдуетъ зарядить пуговкой съ солдатской шинели. Колдуны отъ дробы заговариваются, а отъ пуговицы съ шинели не могутъ. По рассказамъ инородцевъ, Казанская царица предъ взятіемъ Казани, заговорившись отъ дробы и пуль, стояла на городской стѣнѣ и показывала солдатамъ половыя части, говоря: «вотъ вамъ Казань!».

Лай собаки (пуны утѣнъ). Собака лаетъ на нѣсколько различныхъ ладовъ; такъ, на примѣръ, на волковъ лаетъ совершенно иначе, чѣмъ на человѣка; на вора тоже въ другомъ тонѣ. Кто привыкъ различать тоны и напряженія голоса собаки, тотъ безошибочно опредѣлить причину лая.

Шапка (ызы). Извѣстно, что при молитвахъ, возсылаемыхъ воображаемымъ божествамъ, вотяки шапокъ не снимаютъ. Чтобы познакомиться со значеніемъ шапки во время молитвы авторъ настоящей статьи спрашивалъ нѣкоторыхъ инородцевъ, почему попы ихъ во время молитвы стоятъ въ шапкахъ, и въ результатъ получилось слѣдующее: 1) старики прежде молились въ шапкахъ и говорили, что вотская молитва безъ шапки не угодна Богу; 2) безъ шапки будешь молиться—Нюлэсъ-Муртъ будетъ сердиться; 3) при молитвѣ жрецъ безъ шапки, все равно какъ безъ головы и проч.

Вѣтка или сучекъ, который держать жрецы при молитвѣ, должны

изображать собой подобіе креста, т. е. при стволикѣ должны быть, по крайней мѣрѣ, двѣ вѣточки, идущія одна въ правую, а другая въ лѣвую сторону отъ одного колѣна. Безъ вѣтки молитвы все равно, что не молитвы, такъ говорили старики.

Секты. Начало просвѣщенію вотяковъ, по преданію, положилъ преподобный Трифонъ, мощи котораго въ настоящее время почиваютъ подъ спудомъ. О преподобномъ Трифонѣ въ Поломско-Балезинской сторонѣ мы слышали такой разсказъ. Преподобный Трифонъ, говорятъ, работалъ на Каменномъ Задѣльи (по тракту между Поломомъ и Балезиномъ), гдѣ, между прочимъ, тесалъ камни на мельничные жернова. Отъ рабочихъ онъ переносилъ всякаго рода насмѣшки: лили на него помои, толкали его, плевали на него и т. д. Однажды на берегу рѣки Чепцы, Трифонъ, послѣ разныхъ насмѣшекъ надъ нимъ, скатилъ жерновъ въ рѣку и тутъ совершилось чудо: жерновъ не утонулъ, а лежалъ на водѣ, какъ на твердой землѣ. Трифонъ сѣлъ на жерновъ и поплылъ внизъ по теченію рѣки. Пораженные этимъ чудомъ, насмѣшники обратились къ нему съ такими словами; «воротись, отче Трифоне!» Трифонъ сказалъ на это: «оставьтесь съ Богомъ!» Особенное вниманіе на просвѣщеніе вотяковъ христіанскою вѣрою было обращено Казанскою Конторою инородческихъ дѣлъ, учрежденною для обращенія инородцевъ въ христіанство. Въ Глазовскомъ уѣздѣ священникъ Ѳеодоръ Ившинъ одинъ окрестилъ болѣе 2,000 Вотяковъ и основалъ 10 приходоу. Апостольскіе труды Ившина были сопряжены съ опасностью для жизни, и въ одно время толпа вотяковъ чуть не сожгла его съ домомъ. По разсказамъ самихъ инородцевъ обращенію ихъ предковъ въ христіанство способствовали особенно льготы, которыя даровались новокрещеннымъ, именно: освобожденіе отъ рекрутской повинности и податей; проповѣдь же христіанская въ устахъ проповѣдниковъ мало имѣла силы, а причиною этому были неразумныя толкованія истинъ вѣры на вотскомъ діалектѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ принятія христіанской вѣры, между инородцами возникли релігіозныя смуты, которыя окончились тѣмъ, что большая часть инородцевъ приняла названіе *вылепырыссы* (выле—во вновь, пырысь—входящій, отсюда слово: вступающій въ новую вѣру). Основателями такой секты и главными

дѣателями въ ней были ворожцы—*тунаси* и жрецы. Остающимся въ христіанской вѣрѣ вылепырыси, особенно жрецы ихъ, говорили, что за отступленіе отъ старой вѣры и принятіе новой не вылепырыси будутъ наказаны жесточайшимъ образомъ, что жизнь ихъ будетъ переполнена бѣдствіями; земля ихъ не будетъ производить удовлетворительныхъ урожаевъ хлѣбовъ, люди будутъ умирать отъ различныхъ болѣзней. Секта вылепырысевъ требовала; 1) не носить никакихъ пунцовыхъ ситцевъ, кумачу, пестряди синей, какую носятъ русскіе; 2) для обуви не употреблять ни сапоговъ, ни башмаковъ, ни русскихъ лаптей; 3) всякую одежду, какую воспрещаетъ носить секта, если таковая у кого найдется, бросать въ лѣсъ или сжигать на огнѣ; 4) съ русскими никакихъ сношеній не имѣть и проч. Послѣдователи этой секты по первому же слову жрецовъ запрещенную одежду бросали въ лѣсъ, которая бѣдными потомъ подбиралась. Чтобы привлечь въ свою секту болѣе послѣдователей, жрецы распускали слухи, что имъ были видѣнія боговъ, требующихъ уничтоженія цвѣтнаго платья подѣ страхомъ наказаній. Ворожцы и жрецы толковали, что вылепырысамъ не надо будетъ и одежды, каковую замѣнить пухъ, которымъ покроется тѣло, что для каждаго человѣка достаточно будетъ на пропитаніе въ годъ нѣсколько *ючйсовъ* (колья, на которыя вѣшаютъ снопы) числомъ около 30.

У вылепырысевъ ворожцы были свои; они пользовались большимъ авторитетомъ какъ прорицатели, и въ тоже время нѣкоторые изъ нихъ слыли за вегиновъ или вѣдунъ-муртовъ т. е. колдуновъ, на-сылающихъ болѣзни на людей и скоть, но обыкновенно они не были любимы; угощаемы же были только ради страха. Если умиралъ колдунъ, его отвозили въ усыпальницу немедленно и погребеніе поручалось однимъ церковнымъ сторожамъ-могильщикамъ. Съ погребеніемъ колдуна прекращался всякій страхъ порчи и болѣзни, которыя при жизни колдуна приписывались бы ему. Колдуны раздѣлялись на нѣсколько категорій, между которыми были болѣе страшные: 1) насылающіе болѣзни по вѣтру 2) портящіе посредствомъ притворныхъ ласокъ и трепаній по спинѣ и 3) наговаривающіе на напитки. Ласки слывущаго за колдуна боялись хуже ножа и, въ случаѣ болѣзни, обращались къ колдуну же. Если при жизни колдунъ былъ страшень, то духъ его блуждалъ по землѣ

и по смерти, наводя страхъ на живыхъ. На могилу такихъ веолачивали осиновый колъ въ глазъ вершиной, который, по повѣрью, полагаетъ конецъ блужданьямъ духа мертвеца. Вся одежда, оставшаяся послѣ смерти колдуна невымытою, бросалась въ лѣсъ. Впрочемъ, не только колдуна, но и прочихъ, не слывшихъ при жизни колдунами, черная т. е. нечистая одежда бросалась и бросается въ лѣсъ или ближайшій догъ. Мѣста эти нынѣ называются *куяськони*. По умершимъ справлялись тризны въ кругу семьи и кости съѣденныхъ животныхъ бросались всѣмъ селеньемъ въ одно мѣсто и назывались *Лыкуана*. Въ настоящее время Куюськаны и Лыкуяны существуютъ еще въ прежнемъ видѣ. Въ первыхъ увидите остатки одежды, бураки, чашки, ложки, лубяжки и проч., а въ послѣднихъ—кости. Куюськоны есть и при нѣкоторыхъ ключахъ и рѣчкахъ, пользующихся извѣстностью присутствія при нихъ Кутыся—поражателя коростой. Здѣсь, если не успѣли еще растащить собаки и хищныя птицы, увидите яйца, крупу въ тряпкахъ и проч., которыя были брошены въ жертву Кутысю съ просьбой объ избавленіи отъ коросты.

Нынѣ послѣдователи секты вылепырысевъ встрѣчаются весьма рѣдко; слѣды ихъ еще свѣжи только тамъ, гдѣ нѣтъ русскихъ. Посмотрите лѣтомъ во время страды на жнецовъ вотяковъ; если увидите на мущинахъ и женщинахъ цвѣтныя платья, скажите, что слѣды вылепырысевъ уже исчезли; напротивъ, если въ одеждѣ преобладаетъ бѣлый цвѣтъ, значитъ, слѣды секты еще не совсѣмъ стерлись. Это—несомнѣнное доказательство остатковъ секты. Кромѣ вылепырысевъ возникали и другія секты; но онѣ существовали недолго. Такъ, напримѣръ (помнить это хорошо и Яковъ Степановъ—вотякъ изъ поч. Сушкова, Шарканскаго прихода), въ 1840 годахъ пріѣзжалъ изъ Глазовскаго уѣзда въ Соновскій край основатель секты *Липопоклонниковъ* т. е. боготворителей липы (онъ, вѣроятно, былъ возстановитель прежней религіи). Пріѣзжій былъ ворожеецъ—вотякъ, пропитанный до мозга костей суемудріемъ, и заставлялъ своихъ единоплеменниковъ бросать обычай жертвоприношенія: это - де вредитъ ужасно карману, заставляя употреблять послѣднія средства на пріобрѣтеніе животныхъ для жертвы... Собрались вотяки толпами и новый проповѣдникъ избралъ мѣсто поклоненія на полянѣ среди лѣса, гдѣ стояла липа.

Туда приносили только кумышку и пиво. Тогда онъ объявилъ липу священнымъ деревомъ, велѣлъ стать всѣмъ на колѣни и воздать поклоненіе священному дереву. Кто не кланялся, получалъ по спинѣ ударъ вицей. Чтобы познакомить читателя ближе съ этой сектой, мы передадимъ вкратцѣ рассказъ вышеупомянутаго Степанова. «Приѣхалъ изъ Глазовскаго уѣзда», говорилъ намъ Степановъ, «ворожецъ и сталъ проповѣдывать новую вѣру, которую онъ предпочиталъ въ томъ отношеніи, что она не требуетъ никакихъ жертвъ. Вотъ же послѣ совѣщаній рѣшились принять новую вѣру и проповѣдникъ назначилъ изъ каждой деревни по два человѣка учениковъ и возложилъ на нихъ говорить молитвы передъ священникомъ или боготворимымъ деревомъ. Затѣмъ избрали небольшую поляну, среди которой стояла липа и собрались туда мужчины и женщины для молитвы; послѣдніе брали съ собой въ стелъпахъ и кумышки. Пришедши на мѣсто, ученики стали передъ липой, а прочіе столпились около дерева. По окончаніи молитвы, когда ученики, по повелѣнію ворожца-проповѣдника сказали *аминь*, всѣ наги на землю внизъ лицомъ, а кто, разсѣянный, забывалъ слѣдовать примѣру прочихъ—получалъ по спинѣ ударъ прутьемъ или вицей отъ стоящихъ сзади учениковъ. Послѣ молитвы женщины угощали кумышкой съ пѣснями. Пирушка ни, больше, ни меньше назначеннаго основателемъ секты времени не продолжалась. Принявшіе такую вѣру не должны были имѣть никакого сообщенія съ прочими, чтобы «не оскверниться». Если въ домахъ ихъ былъ какойнибудь иновѣрецъ, не принадлежащій къ сектѣ ихъ—послѣ него жгли верескъ.

Почуввши два дня и назначивши изъ каждой деревни по два ученика, основатель секты отправился во свояси и, кажется, послѣ и не былъ. Ученики его, любящіе выпивать, праздники назначали чаще и отъ этого экономическое состояніе народа начало приходить въ упадокъ; такъ, напримѣръ, во время посѣвовъ и полевыхъ работъ праздники останавливали работу иногда на цѣлую недѣлю, между тѣмъ прочіе работы оканчивали заблаговременно. Отъ этого у липопоклонниковъ пошли неурожай, а за неурожаями начался упадокъ благосостоянія.

Различные способы гаданія. Ранѣе мы сообщили вкратцѣ о двухъ способахъ гаданья вотскими 'ворожцами; нынѣ нами открыты еще нѣсколько способовъ гаданья. Ворожецъ беретъ иголку съ ниткой и

небольшой кусокъ хлѣба; садится за столъ и, воткнувши иглоу въ кусокъ хлѣба, беретъ нитку въ правую руку и приподнимаетъ нитку тихо, осторожно, чтобы кусокъ хлѣба не покачнулся ни въ которую сторону; кусокъ же хлѣба виситъ отъ стола въ вышинѣ двухъ—трехъ дюймовъ, а чтобы избавиться отъ дрожанія руки, локтемъ руки, держащей иглоу, опирается о столъ.

Затѣмъ смотритъ въ которую сторону кусокъ хлѣба будетъ ударять; а для удобства опредѣляютъ страны свѣта углемъ, мѣломъ и проч.—и говорить куску: «если потерянное найдется, ударяй въ сторону того или другого предмета» или: «если скотина потерялась и не найдется—стой на мѣстѣ»; также «въ которой сторонѣ потерянное, ударяй въ ту сторону», т. е. велитъ куску ударять въ тотъ предметъ, который будетъ принять за виновную сторону; если кусокъ ударяетъ въ названный предметъ—отвѣтъ полученъ утвердительный.

При гаданіи ворожецъ сосредоточивается на одной мысли. Если на столѣ нѣтъ никакихъ знаковъ, опредѣляющихъ страны, то ворожецъ, чтобы получить удовлетворительный отвѣтъ, велитъ куску ударять въ правую или лѣвую или же въ переднюю стороны. Если, напримеръ, явился домохозяинъ съ просьбой поворожить о томъ, найдется ли потерянная скотина или въ которой сторонѣ ее слѣдуетъ искать, ворожецъ говоритъ куску хлѣба: «если скотина въ томъ полѣ—ударяй въ ту сторону, если въ другомъ—въ другую» и т. д. Какой результатъ получается отъ вороженія—объ этомъ ворожецъ объявляетъ и все дѣло оканчивается.

Другой способъ ворожбы таковъ: ворожецъ беретъ цѣльный коровай хлѣба на пальцы правой руки на подобіе того, какъ держать крестьяне во время чаепитія блюдечки; опирается локтемъ о столъ и слѣдитъ внимательно за движеніемъ коровай. Утвердительный отвѣтъ даетъ коровай хлѣба тогда, когда онъ будетъ поворачиваться въ которую нибудь сторону, а отрицательный отвѣтъ получается, когда коровай остается недвижимъ. Третій вновь открытый нами способъ ворожбы состоитъ въ томъ, что ворожецъ беретъ въ руку перстень и, повертывая его на всѣ стороны, чрезъ нѣсколько времени объявляетъ о результатѣ.

Курбона. Подъ этимъ словомъ принято называть семейное жертвоприношеніе божеству Воршуду въ случаѣ какого нибудь несчастья

въ семейной жизни, напимѣръ, нездоровья. Въ такихъ случаяхъ приносится въ жертву чаще баранъ. Курбонъ приносятъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще за новорожденныхъ.

Жертва старикамъ (умершимъ). Умершихъ стариковъ инородцы боготворятъ не менѣе другихъ воображаемыхъ божествъ; они, умершіе, по повѣрью ихъ, могутъ насылать различныя болѣзни на живыхъ; поэтому иногда болѣзни приписываютъ ихъ вліянію; такъ равно, если скотина вслѣдствіе какихъ нибудь причинъ придетъ въ состояніе паралича, говорятъ, что здоровья лишили умершіе старики (кулэмъёсъ кутъизы). Чтобы предотвратить какое нибудь несчастье, инородцы общаются умершимъ старикамъ жертвы, надѣясь этимъ умиловити умершихъ стариковъ. За умершихъ въ кругу семьи приносятся въ году частныя жертвы нѣсколько разъ, а послѣ смерти стариковъ, кромѣ семейной жертвы, приносится еще жертва всей деревней въ домъ потомковъ старика. Для жертвы старику избирается обыкновенно старая лошадь. Молодые люди, питающіе отвращеніе къ конинѣ, жертвы не ѣдятъ; старики же считаютъ непремѣнною обязанностію ѣсть мясо коня до сыта, чтобы умершій старикъ, которому приносится жертва, не питалъ къ нимъ какого нибудь неудовольствія. О различныхъ обрядахъ при жертвоприношеніи мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ они уже нами описаны прежде, а помѣстимъ здѣсь только то, что представляетъ для насъ еще совершенную новостъ при жертвоприношеніи всей деревней. Послѣ различныхъ обрядностей за столомъ и ѣды мяса кладутъ на полъ подъ одинъ изъ концовъ стола лубянку, а къ краю стола ставятъ зажженную восковую свѣчу. На лубянку кладутъ всѣ кости коня и, главное, черепъ. На этотъ черепъ каждый, участвовавшій въ яденіи жертвы, кладетъ мѣдную монету отъ 1 до 5 коп., каковыхъ набирается около 50 коп. Къ черепу ставятъ стаканъ съ кумышкой и буракъ съ пивомъ, — и жертвоприношеніе окончено. Лубянку увозятъ въ лѣсъ на *Лы-куяна*, т. е. на то мѣсто, гдѣ прежде бросали кости животныхъ, принесенныхъ въ жертву. Это жертвоприношеніе называется, какъ и описанное уже, *ви́ро*, но прежде описанное приносится въ конюшнѣ объ избавленіи скота отъ болѣзней, а въ избѣ — старикамъ, какъ родоначальникамъ, отъ которыхъ остались и имѣніе, и скотъ, и потомки. Самое жертвоприношеніе совершается ночью.

Жертвы умершим. Во многих деревнях намъ передавали слѣдующее: умершимъ старикамъ обязательно приносить въ жертву лошадь—мерина, а старухамъ—женщинамъ—корову; прочимъ приносится въ жертву утка въ кругу своей семьи.—По разсказу, одинъ ушелъ въ солдаты и чрезъ нѣсколько дѣтъ получилъ объ немъ извѣстіе, что онъ болѣе не вернется. Это дало домашнимъ солдата поводъ принести ему въ жертву утку. Черезъ нѣсколько времени солдатъ возвращается на родину и говоритъ, что при возвращеніи его на родину передъ нимъ часто были видѣнія летящей утки.

Въ 1884 году, осенью, пишущій эти строки заѣхалъ ночевать къ вотяку въ дер. Тылой, Сосновскаго прихода, Сарапульскаго уѣзда, и при входѣ въ избу засталъ всю семью за столомъ. Было уже около полуночи.

— Что поздно ужинаете? обратился я къ хозяину дома съ вопросомъ вмѣсто обычнаго привѣтствія: хлѣбъ да соль! (по вотски: нянь да слать!)

— Умершимъ утку даемъ, — отвѣтилъ хозяинъ и прибавилъ: «обѣщаніе было по случаю болѣзни семейныхъ».

Я, нуждаясь въ свѣдѣніяхъ для этнографическаго матеріала, спросилъ его снова:

— Какимъ умершимъ даете: старикамъ или молодымъ?

— А кому требуется.

— Какъ это кому требуется?

— Какъ тебѣ сказать! Мы даемъ всѣмъ умершимъ,—старикамъ ли, молодымъ ли—объ этомъ не говоримъ.

— Я слыхалъ, отвѣтилъ я, что старикамъ и старухамъ дается жертва особо отъ молодыхъ.

— Дается,—это есть, да теперь-то не знаемъ кому дать, а дать-то надо непременно: обѣщаніе было.

— По какому случаю было обѣщаніе?

— Въ семьѣ начали жаловаться на хворость; ну и пообѣщали, какъ дѣлали прежде старики.

Хозяинъ, видимо, разговаривалъ со мной не совсѣмъ охотно, а прочіе семейные его смотрѣли на меня не очень привѣтливо, вѣроятно думая: чего де онъ допрашиваетъ такъ? Ужъ не хочеть ли завести какое бумажное дѣло?—Чтобы успокоить ихъ, я сказалъ, что спрашиваю изъ одного пустаго любопытства, а

не изъ желанія повредить имъ чѣмъ нибудь; причемъ сказалъ, что вотскіе обычаи мнѣ извѣстны какъ свои пальцы, что я знакомъ отчасти съ обычаями Елабужскихъ и Малмыжскихъ Вотяковъ и, изслѣдуя эти обычаи, въ результатѣ получаю между обычаями тѣхъ и другихъ большое различіе.

— Какъ иначе? Живутъ вѣдь не въ одномъ мѣстѣ, отвѣчалъ хозяинъ на вышеозначенныя мои слова. Тѣмъ и кончился нашъ разговоръ о жертвоприношеніяхъ умершимъ или, правильнѣе сказать, за умершихъ. Утромъ при пробужденіи, дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ засталъ обуваемыми въ *русскіе* лапти. Въ комнатѣ было тихо, только хозяинъ изрѣдка перебрасываясь словами со старшими сыновьями о занятіяхъ въ наступившій день. Вотъ дѣти обулись и умылись и каждый сталъ предъ икону и сдѣлалъ нѣсколько поясныхъ поклоновъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ подобныхъ молитвъ намъ не приводилось встрѣчать. Это дало мнѣ поводъ вступить въ разговоръ съ хозяиномъ.

— Умны у тебя ребята: молятся Богу! сказалъ я ему, желая вызвать какое нибудь слово, по которому можно бы судить о способахъ просвѣщенія инородцевъ христіанскою вѣрою; но слова мои хозяинъ почему-то пропустилъ мимо ушей, а повторить ихъ я считалъ дѣломъ непрличнымъ.

Жертва за убитаго звѣря. Каждый охотникъ считаетъ непременною обязанностію принести Нюлэсъ-Мурту въ жертву утку за пойманнаго звѣря. Нѣкоторые попавшагося въ капканъ звѣря убивать приглашаютъ другихъ; иначе, по повѣрью, звѣрь не будетъ попадать.

Расходы жениха. Чтобы судить во что обходится свадьба вотяку, мы перечислимъ по категоріямъ только тѣ расходы, которые производитъ женихъ до вѣнца, а на самую свадьбу расходы составляютъ особенную сумму. Начинаемъ съ сватовства:

- 1) Въ казимъ за невѣсту среднимъ числомъ . . . 50 р. — в.
- 2) На подарки кредитными билетами . . . . . 12 » — »
- 3) Серебряныхъ рублевиковъ екатерининскихъ
временъ 4 . . . . . 6 » — »
- 4) Серебряныхъ рублевиковъ николаевскихъ вре-
менъ . . . . . 40 » — »

5) Мелкаго серебра: полтинниковъ, четвертаковъ и проч.	18 р. — к.
6) Красной бумаги, невѣстѣ для полотенецъ 5 ф.	2 „ — „
7) На вино	10 „ — „
8) На угощеніе гостей, для чего женихъ колетъ корову или быка	20 „ — „
9) 5 паръ кутторовъ невѣстѣ	— „ 80 „
10) Поясъ	— „ 50 „
11) 7 паръ особенныхъ кутторовъ	1 „ 50 „
12) Шалей 20	17 „ — „
13) Бусы (ожерелья)	— „ 40 „
14) На прочіе расходы	10 „ — „
	188 р. 20 к.

Къ этой суммѣ еще мы должны приложить сумму расходовъ на разные предметы во время свадьбы, среднимъ числомъ 80 рублей. Всего стоитъ свадьба Вотяку средняго состоянія 268 руб. 20 коп.

Обряды при рожденіи дѣтей. Выше мы описали, между прочимъ, и обряды при рожденіи дѣтей; но эти обряды обыкновенно исполняются только между семейными до прихода гостей для поздравленія съ новорожденнымъ; по приходѣ же гостей отецъ новорожденнаго садится въ шапкѣ за столъ и предъ нимъ женщины ставятъ бутылку съ кумышкой и рюмку; кладутъ меду, коровай хлѣба съ солью и горбушку хлѣба съ масломъ. Въ молитвѣ, между прочимъ, отецъ проситъ новорожденному здоровья, счастья, силы; если у него много сыновей и новорожденный также сынъ, то общается его въ солдаты, говоря, что надо и Царю человека. По окончаніи молитвы на горбушку накладываетъ масла, выпиваетъ рюмку кумышки и ѣстъ горбушку хлѣба съ масломъ; потомъ отъ коровай отрѣзываетъ другую горбушку и даетъ ее прочимъ. Окончивши такой обрядъ, онъ выходитъ изъ-за стола и начинается пирушка-кабакъ. За столомъ въ это время непрерывно обѣдаютъ гости—мужчины съ мужчинами и женщины съ женщинами.

Обряды при потеряхъ. Если, напримѣръ, у кого потерялись деньги и слѣды преступленія скрыты, то потерпѣвшій приглашаетъ въ свой домъ своихъ односелецъ и въ знакъ невинности предлагаетъ

каждому съѣсть съ ножа кусокъ хлѣба, положеннаго на икону, и перебирать въ рукахъ волчьи жилы и различныя травы, которыми, по повѣрью, приписываютъ силу покоробить вору жилы и вообще дѣйствовать на организмъ его какъ ядъ. Авторъ настоящей статьи былъ самъ свидѣтелемъ исполненія обряда при потерѣ денегъ однимъ вотякомъ за селомъ Большепургинскимъ. У этого вотяка потерялись деньги и слѣды преступленія были скрыты, поэтому потерпѣвшій всякіе розыски считалъ бесполезными. И вотъ, по существующему издревле обычаю, онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ односелецевъ, въ числѣ которыхъ долженъ былъ быть и воръ, такъ какъ на посторонняго, какъ полагалъ потерпѣвшій, думать было нельзя. По приглашенію потерпѣвшаго всякій спѣшилъ къ нему придти, такъ какъ не придти значило бы показаться явнымъ воромъ. Вотъ, поэтому, каждый односеленецъ спѣшилъ, не теряя времени, доказать свою невиновность при самомъ потерпѣвшемъ. Когда собрались односеленцы, хозяинъ-потерпѣвшій предварительно обратился ко всѣмъ съ извиненіемъ, прося ихъ не судить его за отрываніе отъ занятій и какъ бы за подозрѣніе ихъ въ кражѣ; у вора, говорилъ онъ, одинъ грѣхъ, а у потерпѣвшаго—тысячи, такъ какъ онъ можетъ думать на всякаго. Послѣ этого онъ взялъ съ божницы икону (кажется, святителя Николая), положилъ ее на столъ, искрошилъ въ небольшіе куски хлѣбъ и разложилъ куски по иконѣ; потомъ принесъ откуда-то (вѣроятно, изъ чулана) волчьи жилы и еще какія-то растенія и сѣмена (названія ихъ авторъ забылъ) и положилъ ихъ рядомъ съ иконою. Приготовивши все это, онъ помолился, взялъ ножъ и воткнулъ конецъ его въ кусокъ хлѣба; поднесъ хлѣбъ ко рту и съѣлъ; затѣмъ перебралъ въ рукахъ волчьи жилы, сѣмена и растенія и отошелъ въ сторону. Это значило, что деньги его не украдены имъ самимъ или, вѣрнѣе, онъ хлопочетъ не даромъ: деньги у него дѣйствительно потерялись. За нимъ стали подходить къ столу одинъ за другимъ и прочіе и слѣдовали его примѣру. Черезъ часъ послѣ этого всѣ односеленцы разошлись. Потерпѣвшій былъ твердо убѣжденъ, что если въ числѣ съѣвшихъ съ ножа хлѣбъ и перебравшихъ въ рукахъ жилы и проч. былъ воръ, то онъ долго не проживетъ. Естественно, что если въ присутствіи всѣхъ собравшихся у потерпѣвшаго кто отказался бы ѣсть съ ножа хлѣбъ и перебирать въ

рукахъ жили и сѣмяна, то онъ тѣмъ навлекъ бы на себя явное подозрѣніе въ кражѣ денегъ и его всякій бы могъ назвать воромъ, такъ какъ отказъ есть прямое доказательство виновности: не съѣлъ куска хлѣба съ ножа и не пребралъ въ рукахъ жили и проч. — значить, боялся смерти какъ воръ. Боясь смерти и вообще дурныхъ послѣдствій отъ съѣденнаго съ ножа хлѣба, краденное, если кража совершается односельцами, въ случаѣ различныхъ угрозъ и слуховъ о волчьихъ жилахъ, подбрасываютъ хозяину немедленно; впрочемъ, отъявленные воры повѣрья о жилахъ считаютъ басней.

Воровъ открываютъ ворожцы еще такимъ образомъ: ворожецъ, идетъ къ колодцу или на ключъ съ ведромъ; изъ перваго ведра воду выливаетъ на землю, изъ другаго — тоже, а третье ведро несетъ домой; принесенной воды наливаетъ въ чашку и опускаетъ въ нее серебряную монету, иногда еще и уголь; пошептавши слова заговора, заставляетъ потерпѣвшаго смотрѣть въ чашку. Послѣдній, если смотреть въ чашку, то, говоритъ, видитъ въ водѣ черты лица вора и поэтому узнаетъ, кто укралъ деньги или что нибудь потерянное. Такой замѣчательный ворожецъ былъ, какъ рассказываютъ, около границы Глазовскаго уѣзда и къ нему обращались потерпѣвшіе чуть не со всѣхъ сторонъ.

Сожженіе Воршуда. Заштатный священникъ села Шаркала, о. Александръ Анисимовъ, рассказывалъ намъ, что въ 1860 годахъ въ деревнѣ Сурсоваѣ его прихода былъ сожженъ имъ, о. Анисимовымъ, Воршудъ въ куалѣ вотяка Лоріона Никитина, но на его мѣсто появился опять такой же Воршудъ.

Но, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нашихъ читателей желательно будетъ знать подробнѣе о самомъ предметѣ, называемомъ вотяками Воршудомъ. Воршудъ—это берестяная коробка съ серебряной монетой копѣекъ въ 20 или просто оловянная или свинцовая, круглая какъ монета пластинка величиною съ четвертакъ, съ изображеніемъ какого нибудь предмета на обѣихъ сторонахъ. Вотъ эта-то коробка и есть символъ божества Воршуда. Въ старину такія пластинки у бѣдныхъ служили вмѣсто денегъ, носимыхъ нынѣ дѣвушками на татяхъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ татя съ такими пластинками можно видѣть и теперь; называются они *дэндоръ*. У нѣкоторыхъ племенъ къ монетѣ или замѣняющей ее дэндоркѣ присоединяются: ложка, хвостикъ

звѣрка, зола и проч., и самыя коробки у нѣкоторыхъ бывають лубяныя. Воршудъ хранится въ куалѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать куала, въ переднемъ углу или на стѣнѣ, гдѣ устраиваются нарочно полочки. Если же куала перестраивается, то Воршудъ на время перестройки приносится въ избу и ставится на полку, что выше божницы. Такое то божество и было сожжено о. Анисимовымъ въ означенное нами выше время. Впрочемъ, для ясности, мы передадимъ читателямъ рассказъ самого священника о. Анисимова, какъ слышали отъ него сами.

«Вотакъ Ларіонъ Никитинъ», рассказывалъ о. Анисимовъ, «по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ заходилъ ко мнѣ часто и въ это время, пользуясь случаемъ, я наставлялъ его въ православной христіанской вѣрѣ, дѣлалъ ему увѣщанія бросить окончательно всѣ старыя обычаи. Онъ долго оставался при своемъ мнѣніи, что бросить старыя обычаи совсѣмъ нельзя: это не поведетъ къ лучшему, такъ какъ единоплеменники будутъ смотрѣть на него неприязненно. Наконецъ, онъ выразилъ согласіе отстать отъ нѣкоторыхъ чистоязыческихъ обычаевъ, сопряженныхъ съ жертвоприношеніями воображаемымъ идолическимъ божествамъ, и я взялъ съ него слово предать сожженію находящійся въ куалѣ его Воршудъ, который нельзя было терпѣть еще потому, что онъ пользовался почтеніемъ какъ икона и находился на мѣстѣ иконъ. Вскорѣ послѣ этого мнѣ случилась поѣздка въ деревню Сурсовой для исправленія требъ; мнѣ сопутствовалъ причетникъ. Пріѣхавши въ деревню и исправивши требы, я съ преднамѣренною цѣлію ушелъ къ Ларіону Никитину и никого изъ постороннихъ не засталъ. Время, какъ видите, благопріятствовало исполнѣнью, и я, пользуясь такимъ случаемъ, обратился къ Ларіону Никитину съ требованіемъ привести въ исполненіе данное имъ слово.

— Какъ хочешь, бачко! сожжешь, такъ сжигай хоть сейчасъ: я не противъ этого,—сказалъ Ларіонъ.

— Ну такъ веди меня въ куалу.

— Айда!

Я, сопровождаемый Ларіономъ и причетникомъ пошелъ въ куалу, гдѣ находился обрекаемый огню Воршудъ. Пришли къ куалѣ. Причетникомъ моимъ, видимо, овладѣла трусость—и онъ не вошелъ въ куалу; я, перекрестившись, ступилъ за порогъ и пошелъ

къ полѣ, гдѣ находился Воршудъ. Въ это время, какъ нарочно, среди куалы дымился костеръ, разведенный вѣроятно для варки кушаньевъ. Я взялъ съ поля коробку (въ ней кромѣ дэндорки и золи не было ничего), подошелъ къ огню и положилъ на него коробку. Коробка запылала и Воршудъ былъ сожженъ. Предавши сожженію этотъ боготворимый предметъ, я вышелъ изъ куалы и сказалъ Ларіону по поводу сожженія Воршуда нѣсколько словъ. Что чувствовалъ онъ при сожженіи Воршуда—не знаю.

Черезъ нѣсколько времени я узналъ, что Воршудъ въ куалѣ Ларіона Никитина опять появился. У означеннаго Ларіона былъ сынъ Андрей; его во время сожженія Воршуда не было дома. Когда онъ вернулся домой и узналъ, что сожженъ Воршудъ, то, говорятъ, выразился такъ: «счастливъ поэтъ, что меня не было дома! а не то я бы зналъ какъ поступить съ нимъ».

— Зачѣмъ у тебя опять появился Воршудъ? спросилъ я Ларіона при первомъ свиданіи съ нимъ.

— Я не радъ, батко, что сожгъ: семейные ругаютъ, сосѣди бранятъ, посторонніе смѣются, отвѣтилъ мнѣ на это Ларіонъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что Воршудъ привезенъ изъ того племени, въ какому принадлежалъ Ларіонъ.

Снопы-матки (мумъ культъ). Обычай связывать на послѣднихъ полосахъ снопы-матки существуетъ и у русскихъ. Самые снопы, числомъ два, имѣютъ символическое значеніе родоначальниковъ семьи. Обрядъ этотъ совершается на послѣдней полосѣ въ каждомъ изъ двухъ полей: въ озимовомъ—на ржаной полосѣ, въ яровомъ—на овсяной. Естественно, что окончить страду всѣмъ въ одинъ день нельзя: у кого много семейныхъ оканчиваетъ раньше, у кого мало—позже; кто оканчиваетъ раньше, считаетъ обязанностію, по заведенному обычаю, помочь несправившимся съ работою, чтобы за это помогли самимъ, когда встрѣтится нужда въ помощи, по обыкновенно помогаютъ другъ другу родственники и то только одинъ день и въ тотъ самый, въ который по расчету, жатвы должны окончиться. Мы сказали, что самый обрядъ совершается на послѣдней полосѣ; полоса для этого, въ виду дожинокъ, всегда оставляется изъ лучшихъ единственно для матокъ-сноповъ. Когда она дожинается, хозяинъ старшій въ семьѣ, дѣлаетъ два пояска необыкновенной толщины и длины и владетъ ихъ на землю. Когда пояски

для матокъ уже сдѣланы, никто отдѣльныхъ полюсковъ для своего снопа не дѣлаетъ, а всякъ свои горсти кладетъ въ два грудки, изъ которыхъ должны составиться два снопа-матки. Пока не дожнется полоса и не будутъ связаны снопы—царствуетъ тишина, нарушаемая только шуршаньемъ соломы; и вотъ, когда хлѣбъ сжатъ, хозяинъ связываетъ снопы-матки и кладетъ на нихъ серпы жнецовъ; потомъ, помолившись въ восточную сторону, говоритъ: «пусть такимъ же образомъ Господь сподобитъ начать и кончить полевую страду и въ слѣдующемъ лѣтѣ». Позакусивши хлѣба, снопы несутъ на головахъ и ставятъ къ колыямъ, но ихъ вмѣстѣ съ прочими не вѣшаютъ, а стоятъ они на своемъ мѣстѣ до уборки. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ при связываніи сноповъ говорятъ: «Ватка кузѣ лѣсъ, Кузонъ кузѣлѣсъ, Муско кузѣлѣсъ узырзэ татцы вертъисьско». (Вятскаго купца, Казанскаго купца, Московскаго купца богатство связываю сюда т. е. въ снопы).

Обряды. При началіи жатвы. Жнецы, выжавши горсть хлѣба на первой полосѣ, кладутъ таковую на землю и берутъ въ руку комокъ земли; раздавливаютъ комокъ и потираютъ землею руку, чтобы во время страды не болѣли руки и не былъ бы, такъ называемый, скрипунъ. Другіе въ первый разъ серпъ берутъ въ руку остриемъ и срѣзываютъ такимъ образомъ съ трудомъ нѣсколько соломинокъ, чтобы въ страду не порѣзали руки.

Главные обряды при началѣ жатвы заключаются въ слѣдующемъ: хозяйка дома покрываетъ столъ скатертью, кладетъ на нее цѣльный коровай и хлѣба яичный блинъ; ставитъ солонку съ солью, бутылку съ кумышкой и при ней рюмку; хозяинъ надѣваетъ на голову шапку, беретъ въ руку еловую вѣтвь и садится за столъ въ передній уголъ; отрѣзываетъ ножомъ отъ коровай горбушку, беретъ ее въ правую руку вмѣстѣ съ вѣткой и начинаетъ молитву, поглаживая лѣвой рукой бороду, взявши таковую въ кулакъ. Молитва его начинается такъ: остэ, остэ, Инмарѣ Кыдышнѣ (или Кыдчине)!.. Пересѣсы—атайѣсы! дядяѣсы (имена)! милемды энъ куштѣ; татыръ колдъ-и кадь нянь сѣтъ.... (Благослови, благослови, Господи!.. старики отцы, братья, насъ непокидайте! урожай дайте полный каеъ полонъ этотъ коровай хлѣба....). Послѣ молитвы горбушку хлѣба даетъ семейнымъ и тѣмъ, отщипывая отъ нея по крошечкѣ, сѣбѣдаютъ; потомъ беретъ рюмку съ кумышкой и говоритъ: остэ, Инмаре оста!

Изъ другой рюмки отвѣдываютъ по немногу и прочіе семейные. По окончаніи этой молитвы всѣ идутъ съ серпами въ поле.

На полосѣ хозяинъ говоритъ опять: атайёсь! дядяёсь! пересёсь! Энъ куштэ; тысямъ юмесь медъ калчи араломъ (отцы! братья! старики (умершіе), не покидайте! хлѣбъ въ налившихся зернахъ пусть выжнемъ мы легко); затѣмъ наклоняется и срѣзываетъ одну горсть серпомъ три раза.

При началѣ снокоса. Пришедши на покось, хозяинъ говоритъ: «остэ, Инмаре! чебѣръ медъ ветломъ турнаса; азыланъ тачэ турынъ медъ потѣзъ. Пересёсь! милемды энъ куштэ тазъ и ынкъ ўте вѣрдэ.... (благослови, Господи! пусть будемъ во время сѣнокоса здоровы; пусть и въ будущее время трава растетъ хорошо. Старики (умершіе), насъ не покидайте,—такъ же храните насъ и впередъ! Послѣ такой молитвы, онъ наклоняется и начинаетъ косить. Если въ чьей нибудь семьѣ есть молодушка—идутъ туда снимать съ нея шортъ-дэрэмъ т. е. верхнее холщевое платье со сборками, чтобы во время страды не было ей жарко. Если шортъ-дэрэмъ не будетъ снятъ—молодушка не имѣетъ права работать въ одной сорочкѣ т. е. она сама не можетъ исполнить обряда снятия съ себя шортъ-дэрема. Молодушка, предвидя надъ собой такой обрядъ, беретъ кумышки и поить ею всѣхъ участвующихъ при обрядѣ. За угощеніе водкой дарятъ ее деньгами отъ 1 до 5 коп. Кромѣ молодушки кумышки берутъ и другія женщины для угощенія мужчинъ. Покосивши около часа и попирававши въ общемъ кругу, идутъ домой и ходятъ изъ дома въ домъ ѣсть завариху съ масломъ.

При пожарахъ. Кто знаетъ заговоръ или слова противъ огня, тотъ, по приглашенію, беретъ въ буракъ или ведрѣ воды и обходитъ съ ней горящее строеніе три раза, читая про себя слова заговора; затѣмъ воду изъ сосуда выливаетъ на огонь. Послѣ этого, по повѣрью инородцевъ, пожаръ утихаетъ. Про одного тушителя пожаровъ намъ рассказывали, что онъ, обоедши пожаръ три раза, бросилъ на средину его яйцо—и тѣмъ положилъ пожару конецъ. Слова заговоровъ составляютъ секретъ знахарей, да и сами знахари весьма рѣдки.

Чтобы вернулся сынъ изъ солдатской службы. Отецъ въ кругу своей семьи обѣщаетъ принести въ жертву двухъ или больше же-

ребать. Если обѣщанное не исполняется до возвращенія сына, то приносится жертва уже по прибытіи солдата на родину. Въ дер. Ворчинѣ намъ говорили, что вотакъ той деревни, посуливши двухъ жеребятъ, одного съѣлъ до возвращенія сына, а другого—по возвращеніи.

Одержимый какою нибудь болѣзнію бросаетъ къ столбамъ воротъ крупу изъ горсти или какой нибудь посуды, говоря: Инмаре—Кылдысинэ! тѣиньта мыжъ—мѣ кұшты инъй: кенбыръ пальте-исько. (Господь всевидящій! отъ этого мыжа *) освободи ужъ меня: крупу бросаю). Послѣ этого, по повѣрью, больной выздоравливаетъ.

Внезапное чувство боли. Кто почувствуетъ внезапно боль въ какой нибудь части тѣла, тотъ плюетъ въ лѣвую сторону три раза и говоритъ: синтэмъ кыль!.. кэсъ чагъ!.. кэсъ межысъ (**). Притчаэдъ, котырідъ (слѣпая горячка!.. сухая лучинка! сухой шестъ Притча (божество) при тебѣ).

Если около деревни и полей и лѣсовъ появится множество волковъ общаются всей деревней Нюлэсъ—Мурту въ жертву двухъ жеребятъ съ утками, и такую жертву ѣдятъ въ лѣсу одни мужчины.

Такъя-куштонэ (снятіе таты) Молодушка до снятія съ нея таты считается еще какъ бы дѣвушкой, поэтому дѣвушки приглашаютъ ее на игры и посидѣлки какъ свою подружку, ни мало не стѣсняясь ея мужа. Окончательное же лишеніе дѣвичьей свободы наступаетъ со времени снятія съ нея таты и замѣны таковой подургою. Женщины—сосѣдки, въ виду беременности молодушки или безъ таковой, по истеченіи примѣрно одного года, идутъ къ ней съ преднамѣренною цѣлю и силой снимаютъ съ головы ея татью—дѣвичій уборъ. Молодушка, если успѣла прежде догадаться, бѣжитъ изъ комнаты въ сосѣди и татя остается на головѣ ея до слѣдующаго раза; но обыкновенно бѣжать удается рѣдкимъ, такъ какъ женщины начатый обрядъ стараются всѣми мѣрами привести

(*) Слово «мыже» мы не могли перевести на русскій языкъ; оно, кажется, означаетъ должность въ принесеніи жертвы.

(**) Межысъ—это шестъ съ заостреннымъ концемъ. Онъ употребляется, чтобы узнавать степень тепла въ скирдѣ хлѣба; для этого втыкаютъ заостренный конецъ въ скирду и, подержавши съ минуту, вынимаютъ; если конецъ шеста нагрѣлся—значитъ внутри скирды жаръ, къ устраненію котораго слѣдуетъ принять мѣры, безъ чего скирдѣ угрожаетъ опасность сгнать.

въ исполненіе. Когда татья будетъ снята, надѣвають вмѣсто нея подургу и это считается символомъ перехода молодушки въ разрядъ женщинъ. Молодушка, особенно если мужъ ей не очень милъ или, быть можетъ, она не любима имъ, отходить въ сторону куда нибудь въ отдѣльную комнату и тамъ причитаеть: нэнэе! дядяе! табере куштѣйды угъ; малке эй-а меда яра; табере нылъ—іры бырызъ... (матушка, батюшка (родные) теперь уже бросили; видно, не нужна теперь стала; теперь дѣвичья голова погибла). Если же она довольна судьбой, то дѣлаетъ только видъ будто грустить; а иныя выговариваютъ женщинамъ, что онѣ снимаютъ татью прежде времени какъ будто за провинность: свекровка въ свою очередь утѣшаетъ ее, говоря, что когда нибудь надо же бросить татью. Другія свекровки бросать рано татью сами не даютъ: пусть де еще ходить дѣвушкой. Женщинъ послѣ снятія татьи кормятъ обѣдомъ.

~~~~~

Замѣченныя опечатки и погрѣшности.

<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>	<i>Стран.</i>
продолжится	продолжается	6
ставить	ставить	7
деревни	деревнѣ	66
повѣрья животныхъ	повѣрья о животныхъ	70
см. ноевъ ковчегъ.	—	73
желтая	желтая	75
статѣѣ	книгѣ	95 и 99
проклятыя	проклятыя	115

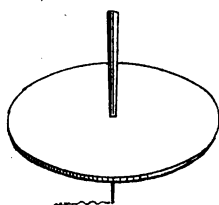
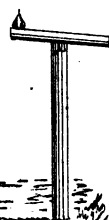

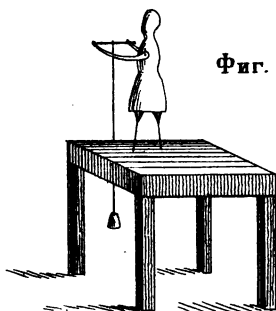
Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

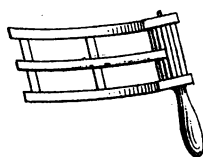

Фиг. 4.

Фиг. 6.

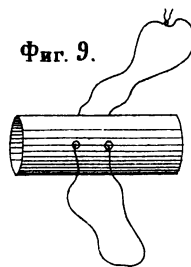
Фиг. 5.

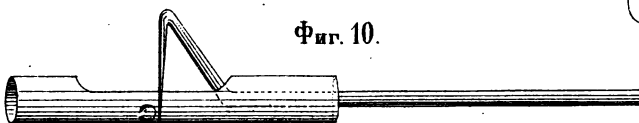
Фиг. 7.

Фиг. 8.

Фиг. 9.

Фиг. 10.

